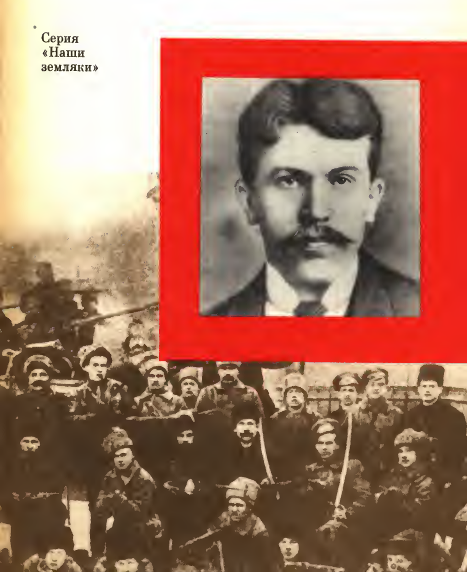
Н. И. Малышева

И. М. МАЛЫШЕВ

Серия
«Наши
земляки»

Н. И. Малышева

И. М. МАЛЫШЕВ

Серия
«Наши
земляки»

Свердловск
Средне-Уральское
книжное издательство
1982

ББК 66.61(2)8
М20

Одна из центральных улиц Свердловска носит имя Ивана Михайловича Малышева. Здесь сооружен памятник нашему земляку, представителю ленинской гвардии Урала.

О детстве и юности своего отца, его боевом революционном пути и деятельности на Урале рассказывает его дочь, Нина Ивановна Малышева.

Книга адресуется широкому кругу читателей.

$М\frac{10202-012}{М158(03)-82}$ 0902030000

ОТ АВТОРА

С тех пор, как помню себя, я всегда осознавала присутствие в нашем доме отца, Ивана Михайловича Малышева, которого, к сожалению, мне не посчастливилось знать при жизни.

Он всегда жил вместе с нами (невидимо, но ощущаемо), и этим я прежде всего обязана матери, Наталье Анатольевне, которая смогла мне, ребенку, передать главное, что было в нем — его мечты о будущем, его надежды, жизнелюбие и даже привычки. Когда я стала постарше, она иногда говорила:

— Как ты копируешь отца!

Или:

— Как ты сейчас похожа на него!

О внешнем сходстве с отцом я слышала не только от матери, это постоянно повторяла сестра отца — Мария Михайловна.

Со временем я узнавала друзей отца, с некоторыми встречалась, с другими вела длительную переписку.

«Милая Нина,— писала Римма Яковлевна Юровская.— Образ твоего отца, которого я знала с начала революции до его гибели, сохранился как образ настоящего человека, большевика, преданного до последней капли крови делу партии, скромного и простого...»

А это другое ее письмо:

«...На заре своей комсомольской юности я познакомилась с Иваном Михайловичем в комитете большевиков, в знаменитом доме Поклевского, что находится на улице, носящей теперь его имя. Партийный комитет помещался на 3-м этаже в мезонине — в 2-х комнатах. В одной размещалась газетная экспедиция комитета. Полученную литературу распределяли для пропагандистов и агитаторов. Мне поручали обеспечивать газетами председателя городского комитета партии большевиков Ивана Михайловича Малышева, и я очень гордилась этим. Так я с ним и познакомилась и прониклась к нему большим уважением. Всегда жадно слушала его выступления на митингах, безгранично верила каждому его слову. Он умел убеждать людей. А когда меня избрали председателем юношеской организации, так была важна помощь Ивана Михайловича! Он был добрый, терпеливый наставник...»

Дополняет эти письма ее подруга, Мария Петровна Сокольская (в те годы маленькая 17-летняя девушка Маруся Жеребцова):

«...Март 1917 г. В нашем городе ежедневно проводились митинги. Особенно многолюдными они были в оперном театре. Мы с Риммой не пропускали ни одного собрания, несмотря на запрет гимназического начальства. На митингах выступало множество ораторов: большевики, меньшевики, эсеры и даже кадеты. Часто выступал Иван Михайлович. Он говорил просто и убедительно. Обращаясь к рабочим, призывал их к организации. Мы часто бывали в комитете большевиков, где встречали Ивана Михайловича. В комитете находился даже наш «юношеский» стол. Иван Михайлович всегда был приветлив, иногда давал нам ответственные поручения...»

Первых членов Социалистического союза рабочей молодежи (ССРМ) я знала с давних лет. Кроме Юровской и Сокольской я хорошо знала Соню Гребневу, Катю Кочкину. Они были близкими подругами моей мамы, а Соня даже некоторое время жила с нами. Их воспоминания всегда живут со мной. Потом я узнала Александра Ивановича Медведева, Елену Федоровну Лобас, также членов ССРМ.

Анна Николаевна Бычкова и Татьяна Ильинична Теумина-Хохрякова делились воспоминаниями о работе в профсоюзах.

«...Твой папа,— писала Татьяна Ильинична,— был человеком, которого все уважали. Я познакомилась с ним в 1917 году, когда его, как политического заключенного, выпустили из тюрьмы. Он работал в профсоюзе металлистов и Екатеринбургском комитете РСДРП(б)... Я тогда работала секретарем союза деревообделочников. Неопытная в общественных делах, я часто приходила к Ивану Михайловичу за помощью. В Екатеринбурге в то время было засилье эсеров, меньшевиков, кадетов. Временное правительство ничего не делало для рабочих. Хозяева предприятий не соглашались на требования рабочих установить 8-часовой рабочий день и повысить заработную плату. Рабочие жаловались, что хозяева не только не выполняют их требования, но и заявляют, что закроют завод. Как бороться с саботажем фабрикантов и заводчиков? — с таким вопросом я шла в партийный комитет. Иван Михайлович всегда внимательно выслушивал, иногда разбирался сам, иногда поставленный пе-

ред ним вопрос выносил на партийный комитет или на городской Совет рабочих депутатов. Поговоришь с ним, и уже не так безнадежным кажется дело. Бодрее и веселее принимаешься за работу...»

Позднее я познакомилась с воспоминаниями члена ЦК партии Андрея Андреевича Андреева, работавшего в первые годы революции на Урале в Комиссариате труда. Отмечая большие заслуги Малышева, он писал, что трудно отделить Ивана Михайловича от истории профсоюзного движения. С первых дней революции он понял, что профсоюзы — оплот нашей революции... Вся работа уральского пролетариата, партийная, советская и профсоюзная, прошла под влиянием организаторского таланта Малышева. Во всех вопросах, в быстро меняющейся обстановке революции он умел занимать принципиально правильные позиции, всегда ориентироваться в самых сложных вопросах. Вся работа, весь тот страшно тяжелый путь, которым шли уральцы, имеет на себе отпечаток личности Ивана Михайловича Малышева.

Так же бережно я сохраняю письма участников гражданской войны В. Баранова, Д. Иванова, Н. Худякова, В. Самодурова...

И снова из письма Юровской:

«...Я и Маруся Жеребцова были, наверно, последними, которые видели Ивана Михайловича за 2—3 дня до его гибели. Мы уезжали на фронт под Златоуст, где командовал Иван Михайлович, а комиссаром был Николай Толмачев. Мы были сестрами милосердия в воинской части «Интернациональный отряд». Помнится, 18—19 июня мы привезли раненых красноармейцев в госпиталь. И тут нам повстречались Иван Михайлович и его преданный товарищ Савва Белых. Они направлялись на подавление Кусинского восстания. Мы просили его взять нас с собой, а он приказал нам возвращаться в отряд. Мы были очень огорчены, но приказ надо было выполнять. Иван Михайлович всегда оберегал нас, девушек, чтобы мы зря не попадали в пекло по молодости своей. Мы пришли прощаться с Иваном Михайловичем и подарили ему «индивидуальный пакет», говоря при этом:

— Это Вам на счастье, чтобы не тронула белогвардейская пуля. А если ранит, то эта повязка быстро залечит раны.

Расцеловали мы его на прощанье, и он уехал, а 23 июня он погиб».

Письма, письма — разве можно все перечислить. Порой они приходили от случайных знакомых отца, в чьих сердцах он оставил яркое воспоминание о себе. Я получала печатные издания, в которых рассказывалось об отце, с автографами авторов.

Все эти устные и письменные воспоминания помогали воссоздавать достаточно полный образ отца, который всегда живет со мной. И теперь я рассказываю о нем в школах, в заводских и студенческих аудиториях, в ГПТУ, в воинских частях.

Жизнь Ивана Михайловича волнует сердца молодых, требует отдавать всего себя Родине, потому что сам он, как говорил о нем Леонид Исаакович Вайнер, «работал не покладая рук, работал так энергично, что все поневоле обращали внимание на его работоспособность».

Много лет я выступаю перед молодежью, отвечаю на вопросы, но открытым оставался один: напишу ли я книгу об отце?

Изданная в 1967 году повесть о Малышеве «Кликун-камень» О. И. Марковой позволяла мне ссылаться на эту книгу, так как писательница пользовалась материалами моего личного архива.

Надолго осталась в памяти встреча, посвященная 50-летию освобождения Урала от белогвардейцев. В Свердловском краеведческом музее собрались убеленные сединой ветераны гражданской войны. Один из товарищей моего отца, Анатолий Иванович Парамонов, в числе самых достойных, избираемых в президиум, назвал и мое имя. Не скрою, это взволновало меня. Я понимала, что, называя мое имя, Анатолий Иванович имел в виду своего боевого товарища Ивана Михайловича Малышева, которому по праву принадлежало это место. И многие из выступавших рассказывали о Малышеве.

— Ты должна написать книгу об Иване Михайловиче,— убеждал меня А. И. Парамонов.— Кому как не тебе это сделать?

Через год меня пригласили в Верхотурье — на родину отца. С волнением я наблюдала, как бережно сохраняют верхотурцы память о своем земляке. Одна из улиц, бывшая Ямская, где он жил, названа его именем. Школы, отряды носят имя И. М. Малышева.

С тех пор я — частый гость Верхотурья. Бываю в шко-

лах, на заводе, в лесхозе, в учреждениях и в комсомольских организациях, встречаюсь с ветеранами комсомола. Теперь я знаю город, его окрестности, места, связанные с И. М. Малышевым. Я знаю очень пожилых людей, хранящих интересные были и легенды, познакомилась с интереснейшим краеведом Верхотурья Николаем Михайловичем Лихановым...

Я начала работать и очень скоро убедилась, что материалы, которыми располагаю, еще недостаточны для книги. Начались поиски: в партийном и государственном архивах Свердловска, музее Я. М. Свердлова, библиотеке имени Белинского... Случай свел меня с однокашником моего отца Александром Северьяновичем Рублевым, он очень помог добрыми советами. Я выехала в Пермь, где предстояла большая, кропотливая работа в архивах и краеведческом музее.

И вот наконец окончена первая часть — книга о детских и юношеских годах И. М. Малышева.

Хочется выразить огромную благодарность верхотурцам, сотрудникам архивов и музеев Свердловска, Перми, Серова, Казани за их добрую помощь.

Повесть выносится на суд читателя, а мне предстоит работать дальше. Предстоят новые поездки, поиски.

Хочется рассказать еще о многом. И о том, как в жизнь Ивана Михайловича вошла простая девушка Наташа, которая подарила ему счастье. А помогут мне в этой работе письма. И вот одно из них:

«...С твоей мамой они были замечательной коммунистической семьей. Помню, как мы любовались ими, их дружбой, верностью, их жизнью с едиными интересами и целями. Как был счастлив Иван Михайлович, когда родилась ты. Он весь светился радостью...

Р. Я. Юровская».

Мне предстоит раскрыть судьбы других героев книги. И главное — рассказать о том, как мой отец любил Родину, как был предан молодой Советской Республике, за которую отдал свою жизнь.

ВЕРХОТУРЬЕ

Дедушка Василий Егорович

В Ямской слободе Верхотурья люди селились не одно столетие. Сводило их вместе общее дело — ямщина. Предков Ивана Малышева тоже звали ямщиками. А деда и отца именовали уже просто извозчиками.

В религиозные праздники в многоцерковное Верхотурье стекалось множество богомольцев. Приезжали сюда и люди богатые. «Вот тут-то,— говаривали старики,— не зевай!» Заработки на извозе держались и в будни: кого на станцию железной дороги нужда заставит ехать за сто верст от города, у других интерес в дальних деревнях окажется. В общем, ямщики без дела не сидели, за хорошую деньгу и в воскресенье запрягать приходилось.

Дед Ивана, Василий Егорович, слыл человеком хозяйственным, копейке счет вести умел. Тому и сыновей учил. Когда женил старшего, Якова, дом ему выстроил, отделил от себя. С младшим, Михаилом, сам остался, внука дождался. Хотел и его по-своему воспитать, да занемог.

«Завещаю Ванюшке мои часы чугунные — пусть помнит деда»,— только и сказал перед смертью.

Но не из-за часов помнил Иван деда...

Ямщики считались народом крепким. А Василий Егорович и среди них выглядел заметнее других. Ладно скроенный, всегда подтянутый, немногословный, он казался строгим. И только когда оставался с внуком, неузнаваемо преображался, добрел и превращался в неторопливого рассказчика, которому ведомо все.

— Наш город свое название оттого взял, что стал в верховьях реки Туры,— просвещал он внука.— А потом на три части разделился: та, что с кремлем да соборами,— Городской зовется, за Турой — Зарецкая, потому как за рекой она. А наша, что от Городской притоком Калачиком отделилась,— Ямская.

— А почему не Закалачиковая? — спрашивал любопытный Ванюшка.

— Скажешь — «Закалачиковая»... Наша слобода, по-

читай, всему городу начало дала. Потому как первые жители в нашем краю были ямщики, и жили они на нашей Ямской улице. По ней и название всей слободы... Веселые и лихие люди жили здесь: во всякую пору они отправлялись по всему Уралу да Сибири, никакой окаянной дороги не боялись! А песни какие пели!..

— Какие, дедушка? Спой,— просит внук.

И дед не отказывал. Любил он песни, в молодости сам неплохим певцом считался. И хоть с годами голос потерял чистоту, но песня все равно за душу берет:

Глухой неведомой тайгою,
Сибирской дальней стороной,
Бежал бродяга с Сахалина...

Ванюшка старается подтянуть. Тихонечко, боясь сфальшивить. Дед фальши не выносит — враз замолчит.

От деда и узнал Ваня, что вместе с другими ямщиками пришел когда-то на верхотурскую землю человек, который дал начало роду Малышевых. Звали его Малыш.

— А ты его знал? — хочет выведать внук.

— Что ты! Давным-давно это было...— прерывает дед затянувшуюся беседу и уходит по своим делам.

Но остроглазый Ванюшка следит за ним. И только появится у деда свободная минута, он тут как тут:

— Дедушка, а кто построил Троицкий собор?

— Ишь ты! — дивится дед любопытству внука.— На месте собора стояла когда-то деревянная церковь, тоже Троицкой звалась. И кремль был деревянный. Жили в нем богатеи да воевода...

— А кто такой воевода? — перебивает Ванюшка.

— Главный правитель города. Воеводы из самой Москвы приезжали. Которые даже сродственниками царскими были... Ну вот, значит, жили, не тужили, стрельцы их охраняли. Только единова, аккурат на пасху, в самую заутреню, зачался пожар. Да такой, что, говорят, половину Туры на него вылили. И церковь та сгорела, и кремль вместе со дворами боярскими и купеческими... Жар стоял такой, что медные пушки на стенах кремля расплавились. А людей сколько пропало — и не сосчитать: только пятьдесят домов и спасли.

— Ну а потом? — не унимался Ванюшка.

— Долго ли коротко,— заканчивал дед,— прошло, может, лет пятьдесят, и по указу царя Петра построили вместо той церкви собор Троицкий и кремль из камня. Вот так и стоят по сей день.

Двенадцатое сентября в Верхотурье особый праздник — день святого Симеона. Еще затемно идут из далека и близка богомольцы. Идут в Николаевский монастырь, где покоится гроб с мощами Симеона Праведного, и Ваня с дедом. Под сводами монастырской церкви с широкого края гроба, в изголовье святого, сделано отверстие, через которое видна часть черепа. Богомольцы тянутся сюда друг за другом и прикладываются... Василий Егорович темя Симеона не целует. Только поклонится и отходит. И внуку не дает:

— Ни к чему это,— говорит, хоть и не объясняет.

— Дед,— шепчет Ванюшка,— расскажи про Симеона Праведного.

— Погоди до дому. Потом расскажу,— тихо обещает дед.

После обеда Ванюшка из дома никуда не уходит, ждет. Знает: дед — не отец, пообещал — расскажет.

Зимой ребятишки с Ямской больше всего любили кататься на санках со склонов Калачика. Станет река, и склоны эти сразу покрываются санными следами. А кто посмелее, уже кричат:

— Айда на тот берег!

От Николаевского монастыря берег крутой: летишь, аж дух захватывает. Загнать ребят домой — целое дело.

Раньше Ваня катался на одних санках с сестрой. А на этот год Василий Егорович смастерил новые. Санки у Ванюшки — любо поглядеть. И хочется ему поделиться радостью с сестрой.

— Пойдешь на Калачик? — спрашивает ее.

— Времени нет,— отвечает.

Маша теперь большая, во втором классе гимназии.

— Знаю, почему не идешь,— не отступает братишка,— боишься закон божий в снегу потерять!

И Маша, смеясь над шуткой, живо наряжается в старенькое пальтишко, вперед брата выскакивает на улицу. Вот веселье-то!

Но если увидит отец — греха не оберешься. Не только Маше, но и матери попадет.

— Поважаешь Марию,— ворчит он,— скоро уж невеста, а все с мелюзгой сопливой...

Анна Андреевна, маленькая, худенькая, рядом с высоким плечистым мужем кажется еще меньше.

— Не сердись ты на нее, отец. Ей ведь тоже отдохнуть надо.

— Балуешь, балуешь ты их! Потом толку не дождешься,— Михаил Васильевич уходит из дома, хлопнув дверью.

В долгие зимние вечера, когда Ванюшка липнет к деду, и Маша любит посидеть рядом. Расплетет тугие косы, вольно откинет их назад и прислушивается к разговору. А потом и сама вступит. И тоже с вопросом:

— Дедушка, а сколько лет нашему городу?

— Точно кто знает? — начинает Василий Егорович, радуясь в душе любопытству внучат.— Известно только, что в ту пору правил на Руси царь Федор Иоаныч. А еще при отце его — Иоанне Грозном — прошли русские в Сибирь, но путем долгим и маетным. И повелел царь Федор искать другую дорогу: покороче и полегче. Искали долго, больше года. И нашли. А вышло так, что прошла та дорога и по нашим местам, по Туре, против прежней укоротилась аж на тыщу верст! И решили на ней крепость поставить. Это и есть наш город... Подай-ко мне, Ванюша, вон ту толстую книгу,— просит дед. Полистав ее, останавливается на пожелтевшей странице: — Слушайте... «От царя Великого князя Федора Иоановича в Пермь Великую, в Чердынь — Василию Петровичу Головину. В настоящем, 1596 году, 3 октября. Писал нам из Перми Сарыч Шестак, да прислал городовому и острожному делу роспись вогульского города Неромкура. А в росписи написано: От реки Туры, по берегу крутого камня горы. От воды вверх высотою сажень с 12 и больше, а та гора круто-утес, и того места по Туре 60 сажень больших. По тому месту городовые стены не надобе потому, что то место и без городовые стены любого города крепче... И как к вам ся грамота придет, и вы б того места, от реки от Туры по берегу рассмотрели. Сколько то место крепко и мочно ль быть по тому месту без городовые стены. И только будет то место крепко и городовые стены не надобе, и вы б сделали нового города 3 стены, а с 4-ю сторону от реки Туры велели поставить хоромы и стену воеводскую, или которые иные поставить пригодится, которыми быти в городе погоже. Только бы было постепенно. Да избы поделать, а по углам города поставить наугольные башни...» Слыхали?!

— Выходит, на месте нашего города еще раньше был Неромкура? — удивляется Маша.

— А ты, Ванюшка, что понял из этой грамоты? — спрашивает с улыбкой Василий Егорович.

— Царь-то не здорово грамоту знал и приказывать не умел: «вы б рассмотрели» да «вы б постепенно избы поделали»,— передразнивает внук.

— Такое тогда обращение было. Ты лучше слушай, что дальше тому Головину царь писал: «...велено вам быть на нашей службе, на новой сибирской дороге на старом городище, на Неромкуре. Поставить новый город». Вот вам и ответ!.. А дальше царь велел Сарычу Шестаку выдать на строительство нашего города триста рублей. А если будет мало, добавить еще сто...

— И что, дедушка, четыреста рублей хватило? — интересуется Маша.

— Ясное дело: нет. Вот тут написано, что Головин попросил у царя еще тыщу сто двадцать, а Сарыч выдал триста, и ни копейки больше...

— Ну и жадюга! — возмущается Ванюшка.— А царь что?

— Царь тоже сказал, что Головин много просит. Но без города было никак нельзя. И тогда на стройку велели пригнать пермяков... В общем, построили.

— И кто стал жить в нашем городе? — спрашивает Маша.

— Ссыльных приводили... Но и по своей воле ехали вологодцы, вятичи, а вот новгородцы положили начало Ямской слободе. Народ крепкий, работящий. Не только товары и людей возили, но и хоромы строили, избы, крепость, соборы, церкви... А когда на Руси стал править шурин Федора — Борис Годунов, зачали со всех проезжих через Верхотурье налог брать, пошлину, значит.

Василий Егорович долго листал книгу и наконец обрадованно сообщил:

— А вот и про тот налог царский указ воеводе: «...которые торговые люди учнут приезжать на Верхотурье со всякими запасами и товарами, и ты бы у них те запасы и товары по нашим проезжим грамотам велел осматривати сыну боярскому, который у тебя выбран будет на гостином дворе. И оценя с приворотного менового товару пошлину с денег, и с вещи, и с меду, и с хмельного, и с сала, и с масла, и со всякого вещевого товару пудовую пошлину. И с амбару оброк, и с изб жиловую пошлину... А забирал бы сын боярский пошлину в ящик... и записывал в прихожие книги...»

— И все это сыну боярскому?! — удивляется Ванюшка.

— Как бы не так! — осаживает внука дед.— Запасами верхотурского гостиного двора распоряжался сам царь. Что получше — себе, а остальное для расчета с теми, кого на службу нанимал. Ну, конечно, у тех тоже свой карман близко... Поворовывали.

— А сейчас воруют? — живо спрашивает Ванюшка.

— Кто?

— Ну те... на Городской стороне.

— Хватит на сегодня. Спать пора,— отвечает дед.

На учебу!

Зима 1896 года выдалась неустойчивая: то мороз затрещит, то на оттепель потянет. Занемог Василий Егорович. Неделю не встает.

Загоревала Анна Андреевна:

— Папаша, может, за лекарем сходить?

— Спасибо, Аннушка. Не мечись, отлежусь и встану.

— Что болит-то?

— На душе неспокойно. Видать, Касьян со мной играет, год-то високосный. Может, господь меня для себя приглядел.

— Не гневите его! Вам и лет-то немного.

— Должен подняться я. Ванюшку надо на ноги ставить. С Михайлом-то у меня, вишь, промашка вышла. Знаю, что и тебя он обижает, с ребятишками неласков. Сердце у него черствое... расчет вместо души. А ведь я его не скупости, а бережливости да аккуратности учил. Не понял...

— Что вы себя-то казните? Видать, в деда пошел.

— И то... Скупее нашего отца в слободе никого не помнят. И в могилу-то его раньше срока жадность свела. Ну да бог с ним, я ему не судья. Только бы Ванюшка не стал таким.

— Не приведи господь!

— Решил я: подымусь — буду Ванюшку грамоте учить.

— Надо бы! Да отец-то что скажет? Он ведь Ванюшку все еще глупым зовет.

— С чего это?

— Молитву выучить не может...

— А сам-то Михаил знает ее? — с усмешкой спросил дед.

— То сам... А тут заметил в церкви, что Маша Ванюшке молитву подсказывает. Да еще Ильинична возьми да уколи: «Сынок-то у вас большенький, а молитвы не знает. Грех!» После этого и приказал Ване учить. Я уж и сама сколько раз ему повторяла, потом Маша. Он нам все пересказал, а как в церковь пришли, опять забыл. Только Машу подталкивает, а та молчит: отца боится. Тут Ваня дерг ее за косу да на всю церковь: «Манька, жаба, что не учишь?!» Ну отец, конечно, после церкви за вожжи...

— А что Ванюшка? — хмурится дед.

— Молчит.

— Это он от характера: твердый. Я тебе другое скажу, Аннушка: толковый он. Я сам иной раз про такое ему рассказываю, думаю, не поймет. А он еще хлеще меня ответит.

Поправился Василий Егорович. И сразу за дело — все мастерит что-то. Как-то попросил прибежавшую из гимназии Машу:

— Поговорим, внучка. Ты же у меня будущая учительница. Вот и хочу с тобой посоветоваться.

— О чем, дедушка?

— Как ты думаешь, не пора ли Ванюшку грамоте учить?

— Я уж сама отцу об этом говорила.

— А он?

— Ты ведь знаешь. Он и за столом-то на нас не глядит. Сказал: сам решу!..

— Внученька, пущай он решает, а мы с тобой давай-ка своим делом займемся.

К вечеру Маша отыскала брата на улице.

— Насилу в сугробе откопала,— шутила она, втолкнув его в дом.

— Да ему неделю сушиться надо! — всплеснула руками мать.

После ужина дед увел внука к себе.

— Ты, Ванюша, думаешь, наверное, что я опять рассказывать тебе стану? А ты не задавался тем, откуда я знаю про то, что говорю?

— Из книжек.

— Догадался, молодец. Но видишь ли какое дело:

глаза у меня слабеть стали: что мелко написано, худо разбирать стал. Помог бы кто мне... Ты, например.

— Я же грамоту не знаю.

— А ты думаешь, я всегда знал?

Ваня смотрел на деда, а тот улыбался своей обычной, с прищуринкой, улыбкой.

— Ты учить меня станешь?!

— Ну, коли думы мои научился понимать, то и книгу осилишь,— повеселел дед. И предупредил: — Не говори пока никому про это.

— А Маше?

— Ей можно.

...Дни катятся один за другим. Ваня совсем не отходит от деда. Иной раз и от улицы отказывается.

— К тебе опять Петька прибегал,— зовет мать.— Гулять звал.

— Завтра,— отмахивается Ванюшка.

— Вам бы тоже отдохнуть,— говорит Василию Егоровичу.— Как бы опять не захворали.

— Аннушка, видишь, нам недосуг,— ласково говорит дед. И улыбается внуку.

И снова что-то толкует дед, что-то пишет внук. Потом вместе вырезают, пилят, ладят. И только вдруг Василий Егорович скажет строго:

— Шабаш, Ванюша, отдыхать пора.

И Ванюшка, накинув старенькое пальтишко, убегает к друзьям.

Пришел день, и Василий Егорович будто ненароком сказал:

— Аннушка, тебе, может, посчитать что надо? Заставляй теперь сына: умеет он уже. Только до времени к деньгам не допускай. Рано узнает — беда! Помни моего отца — бог ему судья. Хочу, чтобы у Ванюшки судьба была светлая...

Приближалась пасха — женская маета. Затемно подымается Анна Андреевна, хлопочет без роздыха. Прибежит Маша из гимназии, сразу — матери помогать. Все у нее спорится: и пасху приготовит, и яйца покрасит, и кулич из печи достанет ловчее матери.

— Вашу Машу — хоть сейчас замуж,— хвалит соседка.— Все-то она умеет!

...Первым на пасху пришел с семьей дядя Яков, старший сын Василия Егоровича. Живут с Михаилом рядом,

а гостятся редко: не тянет родственников друг к другу.

А Василий Егорович со светлой и геройской радостью сразу объявил, что в доме завелся грамотей.

— Это когда вы успели? — вроде бы по-доброму, но холодно спросил Михаил Васильевич.— Поверить чудно!..

— Ванюша, расскажи-ка стих, что сам выучил,— просит дед.

Ваня выходит из-за стола. Начинает декламировать:

Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний первый гром,
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом.
Гремят раскаты молодые...

Больше всех ликует Маша, даже в ладошки хлопает. Хмурится отец.

Жжет деду глаза счастливая слеза. Смотрит на Ванюшку влюбленными глазами Маша. И мать, отворачиваясь, тихонько ищет конец платка...

Ушли гости, а Иван к деду:

— Давно ты мне ничего не рассказывал.

— Ты, брат, теперь и сам грамотный. Что хочешь, узнать можешь.

— Прочитать-то я могу, только ведь ты, дедушка, кроме книг вон сколько знаешь!

— Ох, сынок! Думы народные веками из уст в уста передаются. Тихо, про себя говорят, а слышат и знают их все...

— Скажи, дедушка, эта книга про царей откуда у тебя?

— Как тебе объяснить? — задумывается дед.— Был я тогда, как ты. Отец меня часто стегал, потому что я молитвы читать не любил: приду в церковь, по сторонам глазею, молчу. Дома — вожжи... И вот приметил меня как-то невеселого отец Евмений. Уж тогда он седой был. Подходит он как-то ко мне и спрашивает: «Неинтересно тебе слушать?» Я поначалу обмер: вот наказание божье! Пожалуется отцу — шкуры лишусь. Отвечаю: «Интересно».— «А ты знаешь,— говорит батюшка,— что врать грешно?» Тут я с перепугу сам спросил: «Почем вы знаете, что я вру?» — «Поживи с мое,— отвечает он,— и не то знать будешь». Понравился он мне. Как приду в церковь, глаз с него не свожу. А если увижу где, за ним иду. Скоро и он примечать меня стал, потом к себе пригла-

сил: знал, что темный я, и вроде бы пожалел меня. За что мне такое выпало, и по сей день понять не могу. Только вот ту книгу рукописную он заставил меня выучить. А с нее и другие читать научился: много книжек было у Евмения... Только недолго наш с ним праздник устоял: захворал Евмений, а вскоре и душу богу отдал. А книга его так со мной и осталась...

Василий Егорович умолк надолго.

Лето закатывалось. Подступила осень. И как бы не желая оставить о себе недобрую память, расщедрилась в последние дни августа жарким бабьим летом. Ванюшка с дружками днями пропадал на Туре: то к Троицкому камню, то к Покровскому, а то и на окраину — ко Кликун-камню подадутся. Без рыбы дня не являлся. А иногда и Василий Егорович — знатный рыбак — за ребятишками увяжется. Учитель!..

Но пришел день, и дед сказал:

— Сегодня на рыбалку не ходи, Ванюшка. Дело есть.— И обращаясь к снохе, тихонько попросил: — Одень-ко его во все чистое.

И пошел с внуком в училище. Записал его и деньги уплатил. В магазине Путимцева выбрал новые сапоги и учебники. И, приметив восторженный и в то же время оробелый перед тратами взгляд Вани, бодро рассудил:

— Разве это расход, Ванюшка?! Праздник это — ученье! Попомни...

Так стал Иван учеником.

Дед радовался: только бы дожить, посмотреть, каков выйдет внук. Нравилось ему упорство Ванюшки. Не раз примечал, как сидит он за столом: сопит, что-то не получается у него, но не спрашивает, сам норовит одолеть. Зато потом, когда уж все получится и задачки с ответом сойдутся, даже понять трудно, кто больше радуется: дед или внук.

С каждой открытой истиной, бедой или сомнением идет Иван к деду. Но все чаще застает его не за верстаком, а с тоской останавливается у его постели. С приходом внука преображается Василий Егорович и, как прежде, рассказывает о своем любимом герое Ермаке Тимофеевиче, о его подвигах. И в воображении Ванюшки возникает невольная верхотурская ямщина, далекая Сибирь, неведомая и манящая, которая и по сей день живет в слободе своими грустными и шальными песнями.

Но чаще и чаще отсылает Василий Егорович внука. Устает. И все же напоследок не забудет напомнить: кто учится — с утра непременно должен быть со светлой головой.

В городском училище

Маша заканчивала гимназию. Свою судьбу она выбрала давно — стать учительницей. Сейчас ее беспокоило будущее брата.

— Ваня нынче кончает школу. Он способный, ему бы дальше учиться,— все чаще заговаривала она.

— И я так полагаю,— тут же вступал Василий Егорович.

— К делу его надо пристраивать,— упрямо твердил в ответ отец.— Грамота сама придет, если он не пустоголовый. Летом в Надеждинский завод по торговым делам его свожу. Пусть получше присматривается, коли грамотный.

Но время шло, и Василий Егорович уломал сына. Решили отдать Ивана в городское четырехклассное училище.

Василий Егорович сам пошел к инспектору — никому не доверил. Уплатил деньги за все четыре года учебы. Машу послал купить сукна на форму и фуражку. Сыну велел добыть кожаный ремень с бляхой.

Анну Андреевну заставил сшить из сукна блузу и брюки, а Маше нарисовать на околыше фуражки те же буквы, что и на бляхе.

Когда все примерили — дед остался доволен. Ваня ликовал.

В первый день занятий дед обязательно хотел проводить внука сам, хоть путь предстоял и неблизкий. Василий Егорович часто останавливался. Ваня торопил, ему все казалось, что они опоздают. Но вот и Вознесенская улица...

— Теперь совсем близко, Ванюша. Пойдем потише.

Они остановились. Дед тяжело дышал.

— Ладно уж, один добежишь,— сказал он.— А я отдышусь — и обратно...

Ваня стремглав бросился вперед.

С трудом дошел Василий Егорович до дому. Анну Андреевну предупредил:

— Прилягу я, Аннушка. Ваня пусть ко мне не заходит. Отлежусь, сам позову.

Приходила к нему только она, других видеть не хотел. Только через неделю попросил:

— Пришли Ванюшку.

— Прости меня, деда. Не поберег я тебя тогда,— каялся Иван.

— Что ты! Это я виноват: все забываю, что уж силы не те. Расскажи-ко лучше про училище. Пастухов Иван Иванович учит вас?

— Да. По математике.

— Хороший он человек, душевный. Ты слушайся его.

— По русскому языку — Василий Петрович,— продолжал внук.

— Это маленький такой, рыжий?

— Может, и был, а теперь про него стих сочинили:

Во всю голову плешина,
И волосьев не видать...

— Грех, Ваня, так про старших...

— Если бы он не был вредным, про него не сочинили бы.

— А еще какие уроки?

И Ваня старательно отвечает на все. Подробнее рассказывает об историке Николае Дмитриевиче.

— Значит, глянется история-то?

Василию Егоровичу приятно думать так. Выходит, не пропали даром его старания.

— А закона божьего нет, что ли?

— Есть...— уныло тянет Ваня.

Ваня вспомнил длинного тощего протоиерея Удинцева. Даже поежился.

— Что молчишь-то? Проштрафился, что ли?

— Я еще не успел, а вот Димку уже побил линейкой по голове да еще приговаривал: «Паршивая овца все стадо портит».

— Дима... Это чей же?

— Он не здешний, из Путимки вроде. Стоит у Покосовых, вместе с Вячеславом.

— А ты с кем сидишь?

— С Сашей Рублевым.

— Тоже не помню такого...

— Из Салдинского он. У тетки Масловой живет.

— Александра Маслова знаю. Только, сказывают, пьет он...

Все хотел знать об училище Василий Егорович.

А когда Василий Егорович поправился, Иван из училища бежал прямо к нему. И про училище расскажет, и с кем подружился, с кем поссорился. Деду все интересно.

Зато к Маше не подступиться: учится да частные уроки ведет — дома совсем не сидит. Матери тоже некогда, а у отца, как всегда, только свои заботы.

— Как хорошо, что ты у меня есть,— говорит Ваня деду.

Дед вздохнет украдкою, подумает: надолго ли...

А́ жизнь в училище идет своим чередом. Пишут, считают, рисуют, поют, маршируют ученики. Прилежны у одного преподавателя, верхоглядничают у другого. Появились любимые предметы. А к русскому языку — из-за преподавателя — всеобщее отвращение. За придирки и грубость Василию Петровичу платили ребячьим чистоганом: то калоши его прибьют к полу, то перья воткнут в кафедру, то стул клеем обмажут. Дошло до инспектора, но виновных найти не могли. И вдруг их вызвали.

И всем стало ясно, что в классе завелся ябеда.

Разгневанный Ваня все рассказал деду и заявил:

— Найду предателя — рассчитаюсь!

Скоро догадались: доносит Витя Смирнов. После уроков его поколотили. Он расплакался, запросил прощения. Ивану стало жалко его. Проводив Витю до дому, сказал на прощание:

— Фискалить не будешь, тогда за тебя заступаться буду.

— Обещаю, обещаю! — поклялся Витя.

...Вездесущий Ваня Поляков первым узнавал все новости, был заводилой во всех проделках, сочинял язвительные стишки про преподавателей, а коли был повод, не щадил и своих товарищей. Заметив опеку Ивана Малышева над Витей Смирновым, высказался:

— И охота тебе с маменькиным сынком возиться? Может, в гувернеры к нему метишь?

— Воюют с сильными, а обижать слабого — много ли чести надо? — ответил Иван словами деда...

— Урока сегодня не будет,— в один из дней объявил Поляков.

— Уж не ты ли учить будешь? — крикнул с «камчатки» Толя Таболов, тоже из заводил.

— Прошу, садитесь, ученик Таболов,— сказал Поляков, копируя Василия Петровича.— Я продолжаю урок, господа. Итак, предмет — это все, что предметается перед нашими глазами...

Он замер с открытым ртом: вошел математик Иван Иванович.

— Продолжайте, молодой человек, вы неплохой педагог. Обратите внимание, как вас слушает класс.

— Разрешите сесть...— пролепетал Поляков.

— Да, да, садитесь,— разрешил Иван Иванович и занял кафедру.— Василий Петрович заболел. Мы займемся математикой. Но прежде я хотел бы посоветоваться... В вашем классе все еще нет старосты. Что, если мы выберем Ваню Полякова?

— Если задираться не будет,— высказался Петя Боянов.

— Староста должен быть примером во всем. Думаю, Поляков как раз подойдет...

...Прозвенел звонок, а через коридор не пройти. Толпа учащихся наблюдала за Толей Таболовым, который невесть как забрался на высокую печь. Все глазеют на «героя» и, конечно, не замечают подошедшего Ивана Ивановича.

— Коля Леонтьев,— как ни в чем не бывало просит Иван Иванович,— позови-ка скорее сторожиху Петровну. Пусть принесет швабру и мокрую тряпку.

Увидев приближающуюся Петровну, он обратился к ней:

— Прошу вас, дайте-ка Толе швабру и тряпку. Он решил собрать пыль.— И к Толе: — А ты долго не задерживайся, Толя: сегодня у нас новый материал...

Толя явился в класс тихий и красный. Шутка не удалась...

Вечером Василий Егорович смеялся вместе с внуком. Потом уже совсем серьезно сказал:

— Великое дело — быть учителем!

...Пришел 1900 год. Снова слег Василий Егорович. Вызвали наконец лекаря.

— Утешать не решаюсь,— только и сказал он, уходя.

— Видать, закрыл мне господь дорогу в новый век,— говорил Василий Егорович снохе.— Береги Ванюшку. Ста-

райся, чтобы учился — без этого трудно ладно прожить. Часы дареные пусть бережет...

Умер Василий Егорович, когда проклюнулись почки на березке, что стояла перед его окном.

Осиротел Иван. Все чаще уходил он к Туре, на Троицкий камень. Там в его воображении оживали дедовские легенды. Там мечталось легко и светло.

А Михаил Васильевич горевал по отцу недолго — в деле хозяин нужен. Еще с большим упорством взялся за дело, до клочка использовал приусадебную землю, купил вторую корову, птицы стал держать больше, другую живность завел. Все больше стал продавать излишков в Надеждинском заводе, где много рабочего люду, а значит, и покупателей. А когда сын закончил училище, объявил о своем решении ввести его в торговлю. Но Иван заявил:

— Торговать не буду!

Перед выбором

Ивану шел пятнадцатый год. Он почти не отличался от своих сверстников, и только мать примечала всевозраставшее пристрастие сына к чтению. «Невесть откуда книжки берет!» — говорила дочери.

— Сколько керосину переводишь,— корил отец.— Что толку в твоих книгах? Я ни одной не читал, да не дурнее других.

Иван перестал приносить книги, но чаще уходил из дома, Анна Андреевна чувствовала, что это неспроста.

Вскоре намерение учиться стало для Ивана вопросом решенным. Удерживало только то, что на педагогические курсы, куда он стремился, принимали с шестнадцати лет. Чтобы не чувствовать себя иждивенцем, Иван послушался отца и согласился служить писарем уездного по воинской повинности присутствия.

А Виктор Смирнов после окончания училища отдыхал год, на этом настояла мать. Елизавета Федоровна при всяком удобном случае напоминала о том, что ее единственный сын, ее Витюша, в детстве был болезненным ребенком, и потому учила она его сама. В училище отдала только потому, что находилось оно в нескольких шагах от дома. Кроме того, инспектор, Владимир Иванович Мартынов, был их дальним родственником и всегда мог присмотреть за ее сыном.

Теперь, когда Виктор окончил училище, Елизавета Федоровна решила свозить его в Москву, где жил брат мужа, Иван Алексеевич. К тому же она так давно не видела его жену Наденьку, которую просто обожала.

Елизавета Федоровна, получив согласие мужа, выехала с сыном в Москву. Виктор впервые уезжал из родного города. Все для него было ново, все интересно.

На вокзале их встретил Иван Алексеевич. Дома, когда закончились бесконечные ахи Наденьки, ее матери, тетки, рассматривающих Витюшу, гостей усадили за стол.

Елизавета Федоровна неохотно поддерживала беседу, ей хотелось как можно скорее уединиться с Наденькой. Это понял Иван Алексеевич и изъявил желание познакомить Виктора с Москвой.

— Только ненадолго, Витюша устал с дороги,— наставляла гостья.

Наконец Елизавета Федоровна осталась наедине с Наденькой и тут же заметила на ее лице тревогу.

— Что случилось, моя радость?

— Меня беспокоит поведение Ивана. На его заводе вечные беспорядки, какие-то собрания, которые он посещает, какие-то забастовки. У меня голова кругом идет. Я слышала, что там даже убить могут.

— Боже мой, как это страшно! Что же Иван Алексеевич, не может оставить это место хотя бы ради тебя? Он же так тебя любит.

— Не знаю, ничего не знаю,— с раздражением повторяла Наденька.— Я надеялась, что вы приедете с Петром Алексеевичем. Может быть, он смог бы повлиять на младшего брата.

— Он очень занят.

— Работает все там же, в земской управе?

— Да. Теперь он имеет вполне приличный чин.

— Счастливая. У тебя все спокойно...

— Я буду просить мужа повлиять на Ивана Алексеевича.

Завершался месяц пребывания Елизаветы Федоровны в Москве, Наденька старалась сделать все, чтобы гости были счастливы. Она скрывала возникавшие ссоры с мужем, неприязнь матери к зятю. Внешне казалось, что все в этом доме благополучно.

Елизавета Федоровна, не привыкшая к суете, стала поговаривать о возвращении в Верхотурье. Иван Алексе-

евич предложил оставить Виктора в Москве, чтобы он мог продолжить образование, и Виктор, с восхищением принявший Москву, готов был забыть о своем прежнем обещании учиться с Иваном в Перми.

Но в Москве он все-таки не остался, уступив слезным мольбам матери. Домой они возвратились вместе. А вскоре Петр Алексеевич, не желая, чтобы сын вел праздный образ жизни, как некоторые сверстники из таких же состоятельных семей, устроил его к себе в земскую управу.

— Что-то к нам не приходит Иван. Вы что, поссорились с ним? — поинтересовался как-то Петр Алексеевич.

Он одобрял их дружбу, считая Ивана Малышева «порядочным человеком», хотя и другого сословия.

— Просто мы теперь заняты. Он тоже работает.

— Где же?

— В уездном по воинской повинности присутствии.

— Это похвально,— сказал отец.

А Иван служил в уездном присутствии уже второй год. Его родитель тоже интересовался работой своего сына, не раз наводил о нем справки у Саульского. Полковник был краток.

— Прилежен,— обычно отвечал он, поглаживая мохнатые усы.

Михаилу Васильевичу начальственная похвала льстила. А то, что сыну работа была не по душе, его мало беспокоило. «Молод еще, привыкнет!» — считал он.

Неожиданно домой из Верхнего Тагила приехала Маша. За три года учительства там весной она приезжала впервые. И по тому, какой счастливой выглядела она, можно было предположить, что в ближайшее время следовало ждать перемен в ее судьбе.

Андрей, с которым она познакомилась в год приезда в Верхний Тагил, так просто и ясно вошел в ее жизнь, что непокорная пересмешница Маша открыла ему свое сердце. Скоро Андрей познакомил ее со своей матерью — Александрой Владимировной, женщиной доброй и ласковой, которая приняла Машу как самого близкого человека. Отец Андрея, Олег Николаевич, в отличие от своей жены слыл человеком крутого нрава, с женой и сыном был строг. Крупные торговые дела часто отвлекали его от дома. Андрей боялся его и все свои дела с детства привык решать с матерью. Как-то она спросила его:

— Ты хотел бы жениться на Маше?

— Да, мама. Я очень люблю ее.

— Ну, вот... Завтра приезжает отец. И ты должен поговорить с ним.

Но после приезда отца шел день за днем, а Андрей не мог решиться. Наконец отец уехал снова, на этот раз надолго, до самой пасхи. Оставалось снова ждать.

В те дни состоялась памятная для Маши встреча: она, увидев в окно Андрея с Александрой Владимировной, выбежала встречать, ввела в дом, усадила к самовару — его всегда наготове держала хозяйка, у которой она снимала комнату.

Александра Владимировна долго расспрашивала о Верхотурье, о доме, о родителях. Поинтересовалась:

— Как они отнесутся к тому, что ты собираешься переменить образ жизни?

— Надеюсь, они не будут против моего счастья,— тихо ответила Маша.

— Машенька, дорогая, на пасху приезжает Олег Николаевич. Я надеюсь, что мы получим согласие на ваш брак...

После их ухода взволнованная Маша долго ходила по комнате. Она чувствовала себя счастливой, но мысль о том, как ко всему отнесется ее отец, гасила в ней радость. Решила наконец съездить домой, чтобы как-то подготовить его к предстоящему.

И вот она дома...

Об их отношениях с Андреем знал только Иван. Несмотря на то что он был моложе, у нее не было от него секретов. А Иван радовался за нее. Только сейчас он разглядел, какая она красивая, стройная, с вьющимися темно-русыми волосами, убранными в высокую прическу. Такая же, как всегда, только голубизна глаз стала глубже, и они светились счастьем.

— Ты так смотришь на меня, как будто видишь впервые,— сказала ему.

— Мы скоро расстанемся.

— Почему? — не поняла она.— Мы с Андрюшей будем приезжать к вам. Да и ты...

— Я не об этом,— сказал Иван. И так же, как в детстве, когда хотел открыть ей какую-нибудь тайну, шепнул: — Пойдем пошушукаемся.

— Открой свою тайну.

— Я тоже учителем буду.

— Прекрасно, Ванюша. А где ты намерен учиться?

— На Пермских педагогических курсах, если примут.
— Должны принять. А отец знает?
— Пока нет.
— Ты хочешь, чтобы я поговорила с ним?
— Нет,— ответил он.— Я сам.

Вечером Маша, посмотрев на отца, наконец решилась сказать о своем намерении выйти замуж. Наступило молчание. Все наблюдали за отцом. А он, положив на тарелку недоеденный кусок курятины, медленно вытер руки. Говорить не торопился.

— Марии двадцать второй год пошел,— робко начала Анна Андреевна, не выдержав молчания.— Пора ей...

— Так-то оно так,— вступая в разговор, перебил ее Михаил Васильевич.— Но перво-наперво мне надобно знать, кто таков жених, что за родители у него, каково состояние...

— Отец занимается торговлей. Только к чему это? — не утерпела Маша.— Мы же любим друг друга!

— Любовь — это по вашей части,— грубо отмахнулся отец, указывая взглядом на мать.— Я о твоем благополучии пекусь. Жених служит или отцу помогает?

— Служит.

— А от службы каков достаток?

Маша ничего не знала об этом. От неожиданного вопроса она растерялась и смолкла.

— Мое последнее слово такое: приедут сваты, обо всем и поговорим. А сейчас ни к чему попусту слова тратить,— мрачно заключил отец и вновь принялся за курицу, давая понять, что разговор окончен.

В глазах Маши стояли слезы. Сказав обычное «спасибо», она тихо поднялась и вышла из комнаты. Иван направился за сестрой, но она убежала из дома.

На другой день Маша уехала.

Дом словно опустел. Иван приходил домой только к вечеру. Но в один из дней вернулся со службы раньше обычного.

— Ты что, сынок, так рано? — удивилась Анна Андреевна, заметив его.— Да, кажись, и расстроен. Неприятности?

— Все хорошо, мама,— ответил он и ушел к себе. Ему не хотелось тревожить мать. «Вот если бы Маша была...» В своей комнате он увидел фотографию сестры, ту, на которой она снялась в день начала работы в Тагильском училище.

— Виктор меня предал,— сказал Иван, словно обращался к сестре. И еще более жестко закончил: — Поеду один.

А за ужином объявил отцу о своем решении ехать в Пермь. Это было так неожиданно, что отец сначала не нашелся, как ему ответить.

— Чем же тебе служба не по душе? — спросил он наконец.

— Пойми, не по мне эта работа. Сколько раз мы уже говорили об этом? Пора кончать.— И добавил: — Я и ушел уже... со службы-то.

— Я же за нее заплатил! — враз взорвался, побагровев, отец.— А ты бежать?!

— Я хочу иметь честную работу. Не за взятку!

Анна Андреевна, боясь гнева мужа, не вмешивалась в их разговор, хотя в душе и была на стороне сына. «Пусть уезжает,— думала она,— не такой наставник ему нужен». И вспоминала свекра...

— А ты что молчишь или тебя это не касается?! — вдруг обрушился на нее муж. И она, окончательно подавленная, сбивчиво заговорила совсем не о том, что хотела:

— Ты бы не спешил, сынок, подумал... Время есть. Учебу-то, чай, только к осени начнут...

— Я все обдумал. В понедельник еду.— И к отцу: — Прошу о последней услуге: отвези, пожалуйста, до станции.

Сын ушел, и Михаил Васильевич забушевал:

— А ты что молчала?! Хоть бы заголосила!.. Удержать его надо. Ведь на службе им довольны, повысить могут. А что по глупости ушел, так простят, Саульский устроит. Дом у нас справный. Года через два и невесту сыскать можно, внучат нянчить станешь, глупая. Марият-то все равно отрезанный ломоть...

Сердце Анны Андреевны сжалось при воспоминании о дочери. «В такую даль приехала не зря, в родительской помощи нуждалась. А он не понял. Так обидел, что и мне ничего не открыла...»

— Да ты что все молчишь?! — снова подступил Михаил Васильевич.

— Ну что делать? Может, так и лучше. Платить ведь за эти курсы не надо. Даст бог, выучится, сюда же и вернется учительствовать,— говорила она, сама не веря своим словам.

В воскресенье Иван забежал к Покосовым, где все еще квартировали его товарищи по училищу — Вячеслав и Дмитрий.

— Пришел проститься!

— Заходи,— пригласил Дмитрий,— не на пороге же!..

— Ненадолго я. Еще собраться надо.

Присели, вспомнили Ивана Ивановича.

— Значит, по его совету? — спросил Вячеслав.

— Хочу попробовать. А ты не думаешь дальше учиться?

— Пока останусь на станции. Вот подведем ветку, и уеду.

— А ты? — спросил Дмитрия.

— Наверное, к брату подамся, на Надеждинский завод.

— Тоже неплохо.

— Чай будешь? — спросил Дмитрий.

— Спасибо, побегу. Счастливо оставаться!

...Виктора Иван застал дома за книгой. Сразу спросил:

— Ну что, надумал?

Виктор молчал.

— Ты же лучше меня учился, Виктор! Тебя даже Василий Петрович не наказывал.

— Не могу насмелиться поговорить с отцом, знаешь ведь, какой он. А мать — даже трудно представить!

— Ты же не ребенок,— Иван в упор смотрел на него.— Почему за тебя должны решать родители?

Виктор не мог сознаться в своем бессилии и снова отмолчался.

— Ну хорошо...— говорил Иван.— Я сам найду квартиру, нам помогут мои знакомые Чуприковы. А ты пока подготовь своих. Согласен?

— Не знаю,— неуверенно ответил Виктор.— И получится ли из меня учитель? В земской управе ко мне относятся все хорошо...

— Сегодня хорошо, а завтра все может измениться. Поедем!

— Ладно. Напиши из Перми. Я подумаю.

— Знай: я не прощаюсь,— улыбнулся Иван.— Надеюсь на тебя.

Пришел домой поздно. Проверил багаж: не забыл ли что. Увидел мать, подумал: как она без меня? Отец совсем озверел, руки стал прикладывать... Подсел к ней, сказал тихо:

— Прости, мама.

Она закрыла глаза, скрывая непрошеные слезы.

У себя в комнате Иван прилег на постель и незаметно заснул. Снились ему высокие дома, широкие мощеные улицы и много-много народа, как на верхотурских молебнах. Все бегут куда-то... Сон оборвался. Услышал, как мать хлопочет у печи. Запахло свежим хлебом. Спать больше не хотелось.

— Что так рано, сынок?

— Уже выспался!

— Тише, отца разбудишь. Он почти не спал.

Проснулся и отец. Не спеша оделся. Спросил с недоброй усмешкой:

— Может, за ночь передумал?

— Нет.

— Что ж, хоть и некогда, до станции отвезу. Только запомни: в долг это.

Завтракали молча. Мать, присев на сундучок, глядела на сына. Потом отец вышел запрягать. Иван подошел к матери:

— Не горюй, мама. Все обойдется.

— Когда теперь свидимся? Пиши хоть...

И, отстранив от себя сына, поглядела ему в глаза:

— Помни, сынок, молодость короткая, а всей жизни основа. Не трать ся зря.

Когда вернулся отец, присели. Иван пристроился на старенький чемодан, в который едва затолкали теплое пальто. Отец приказал, чтобы не пришлось расходоваться на лишнюю поездку.

С грустью смотрел Иван на удаляющийся город. Деревянные домишки Ямской и Заречной слобод казались придавленными высокими соборами, церквями, кремлевскими и монастырскими стенами с высокими башнями.

Иван ехал в Пермь задолго до начала занятий. Он воспользовался приглашением своего друга Вани Чуприкова, с которым встретился в Надеждинском заводе, куда ездил с отцом. Ваня Чуприков познакомил его тогда со всей своей семьей. Но особенно понравился Ивану дед, неугомонный и добрый, чем-то напомнивший его деда. Друзья переписывались. А в прошлом году Чуприковы переехали в Пермь.

Повернулся отец:

— Возьми-ка вожжи. Меня что-то ко сну клонит.

Отец заснул, а Иван мыслями вернулся в прошлое. Вспомнились дед, училище, Иван Иванович...

И вдруг память привела его к встрече, о которой никто не знал. В тот день он сбежал с урока русского языка, выведенный из терпения придирками Василия Петровича. Побродил по саду возле училища, но встречаться ни с кем не хотелось, и он ушел на край города ко Кликун-камню, к сосне, которая росла на его вершине. Одинокая сосна на этот раз приютила возле себя человека средних лет.

— Я занял твое место? — спросил незнакомец, улыбнувшись.— Присаживайся, поделись своим горем.

«Откуда он знает?» — подумал тогда Иван. И вдруг получилось так, что он рассказал незнакомцу и об училище, и о незаслуженном наказании. А потом и о доме, о всех родных, о Викторе, о мечте учиться дальше. Все рассказал... Ему очень хотелось узнать, кто этот человек, но он не осмелился спросить его об этом. Словно угадав это, незнакомец сказал:

— Зови меня дядей Мишей. Так проще и вернее.

При следующих встречах дядя Миша много спрашивал, но очень мало рассказывал о себе.

— Знаешь ли ты,— как-то неожиданно спросил он,— сколько нахлебников живет в нашем городе? Давай посчитаем: два собора, пятнадцать церквей, три тюрьмы и прочие заведения. А в них: церковников около трехсот, столько же полицейских, немного больше купцов. Что получается? Тысяча. А всего народа в городе немногим больше трех тысяч. Реши-ка вот эту задачку по математике...

А когда узнал, что собираются строить новый собор, только усмехнулся:

— Мощам Симеона Праведного тесно стало!

Отец не принуждал Ивана к церкви. Да и сами-то родители бывали там больше по обычаю. Однако Иван никогда не отказывался ходить в Троицкий собор. Сказал как-то дяде Мише:

— Какая-то сила зовет меня в этот собор, даже чудно! Все охота еще поглядеть, что нарисовано на его стенах и потолке. Женщина, которая справа от входа,— прямо живая! Отчего это?

И дядя Миша подолгу рассказывал ему о художниках, начиная с тех, что расписывали древние соборы, и о тех, что писали жизнь народную. А в конце наказывал:

— Читай больше. Через книгу обо всем, что захочешь, узнаешь.

И сейчас, вспоминая эти рассказы, пытаясь представить то, о чем рассказывал дядя Миша, он думал о живых картинах родного Верхотурья: о Троицком и Покровском камнях, на которых неведомые великаны прошлого оставили причудливые следы, о задумчивой Туре и о Кликун-камне, что стражем города стал на ее берегу.

Уже смеркалось, когда подъехали к Нижней Туре. Отец поднялся и, оглядев поселок, сказал:

— В трех верстах отсюда Николаевские арестантские роты находятся. «Политиков» там, сказывают, здорово бьют. Опасайся этого дома, Иван! Однако придется заночевать, дорога еще долгая,— закончил он, останавливая лошадь.

Только в следующий полдень приехали они в пристанционный поселок Гороблагодатский. До отхода поезда оставалось еще несколько часов, но Иван отца не задерживал:

— Прощай...

Молча обнялись.

— Ну, будь по-твоему. Может, ты и прав,— сказал, прощаясь, Михаил Васильевич.

ПЕРМЬ. 1905 ГОД

Новые знакомые

Поезд прибыл в Пермь с небольшим опозданием. Выйдя из вагона, Иван остановился, рассматривая прохожих и надеясь встретить кого-нибудь из Чуприковых.

«Так и есть: поздно сообщил»,— решил он.

В поисках знакомых он не заметил, как вокруг потемнело. За Камой были слышны отзвуки грома.

— Над Мотовилихой, видать, гроза,— проговорил прохожий.

«Только грозы мне и не хватало»,— подумал Иван, поставив чемодан, до боли оттянувший руку. Среди вокзального хаоса, где все суетились, спешили, шумели, он заметил человека, озиравшегося по сторонам, и обратился к нему:

— Скажите, далеко ли до Мотовилихи?
— Порядком,— ответил незнакомец.
— А где бы здесь найти извозчика?
— Если не спешишь, подвезу. Мне по пути.
Иван согласился.
— Пойдем, пожалуй,— сказал минуту спустя незнакомец и направился к лошади.— Мне отойти надо. Присмотри за лошадью.
И тут же шагнул навстречу парню в студенческой куртке, что-то тихо сказал ему и увел с собой.
Время шло, а незнакомцы не появлялись.
«Не случилось ли что? — думал Иван.— И кто они?..»
Только часа через два появились — вначале молодой, а вскоре тот, что постарше.
— Не обманул, парень, молодец! — сказал как ни в чем не бывало последний.— Давай знакомиться. Меня зовут Николай Иванович, а его — Арсений.
Иван назвался.
— Ну вот и хорошо. Теперь в путь.
Иван чувствовал себя несколько растерянным, но спросить о задержке стеснялся. Молчание нарушил Николай Иванович:
— К кому едешь-то?
— К другу, на Мотовилиху.
— Работать решил?
— Нет. Хочу на курсы учителей поступить.
— Издалека будешь?
— Из Верхотурья.
— Что ж в церковники не пошел? — с усмешкой спросил Николай Иванович.
— Людей надо правде учить, а не обманывать.
— Так думаешь?
— А вы разве по-другому?
— Да нет. Только трудное это дело — правду говорить. Дорого она достается.
— Знаю.
— Ишь ты! А откуда?
— Хороший человек сказал...
Иван умолк. Молчал и Николай Иванович.
— Арестовали его 14 мая,— решил сказать Иван.
— Значит, и у вас нового царя «приветствовали»?
— Митинг был. Там и взяли.
— Мы тоже этот день отметили,— вступил в разговор Арсений.— Днем демонстрацией, а вечером в город при-

шли рабочие Мотовилихи с красным флагом. «Марсельезу» пели...

— Кончай разговор, ребята, к центру подъезжаем,— прервал их Николай Иванович.

Иван присматривался к своим попутчикам, и ему казалось, что связаны они не только событиями 14 мая... Молча доехали до улицы, которая называлась Большой. Иван попросил остановиться.

— До свидания! — сказал.

— Вот именно, до свидания! До скорого, Иван! — бодро ответил Николай Иванович.

...Иван не мог знать, что его новые знакомые были в гуще событий, происходящих в городе: митингов, демонстраций, забастовок.

Восемнадцатилетний Арсений Зайков родился в деревне. Отца своего он не знал, но слышал от людей, что был он «богатый». Мать, при всей своей бедности, была женщина гордая и воспитание сына взяла на себя, работала в прислугах, батрачила и непременно хотела дать ему образование. Плату за обучение собирала по крохам, об ученической форме сын не мог и мечтать. В Пермь приехали в надежде, что здесь будет легче прожить. Повзрослев, Арсений старался помочь матери, устраиваясь на сезонные работы.

Работая в столярке на Мотовилихе, Арсений и встретился с Николаем Ивановичем Бахаревым. В то время Николай Бахарев знал труды Маркса — изучал их в кружке, организованном его братом Александром, уже высланным в Сибирь.

Вместе с молодыми рабочими Мотовилихи Мишей Туркиным, Ваней Зенковым Николай Иванович знакомил заводских пареньков с революционной литературой. Теперь и Арсению посоветовал организовать такие же кружки среди учащейся молодежи.

— Знаешь Клаву Кирсанову? — спросил он как-то Арсения.

— Только слышал о ней.

— Постарайся познакомиться. Она учится в частной гимназии Барбатенко.

Такая возможность Арсению скоро предоставилась. Гимназия Барбатенко устраивала вечер. Гимназистки давали спектакль, по окончании намечались танцы. Первая же приглашенная Арсением на танец девушка познако-

мила его с Клавой. После танца Клава подвела Арсения к невысокой темноволосой гимназистке.

— Маруся Калугина,— назвалась девушка.

— Пригласи. Она тоже «наша»...

Учащиеся Перми не хотели оставаться в стороне от больших событий. Они объединились в свою группу. Их было немного, не более десяти, но они уже знали о том, что в городе есть «комитет», и хотели организованно включиться в его работу.

Неспокойной жизнью жила Пермь весной 1905 года.

Господину приставу 4 стана Пермского уезда

Рапорт

В перехваченном письме на имя учителя Сергинского училища Василия Степановича Горшенина было обнаружено следующее:

Частным съездом педагогов и деятелей по народному образованию, состоявшимся 11—13 апреля в Москве, положено основание Всероссийского учительского союза... (далее сообщалась программа союза). Все сочувствующие приглашаются на учредительное собрание, которое назначено на 12 часов дня, 14 мая в доме Мешкова, около вокзала, Петропавловская ул., дом 11.

Господину приставу...

Рапорт

...На Мотовилихе обнаружены листовки, в которых упоминались слова: «Да здравствует свобода!»...

Рапорты, рапорты...

Мотовилиха

— Молодец, что приехал,— приветствовал Чуприков друга.— Рассказывай. Родители здоровы? Что пишет Маша? — закидал он вопросами Ивана.

— У нас все в порядке. Расскажи, как тут у вас. Дед приехал?

— Разве он бросит сад?

Сели ужинать. Чуприков рассказывал о Мотовилихе, о волнениях, о стачке. Иван был рассеян. Перед его глазами стояли новые знакомые.

— Что ты к нему с разговорами,— остановила Чуприкова мать.— Дай человеку отдохнуть с дороги!

А на другой день Чуприков принес с завода листовку.

— Познакомься, тебя это тоже касается.

Иван читал:

«Товарищи рабочие!

14 мая по произволу полиции не было допущено собрание учителей. На полицейский произвол интеллигенция, студенты и другая учащаяся молодежь ответили демонстрацией. Вечером того же дня еще большей демонстрацией ответили вы.

Полиция арестовала около 30 человек и бросила их в тюрьму.

Товарищи рабочие! Не выдавайте своих товарищей!»

— Вставай, вставай, Иван! — тормошил его Чуприков на следующий день.— Сегодня Мотовилиха не работает. Все идут на Базарную площадь.

— Рано ведь еще...

— Решено собраться в шесть часов...

Добежав до площади, друзья увидели, что она уже полна народа. С трудом пробираясь в толпе, заметили, как на бочку поднялся очередной оратор.

— Это Александр Борчанинов,— сказал Чуприков,— сын нашего старого рабочего Луки Ивановича.

Борчанинов поднял руку, дожидаясь, когда толпа утихнет. Заговорил просто:

— Я работал и работаю на вашу пользу, за что был арестован и сидел несколько дней в тюрьме. Может, придется и еще сидеть. Я хочу, чтобы каждый из вас понимал: бороться нужно не одному человеку, а всем вместе. Только тогда мы сможем добиться улучшения условий труда...

Говорили все, кто хотел. Говорили о разных, но одинаково всем близких делах и событиях.

— Не нужна нам никакая Мажурия,— слышал Иван обрывки речей.— Своей Расеи на всех хватит!..

Его оттеснили дальше, он уже не слышал выступающих, пробовал пробиться ближе. На него заворчал бородач:

— Куда ты в политику лезешь, молокосос... Все равно побрехают и разойдутся. Только хозяина озлобят, он еще больше штрафу наложит.

— «Наложит»! — презрительно передразнил его дру-

гой.— Эх ты, деревня! Не понимаешь, что все это для нас же делается. А ты, парень, слушай,— обратился он к Ивану.— Они дело говорят.

Только к вечеру расходилась толпа. Моросил дождь. Иван потерял друга, но не пытался искать. Хотелось побыть одному. Подумать.

...На следующий день Чуприкова задержали дела. Иван направился к Базарной площади один. Проливной дождь не остановил его: хотелось разобраться, понять, что происходит вокруг.

На площади снова стояла толпа. Дождь не унимался.

— Товарищи! Митинг проведем в Народном доме,— сообщил Борчанинов.

Толпа хлынула туда.

И снова выступавшие говорили о положении на заводе. Удавалось расслышать только отдельные возгласы:

— Удалить с завода управителя Назарова!

— Требуем восьмичасового рабочего дня!

Зал гудел. Кто-то призывал сражаться. «С кем сражаться?» — думал Иван. Он еще не мог разобраться в пестрых речах ораторов. Его совсем оттерли в сторону. Стиснутый до боли, он не знал, куда ему продвигаться. И в эту минуту услышал:

— Иван!

Он узнал знакомый голос, навстречу ему врезался в толпу и вскоре крепко пожал руку Николаю Ивановичу.

Первая встреча

Иван шел на встречу, которая проводилась нелегально. Потом их будет много, но эта была первой, и он волновался. Необходимо было подойти к определенному месту в точно назначенное время. Для него это было не так просто: он еще плохо знал город.

«Петропавловская улица»,— прочел Иван и ускорил шаг.

Прохожих попадалось немного, и он издали заметил Николая Ивановича. Но когда Иван приблизился к нему, тот вдруг ускорил шаг и свернул на другую улицу. Иван не знал, нужно ли ему тоже прибавить шаг. Что-то удерживало его. И он медленно пошел следом. Тем временем Николай Иванович повернул в проулок и остановился у маленькой калитки. И только здесь, когда Иван подо-

шел вплотную, Николай Иванович быстро увлек его в небольшой дворик.

— Я думал, ты растеряешься,— улыбнулся Николай Иванович.— Увел я тебя специально. Так надо.

Когда подошли к дому, Николай Иванович несколько раз отрывисто постучал в дверь, и она открылась.

В комнате, куда они вошли, было несколько человек. Среди них Иван сразу узнал Арсения, который беседовал с очень красивой девушкой. Остановившийся в дверях Иван невольно задержал на них взгляд.

— Здравствуйте, товарищи,— негромко произнес Николай Иванович. Все смолкли и повернулись к нему.

— Знакомьтесь — это мой новый друг,— представил Николай Иванович,— надеюсь, будет и вашим.

Стали знакомиться. Последней подала руку девушка, которая привлекла его внимание.

— Клава Кирсанова.

Иван как-то невольно задержал ее руку, но тут же смутился и покраснел. Это не оставил без внимания Арсений.

— Ну, Клава, еще поклонник,— пошутил он.

И не случайно. Клава нравилась многим. Когда-то озорная непокорная девчонка, в свои семнадцать лет она превратилась в обаятельную девушку. Серые глаза, обрамленные веером черных ресниц, слегка приподнятый нос и улыбка с ямочками на щеках как-то по-особому одухотворяли ее лицо. Умная, находчивая, она никогда не терялась в сложных ситуациях, решения выбирала мгновенно, и, наверное, поэтому ни одно задание партии, членом которой стала в прошлом году, не осталось ею не выполненным.

Клава Кирсанова приехала в Пермь из Кунгура, где училась в гимназии. Это был вынужденный переезд. Клаве предложили покинуть гимназию после того, как она гневно выразила недовольство начальнице по поводу слежки за гимназистками. Уехала она в Пермь одна, устроилась в гимназию, нашла квартиру. И только после этого вся большая семья Кирсановых переехала следом за ней.

Друзья звали ее «Отчаянная».

Николай Иванович, оглядев присутствующих, начал говорить:

— Прошло не так уж много времени, когда в нашем

городе появились группы революционно настроенной молодежи. Их было мало, и объединяли они несколько человек. Сегодня таких групп становится все больше и больше. Теперь нам надо выявлять настоящих парней и девушек, которые пойдут на самые серьезные дела. Тогда мы сможем создать городскую социал-демократическую организацию учащихся. Эту задачу ставит перед нами партийный комитет. Дело непростое: среди людей хороших могут оказаться «фискалы» или просто трусы. Их надо знать и опасаться. Среди нас находится Миша Христолюбов, которому, например, не так давно довелось узнать, чем грозит встреча с предателем. Мы хотели бы послушать тебя, Миша.

Поднялся высокий семинарист.

— В нашей духовной семинарии революционную литературу читают уже много лет,— начал Миша сразу.— И прятать ее научились. Первыми я, например, прочел книги Чернышевского и Герцена, когда учился во втором классе. А несколько позднее, на одной из наших вечеринок, я познакомился с приезжим студентом из Петербурга. В Перми их было несколько человек, и они получали от своих товарищей из столицы «Искру». Я брал некоторые номера газеты, а иногда мне давали и брошюры. Все это я приносил в семинарию и читал со своими друзьями. Однажды нас выследил семинарист Прокорьев и донес. Меня арестовали. Просидел я, правда, недолго, но это стало для меня уроком.

Николай Иванович всматривается в самого молодого из ребят — Володю Урасова. Он здесь впервые и кажется смущенным. Николай Иванович хорошо знает Володиного отца, доброго, приветливого. Он содержит небольшую сапожную мастерскую в доме № 123 по Большой улице. Люди приходят к нему часто, и не только с заказами, а так, за советом, а то и просто поделиться думами, радостью, огорчениями. Друг семьи Урасовых, машинист судомеханического завода,— «комитетчик», он не раз использовал квартиру Урасова для нелегальных встреч.

Николай Иванович долго присматривался к Володе и наконец решил пригласить его на эту встречу.

— Мне кажется, Володя, ты хочешь нам что-то сказать? — спросил его сейчас.

— Если можно.

— Мы слушаем. Для того и собрались.

— В нашем училище есть такие ребята, которые очень смелые...

— Смелые — это хорошо,— сказал Николай Иванович,— но и среди смелых могут оказаться предатели. Поэтому спешить не следует. Надо присматриваться к таким ученикам, как они относятся к тем событиям, которые происходят в нашем городе.

— Рядом с нашим училищем,— продолжал Володя,— находятся курсы учителей. Учатся там в основном иногородние, но я считаю, что их тоже надо привлечь в организацию.

— Вот тут ты прав,— сказал Николай Иванович.— Наш огонек должен разгораться. Но прежде надо сдружиться с учащимися. Рекомендую одного из них — Ивана Малышева.

Иван принял эти слова Николая Ивановича как задание. Для него началась новая жизнь, тревожная и опасная.

Знакомство с товарищами-кружковцами отдаляло его от Чуприковых, да и жили они в стороне от города. Поэтому Иван постарался перебраться на новую квартиру, поближе к курсам. Нашел такую по Соликамской улице. Вскоре к нему подселили таких же, как он, будущих курсантов.

Ребята представились:

— Саня Иванов.

— Аркадий Логинов.

Перед размолвкой

Потеряв надежду подыскать сносную работу в Верхотурье, Дмитрий, что квартировал у Покосовых и учился вместе с Иваном в училище, решил ехать к брату в Надеждинск. Правда, Василий особенно не приглашал, но другого выхода не было. В прошлом году схоронили они с братом отца в родной Путимке, судили-рядили, что с домом делать: ветхий стал, большого ремонта требовал, денег взять негде.

— Я так думаю,— говорил Василий,— поедем, мать, к нам. Да и Митю тоже можно на наш завод определить. В горе — вместе легче.

— Спасибо, сынок, только куды ж я от родных могил подамся?

Она заплакала. Братья молчали. Потом мать строго сказала:

— Не поеду я. А вот дом продать придется. Долгов не хочу наживать.

— А как же сама-то? — удивился Василий.

— К Еремеичу в кухарки пойду. Он на поминках меня просил. Баба-то его шибко прибаливать стала. Изба у него добрая, найдется и мне угол.

— Так ведь в чужих людях...— не успокаивался сын.

— Не тужи, сынок. Еремеич мужик добрый, авось не обидит.

— Ну, как знаешь. Только чуть что — пиши. Приеду, увезу.

На том и порешили. Дмитрий вернулся в Верхотурье, проработал год писарем при монастыре, да невмоготу стало. Уехал к брату.

— Приехал! — приветливо улыбалась Валентина.— А Вася все еще с работы не приходил. В своем Совете заседает. Ой, боюсь — не доведет это до добра.

— Валюха! Принеси пить,— застонал за загородкой старческий бас.

Жена брата, Валентина, проворная, быстрая, скользнула с кружкой за занавеску и снова заговорила с Дмитрием:

— Совсем надумал али как?

— Не знаю, как получится. Отец?

— Он. Который уж день болеет, простыл, видно.

— А племянники где?

— На улице бегают, что им!

Дверь распахнулась. На пороге стоял Василий, высокий, плотный, с широкой улыбкой. Следом за ним появились двое мальчишек лет четырех и шести. Младший хныкал и упирался, старший тянул его к матери:

— Мама приказала: следом за отцом, понял? — поучал он, как взрослый.

Василий обнял брата:

— Надумал-таки.

После ужина, когда мальчуганы ушли за матерью, братья, притушив лампу, сели к столу.

— Ну, рассказывай,— попросил Василий.

— А что рассказывать? Надоело мне возле божьих слуг околачиваться. Думал на железную дорогу податься, да где там! Не шибко кому моя грамота нужна.

— Да, грамотных начальство не любпт. Им бы потемнее людишек, чтобы обсчитывать легче было,— дополнил Василий.— Будем устраиваться тут.

— Валя говорит, ты в Совете каком-то?

— Интересуешься?

— Все-таки...

— Тогда слушай. На общем собрании рабочих избрали мы мужиков потолковее, грамотных. Поначалу комитетом назвали. А теперь назвались Советом рабочих депутатов.

Василий постарался объяснить брату новое слово, говорил о надеждах, с которыми связывали Совет рабочие. Засиделись доиоздна, пока Валентина не отиравила их спать.

Утром полегче деду, но Валя запретила ему вставать.

— Поговори с ним,— попросила она Дмитрия,— пока я по хозяйству управлюсь. Рано ему ходить, слаб еще.

— Строгая у вас дочь, Афанасий Егорович,— говорил Дмитрий, подсажпваясь к деду.

— Не говорп. Вся в покойницу мать пошла.

— Расскажите про завод. Должно быть, вы все о нем знаете.

— Как не знать. Сколь годов роблю... Сосьвинские мы. Дошли до нас слухи, будто хозяин Богословского округа, дай бог памяти, кажись, Половцев, приказал строить рельсовый завод. Стало быть, новую дорогу в Сибирь готовили. Вот и прибыло нас несколько людишек из Сосьвинского завода. Шибко там жизнь тяжелая была. А сюда людей не токмо от нас и с других сторон согнало. Почитай, за полгода все главные цеха и построили. Самто я литейщик, но и по плотницкому делу тоже понятие имею. Да и другие тоже добрые работники были... Помнится, работали мы тогда с радостью — новое дело завсегда сиорится. Кажись, в 96-м году выдали илавку, а потом п рельсы пошли. Говаривали, будто наши рельсы в самом Санкт-Петербурге на показе были. Да и сказать, завод наш по всему Горному краю славился. Станки изза границы вывозили. Работный люд верил — хорошо здесь работать будет. Строили дома, известно, кто деньжонки имел или кто сам, как я, к примеру. Ну а остальным казармы выстроили. Все, кажись, ио чести было... Только вот теперь поговаривают — завод в убытке, а ношто — не ведаем. Может, так, брешет начальство, чтобы

меньше нам платить. Ты как думаешь? — обратился он к Дмитрию.

Дмитрий пожал плечами.

Виктор получил второе письмо от Ивана, в котором тот более подробно знакомил его с городом и уже не просил, а требовал: «Приезжай немедленно! Заявления продолжают поступать... Квартира есть».

Виктор задумался. Иван был лучшим его другом, в течение трех лет они были неразлучны. Иван даже доверил ему самое сокровенное — дядю Мишу. Никто, кроме Виктора, не знал о его существовании.

И Виктор испытывал жгучие приступы стыда за свою нерешительность, тем более что поехать на курсы предложил сам. И вот теперь сидел над письмом, не зная, что ответить.

— Ты что, Витенька? Докричаться до тебя не могу!

Вошла Елизавета Федоровна. Взглянув на сына, спросила:

— Ты не болен ли?

— Нет.

— Плохие известия? — спросила, указывая на письмо.

— Нет, все в порядке. Ваня подал заявление на курсы.

— Это его дело. У Малышевых, видать, детям много воли дают. Одно слово — ямщики,— с некоторым пренебрежением сказала она.

За ужином Виктор все-таки решился начать разговор о Перми.

— Ваня пишет, что ему очень понравилась Пермь. И меня зовет.

— Нашел невидаль — Пермь! Есть города и получше,— ответил отец, не заметив намека.

— Скучно без Ивана,— сказал Виктор.

— Никуда твой Иван не денется. Через год приедет, а то и раньше. Видали таких в Перми! — Елизавета Федоровна говорила нервно: она всегда считала, что Иван не пара ее Виктору, и не одобряла мужа, терпевшего эту дружбу.

— Иван, конечно, поступит на курсы, получит образование, а я так и останусь писарем.

— Если ты непременно надумал учиться,— голос Елизаветы Федоровны дрогнул,— я, так и быть, отпущу тебя в Москву. Страдать — так знать за что.

Виктор понимал, что путь в Пермь ему заказан. Не ответив матери, он ушел к себе.

— Затуманил ему голову Иван своею Пермью,— жаловалась Елизавета Федоровна.

— Надо было оставить его в Москве, и сейчас бы этого разговора не было,— заключил отец.

Елизавета Федоровна расстроилась.

«Как его отвлечь — ума не приложу»,— думала она. У нее разболелась голова. А наутро ее осенило. Она вспомнила, что у ее подруги детства Дарьи Викторовны Никифоровой живет в Екатеринбурге племянница Шурочка, которая приезжает к тетке в Верхотурье почти каждый год. Елизавете Федоровне было известно, что Шурочка не только образованная девушка, но и состоятельная невеста. Да и у тетки других наследников нет.

«Чем Витюше не пара!» — уже мечтала она.

И решила дела не откладывать.

Пермь. 10 июля на Вышке

Казалось, день 10 июля не предвещал Ивану ничего особенного. Как всегда, он проснулся рано. Открыл окно, из которого пахнуло утренней свежестью. Просыпались и его товарищи по комнате.

— Где это вы все пропадаете? — решился он наконец завести разговор.

— Если хочешь, пойдем с нами.

— Куда?

— Мы с Аркадием на пристани подрабатываем. Велика ли стипендия, а помощи нам ждать неоткуда.

— Мне тоже,— вздохнул Иван.

— Тогда составляй нам компанию.

— Посмотрим,— неопределенно ответил он.

Когда они заканчивали свой немудреный завтрак, в дверь постучали. Вошли Клава Кирсанова и Арсений. Иван устремился им навстречу.

Клава, приветствуя всех, обратилась к Ивану:

— Пойдем гулять. Посмотри, какой сегодня день!

Иван взглянул на своих соседей и, вспомнив, что не успел им ничего пообещать, решительно ответил:

— Согласен!

Когда вышли на улицу, спросил:

— А куда мы идем?

— А это — куда захочу я,— весело сказала Клава.

— Решено,— ответили ей оба.

Дойдя до Покровской улицы, Клава повернула направо.

— Не сходить ли нам на Мотовилиху? — спросила она.

Они промолчали, догадываясь уже, что это не простая прогулка.

— И все-таки, Иван, наверно, мы не без дела в такой путь топаем,— говоря это, Арсений посмотрел на Клаву.

— Какой ты нетерпеливый,— отозвалась Клава. И уже вполголоса: — Мы идем на митинг.

— Где он будет?

— На Вышке.

— Что такое Вышка? — заинтересовался Иван.

— Подойдем — увидишь. А сейчас помолчим.

Шли, думая каждый о своем.

— Что тебе пишут из дома? — заговорила первая Клава, обращаясь к Ивану.— Спокойно ли там?

— У нас спокойствие только прихожане нарушают.

— А что пишет мама, если не секрет?

— Сожалеет, что я рано уехал.

— Почему же ты уехал раньше?

— Почувствовал, что должен встретиться с одной очень милой девушкой,— пошутил он.

— А если серьезно?

— Если серьезно, то я счастлив, что встретил здесь Николая Ивановича, Арсения, узнал тебя, Анатолия, Володю и вообще всех вас. Ведь всего этого могло и не быть.

— Единомышленники рано или поздно должны встретиться,— вставил Арсений.

— Это могло случиться поздно, а мне судьба выделила на Пермь только один год.

— Да, времени у тебя немного,— продолжила разговор Клава,— постарайся не пропустить главного и ничего не забыть.

— Наверное, так и будет.

— А все-таки почему же ты рано уехал из Верхотурья?

— Тебе очень нужно это знать?

— Если это тайна, можешь не отвечать.

— Это касается моих взаимоотношений с отцом. Если можно, не спрашивай меня больше об этом.

За разговорами они не заметили, как дошли до Большой улицы.

— Посмотрите! Народу все больше и больше,— заметил Арсений.

Из соседних улиц стекались люди к заводу. Показалась Мотовилиха: в многочисленных оврагах примостились мелкие до́мишки, некоторые совсем ветхие. Казалось, они вот-вот свалятся вниз. А подойдя поближе, друзья увидели, что люди шли вовсе не к заводу, а к Вышке. Так назывался высокий холм, невдалеке от завода, с часовенкой на вершине, к которой вела крутая лестница.

— Это товарищ Быков,— сказала Клава, указывая на выступавшего, когда они поднялись на самый верх.

Быкова окружили рабочие, женщины, подростки, а он убеждал их продолжать стачку, которой был охвачен завод. Его призыв поддержали и сейчас: выдвигали делегацию к горному начальнику Строльману.

— Обросова Петра Матвеевича!

— Туркина Михаила!

— Митрофанова-а! — раздавались голоса.

И тут появились полицейские.

— Разойдись!!!

Но никто не двигался с места. И вдруг истерический крик женщины:

— Казаки-и-и!!!

По Большой улице скакала полусотня казаков. Женщины торопились увести детей.

— Всех не убить! — кричал Быков.

Казаки скакали на Вышку со стороны завода, где был пологий склон. Они кричали, размахивая шашками. Вперед вышел старый рабочий Лука Иванович Борчанинов.

Налетевший всадник с размаху ударил его. Лука Иванович тяжело рухнул на землю. Озверевшие казаки продолжали размахивать своими палашами. Кто-то кричал, послышался плач, стоны...

— Батьку уби-и-или! Га-а-ады!..— кричал Павлик Борчанинов.

Этот крик взбудоражил людей. Тело старого рабочего заслонили стеной. Вместе с рабочими встали жены, дети. И, как бы ограждая эту живую стену от озверевших всадников, взявшись за руки, стояли Быков, Обросов, Митрофанов, заводские ребята Туркин, Ваганов, Миков. Рядом с ними встала Клава Кирсанова со своими товарищами. Лица их были суровыми и грозными.

Казаки остановились. Потом отступили.

— Сегодня в семь у Бахарева,— тихо сказала Кирсанова.— Передать по цепочке.

Встреча у Николая Ивановича была короткой. Приняли решение участвовать в похоронах Луки Ивановича. На этой встрече Иван заметил нового человека, который назвался:

— Товарищ Валерий.

И только через несколько лет узнает Иван его настоящее имя: Леонид Исаакович Вайнер.

Вернулся домой Иван поздно, вспомнил, что ничего не ел с утра. Достал из тумбочки хлеб, подержал его на ладони и машинально положил обратно.

Часы показывали четверть двенадцатого. Но сон не шел. Прошедший день предстал перед глазами в мельчайших подробностях. Митинг. Оживленные лица рабочих. Казаки... Окровавленная женщина. Распростертое тело старика... И вместе с этим в сознание входило гораздо большее: грозная сила коллектива.

Через два дня состоялись похороны Луки Ивановича. На черной ленте, покрывшей гроб, крупно горели слова: «Жертва царского произвола».

Полицейский надзиратель Кочев приказал:

— Убрать!

Но рабочие не допустили полицейских к телу товарища. Похороны превратились в демонстрацию. На могиле возникла песня:

Вы жертвою пали в борьбе роковой...

Шурочка

Наконец Елизавета Федоровна дождалась приезда Шурочки.

— Радость-то какая, Шурочка приехала! — сообщила она сыну.

— Какая Шурочка? — рассеянно спросил он.

— Забыл! Я же тебе рассказывала о племяннице Дарьи Викторовны.

Мысли Виктора были заняты совсем другим. Уже в который раз пытался он написать Ивану, но начатые письма тут же рвал: «Снова не то...»

— Я думаю, нам следует побывать у них,— продол-

жала свое Елизавета Федоровна.— Не возражаешь?
— Мне все равно,— равнодушно ответил он.

Шура любила приезжать к тетке и обычно гостила в Верхотурье все лето, но в этом году другая родственница увезла ее в Петербург. Прожив там более месяца, остаток лета Шура решила пробыть дома. Однако настоятельные письма тети Даши изменили ее решение.

— Избаловала ты ее. Каждый год ездишь,— упрекнула ее мать.— И что только тебе нравится в этом Верхотурье?

— Я и сама не знаю,— ответила Шура.— Возможно, старина или природа...

Шурочке шел семнадцатый год. Невысокая, худенькая, смуглолицая, с волнистыми волосами, она была похожа на красивого мальчишку. Дома ее баловали, выполняли и капризы: отец брал ее с собой на охоту, она умело держалась в седле. Но более всего Шурочка любила книги, а их у тети Даши было предостаточно.

— Думала, не дождусь! — встретила Шурочку Дарья Викторовна.— Исхудала в столице, в чем только душа держится! Пойду распоряжусь, чтоб испекли твоих любимых шанежек.

Первые две недели Шурочка с раннего утра садилась на своего любимого Ветерка и скакала в лес, а вечером, забравшись в укромное местечко, читала.

— Совсем тебя не вижу,— сетовала тетя Даша.

— Поедем в лес,— предложила Шурочка.

— В мои-то лета?!

— Какой в лесу воздух — надышаться не могу!

— Разве я против? Скачи сколько хочешь. Только запомни, пожалуйста: в четверг мы ждем гостей.

— Кто такие?

— Моя подруга детства с супругом и сыном. Представь себе, очень приличный молодой человек. Удивительно хорош собой, обходителен. Служит вместе с отцом в земской управе.

— Ты так расписываешь его, словно прочишь мне в женихи. Ему непременно нужна губернская невеста? Уездные его недостойны?

— На язычок ты остра — это мне не ново. Прошу тебя, будь потактичнее.

— Обещаю, обещаю...

Но на другой день Шура получила письмо из Надеж-

динского завода, где отдыхала ее екатеринбургская подружка Оленька. Та просила ее приехать хоть на денек. И Шура, отпросившись до четверга, уехала. На обратном пути ее застал сильный дождь. Кучер уговорил барышню переждать непогоду, и поэтому приехала она не утром, как намеревалась, а только вечером, когда гости уже сидели за столом.

— Как ты можешь так волновать меня! — запыхавшаяся тетя Даша с трудом поднимала свое грузное тело по винтовой лестнице в Шурочкины покои.— Все заждались тебя.

— Я готова.

— Может быть, ты все-таки переоденешься?

— Надо ли? Полюби меня черненькую, а беленькую всякий полюбит,— рассмеялась она и раньше Дарьи Викторовны появилась в гостиной.

— Прошу меня извинить. Я немного задержалась в пути.

Все внимание гостей обратилось на Шуру. Она предстала перед ними с распущенными, спадающими с плеч шелковистыми волосами, в которых блестели дождинки. Темное дорожное платье еще более подчеркивало ее тоненькую фигурку. Она была удивительно привлекательна в эту минуту — истинная Раймонда.

— Может быть, ты все-таки переоденешься с дороги,— через некоторое время вновь предложила ей тетя.

— Да, пожалуй,— не стала противоречить Шурочка.

Ей захотелось побыть одной. Виктор ее заинтересовал: этот юноша с большими, широко расставленными глазами так непривычно рассматривал ее.

«Да, понравился,— говорила она себе.— Но это еще ничего не значит».

Она вернулась к гостям только через полчаса в светлом платье. Волосы ее были уложены в прическу. Молча присев рядом с тетей Дашей, стала прислушиваться к разговору.

— И вас пригласили в качестве свидетеля? — спрашивала Дарья Викторовна Петра Алексеевича.

— Да. И представьте, очень неприятное дело.

— Что же вас спрашивали?

— Где преступники разбрасывали листовки.

— И вы?

— Сообщил, что у магазина Путимцева. Затем скрылись в толпе.

— Вы их знаете? — вмешалась в разговор Шура.

— Нет, но я запомнил их. И готов помочь правосудию.

— Что же вы сможете рассказать о незнакомых людях?

— Что смогу. Это моя обязанность.

— Мне кажется, отец,— несмело обратился к нему Виктор,— тебе не следовало вмешиваться в это дело.

«Вот он какой: не впутывать себя. А судьба тех, кого собирается выдать отец, ему безразлична»,— подумала Шура.

Наступило неловкое молчание. Каждый понимал, что необходимо переменить тему разговора. И Дарья Викторовна обратилась к племяннице:

— Что представляет из себя Надеждинск?

— Рабочий поселок, мрачный. Верхотурье лучше.

Говорила Шурочка нехотя. Ее уже перестали интересовать гости, и «привлекательный юноша» больше не волновал. Это заметила Елизавета Федоровна и, как ей ни хотелось побыть в этом обществе, заторопилась домой:

— Засиделись мы у тебя, Дашенька, пора и восвояси. Надеюсь увидеть вас у себя.

Расставание затянулось. У подруг оказалось много невысказанного. Виктор, пытаясь развлечь Шурочку, говорил не переставая. Скучал только Петр Алексеевич. Наконец он обратился к жене:

— Пора, мой друг.

Начали прощаться. Руки Шурочки и Виктора скрестились.

— Это к свадьбе,— поспешила сообщить Елизавета Федоровна.

Все засмеялись.

— Как тебе Шурочка? — обратилась она к сыну, как только они вышли.

— Загадочная девушка,— неопределенно высказался он.

— Я так хотела бы вашей дружбы. А ты, мой свет,— обратилась она к мужу,— ни к чему затеял разговоры о полиции, долге. Это никому не интересно.

Виктор не слушал родителей, перед его глазами стояла Шурочка. Но не та, что сидела с ним за столом. Он не

мог забыть той, которая словно влетела в гостиную. «Какая же она на самом деле?» — спрашивал он себя.

Встретились они только через неделю. Шура пришла к ним взволнованная.

— Заболела тетя Даша. Просит вас зайти,— обратилась она к Елизавете Федоровне.

«Какие у нее печальные глаза»,— думал Виктор, когда Шура ушла в сопровождении матери.

В конце августа, дождавшись выздоровления тети Даши, Шура уехала в Екатеринбург. Елизавета Федоровна пыталась заговорить о ней с сыном, но он всякий раз уходил от этого разговора.

«Неужели не приглянулась?» — огорчалась она. В том, что ее сын понравился Шурочке, она не сомневалась. Свое чадо она не могла видеть другим.

Конкурс выдержан

Август выдался жарким. Нелегко было таскать тюки и мешки, но Иван ходил с товарищами на пристань. Скудные домашние сбережения его таяли.

— Может, сегодня отдохнем? — взмолился Аркадий.

— По-твоему, в дождь легче работать? — запротестовал Саня.— Да и навигация кончится, где заработаешь? Чемоданы на станции таскать я не согласен. А ты, Ваня, пойдешь?

— Надо идти.

— Ну, один-то денечек отдохнем... Руки болят,— молил Аркадий.

— Дадим ему отдохнуть,— предложил Иван.— Пусть в училище сбегает к заведующему: надо узнать, приняли нас или нет.

— Вот, спаситель, уважил,— смеялся Аркадий, натягивая на себя одеяло, словно собирался спать еще.

Но после работы встретил их радостный и возбужденный:

— Поздравляю! Мы — курсанты.— И заявил: — По этому поводу не грех и выпить.

— Ты что? Пьющий? — спросил его Иван.

— На радостях не выдержал. Не серчайте, ребята.

— Ладно уж, Иван,— сдался Саня,— выпьем с устатку.

— Я не буду.

...Начались занятия. Иван помнил о задании, которое дал Николай Иванович. Заводил знакомства среди учащихся, присматривался.

Наконец пришло письмо от Виктора, сбивчивое, непонятное, в котором он то оправдывал себя, то осуждал. Половина письма посвящалась какой-то Шурочке, ее внешности, взглядам, словно знал ее всю жизнь.

«Неужели это тот Виктор, с которым мы клялись в дружбе? — негодовал про себя Иван.— Первое испытание — и дружба рассыпалась, как песок».

— Тряпка! — сказал вслух и на мелкие кусочки разорвал письмо.

Первое задание

К Ивану зашла озябшая Маруся Калугина.

— Ну и стужа сегодня. Как зимой!

Представив девушку ребятам, Иван шепнул Аркадию:

— Займи Марусю, я за кипятком схожу.

— Вы учитесь в гимназии? — сразу стал расспрашивать ее Аркадий.

— Да.

— А где вы познакомились с Ваней?

— Случайно. В сквере,— просто сообщила она.

— Он вам нравится?

— Немножко,— изобразила Маруся смущение.

Когда вернулся Иван, ребята стали вытаскивать из тумбочек содержимое, чтобы угостить девушку. За чаем Маруся рассказывала смешные истории из жизни гимназии. Блеснул своими шутками и Аркадий, потом Саня вызвался спеть.

Лишь только вечер затеплится синий,
Лишь только звезды блеснут в небесах...

Всем было хорошо в этой случайно создавшейся компании. Но вдруг Маруся встрепенулась:

— Мне пора.

Пока Аркадий ухаживал за Марусей, неумело подавая пальто, одевался Иван.

— Мы тоже проводим,— заявили ребята.

Маруся покачала головой и посмотрела на Ивана.

— Провожайте своих,— остановил их Иван. И посоветовал, подмигнув: — А если нет — найдите.

Когда они вышли, Маруся сообщила:
— Мы идем к товарищу Валерию.
— Знаешь, зачем?
— Клава сказала, там получим задание.— Маруся поежилась.— Похоже, стало еще холоднее.
Иван зашагал так, что Марусе пришлось бежать. Когда она догоняла, он снова ускорял шаги. Потом она рассердилась:
— Ты что, Ваня, не видишь — я не успеваю!..
Он сразу остановился, улыбнулся:
— Согрелась?
Оба рассмеялись.
— Вот, оказывается, зачем эта пробежка. Мне уже совсем тепло. Да вот мы и пришли...
Вскоре постучали в окно маленького домика и очутились в комнатке товарища Валерия.
— Говорить тихо,— предупредил он. Потом стал знакомить с обстановкой: — 17 октября Николай II подписал манифест, в котором обещал народу «гражданскую свободу».
— Значит, политических не будут арестовывать? — не выдержала Маруся.
— Обещания о свободе — обман. Партия и передовые рабочие не верят царю, а чтобы это понимали все, партийный комитет обратился к трудящимся нашего города с призывом продолжать борьбу за свои права. Это обращение завтра утром должны увидеть все.
— Понятно. Я согласен расклеить листовки,— догадался о предстоящем деле Иван.
— Я в этом не сомневался,— сказал Валерий.— Но задание нужно выполнить так, чтобы никто этого не заметил.
Они молча смотрели на Валерия, а он продолжал наставлять:
— Операция опасная. И, если потребуется, вы должны стать актерами. Да, да, самыми настоящими актерами. К примеру, сыграть роль приказчика или вот как я — часовых дел мастера... А сегодня ночью вам придется стать влюбленными.
Маруся даже рот раскрыла от удивления. А товарищ Валерий обратился к Ивану:
— Надеюсь, у тебя есть девушка, которая тебе нравится?
Иван смутился.

— Ну ладно, оставим этот разговор на будущее. У меня например, невеста есть. А сейчас о главном. Итак, запомните: для прохожих, а я надеюсь, их будет немного в этот поздний час, вы влюбленные. Бродите по городу, не замечая времени. Расклеивать листовки только в неосвещенных местах и в том случае, если улица безлюдна. И последнее: листовки должны быть у Кафедрального собора, на Покровской улице до перекрестка с Верхотурской и еще одна у пристани.

— А дальше по Верхотурской? — спросил Иван.

— Там все сделают другие. Ясно? А теперь — в путь и, как говорится, ни пуха ни пера.

Город спал... Тусклые фонари едва освещали центральные улицы. Никого не встретив, дошли до Покровской и свободно наклеили первую листовку.

— Совсем и не сложно,— улыбнулась Маруся.

Но, приблизившись к следующему перекрестку — это была Красноуфимская улица, они стали различать отдельных прохожих, не сговариваясь, переждали последнего.

— Последи,— сказал Иван, доставая листовку.

В тот момент, когда она была уже наклеена, Маруся прошептала:

— Идут!

Отступать было поздно. Иван заслонил собой листовку и неумело обнял девушку. Мимо проходили двое солидных мужчин. Один из них — с тростью.

— Куда смотрит гимназия?! — возмущенно проворчал он.

Иван рассмеялся вслед уходящим. Назидательно сказал:

— А действительно, сударыня, куда смотрит гимназия?

— Туда же, сударь, куда и ваши курсы.

Рассмеялись. Было совсем не страшно. И вдруг Маруся испуганно обратилась к Ивану:

— Ты заметил прохожего? Мне кажется, что мы его уже встречали...

— Остановимся,— сказал он и снова осторожно привлек к себе девушку, не теряя из вида подозрительного субъекта.— Он стоит у дерева. Придется его перестоять.

— Ноги коченеют,— пожаловалась она.

— Терпи, Марусенька. Если мои к земле не примерзнут, я тебя дальше на руках понесу.

— Перестань, мне не до смеха. Может, ушел?

— Вроде шевелится. Мороз и его не щадит.

Зубы у обоих отстукивали чечетку.

— Уходит наконец...

Маруся вырвалась из объятий Ивана и побежала так, словно кто-то преследовал ее. Иван устремился за ней. И снова улица за улицей шли они, останавливались, снова шли. Белели листовки на перекрестках Покровской улицы, у Кафедрального собора. Оставалась последняя — для пристани.

— Городовой,— издали заметил Иван.

— Я сейчас постараюсь...— сказала Маруся и смело пошла к пристани, наскоро придумывая историю заблудившейся провинциалки. Она даже прослезилась, убеждая городового в своей растерянности, чем окончательно разжалобила его, и увела с собой.

...А рано утром первый прохожий, заметив небольшой листок, уже читал:

«Товарищи!

Геройская борьба рабочего класса вырвала у царя манифест, которым он дарует свободу слова, печати, собраний. Но чтобы свобода, купленная ценой жизней многих, не оставалась на бумаге, необходима упорная борьба. Для проведения ее в жизнь...

Да здравствует свободный народ!»

Подходили новые прохожие, останавливались, читали.

— Долгонько тебя Маруся задержала,— посмеялся Саня, когда Иван добрался наконец до дому.

— А ты что не спишь?

— Книга интересная — не могу оторваться.

— Вы что, полуночники, не спите? — Аркадий широко открыл глаза.— Да ты никак только со свидания? Везет человеку: то одна, то другая, а нам только «монашки» остаются.

— Какие монашки? — не понял Иван.

— Монашки, как мы их называем, из епархиального училища,— уточнил Саня.— Когда мы в столовую мимо этого училища ходим, девчонки-затворницы в окна глазеют. Их, говорят, к этому еще прежние курсанты приучили. Мы, конечно, остановимся, воздушные поцелуи посылаем, и они нам улыбаются.

Иван рассмеялся.

— А ты не смейся,— продолжал Саня.— Одна монашка мне даже очень приглянулась.

— А мне так они все на одно лицо кажутся,— вставил Аркадий.— Я как-то по ошибке старухе поцелуй послал...

Иван давился от смеха.

— Как это ты их не заметил? — спросил Саня.

— Я в столовую через сквер хожу — так быстрее.— И, уже справившись со смехом, серьезно сказал: — Давайте спать, ночь кончается.

И подумал: «Повезло мне с монашками — забыли про мое «свидание».

На следующий день докладывали о выполнении задания. Курьезных встреч на улицах было немало, и потому смеялись все, а когда Иван рассказал о монашках, Володя даже заикал от смеха.

— Зря ты, Ваня, через сквер ходишь. С твоей внешностью всех можно с ума свести,— вместе со всеми пошутила Клава Кирсанова.

— Разве только старух,— отговорился Иван и тоже смеялся, хотя шутка Клавы и не показалась ему смешной.

На подъеме

В городе продолжали обсуждать царский манифест. Митинги, митинги... На площадях, на улицах, на Мотовилихе.

На городской ученической конференции принимали резолюцию:

1. Полная свобода совести, слова, печати, союзов, собраний.
2. Неприкосновенность личности.
3. Всеобщее бесплатное обязательное начальное образование.
4. Уничтожение сословий и равенство всех перед законом.
5. Охрана детского труда.
6. Отмена преподавания закона божьего и пения царского гимна.

В заключение пели революционные песни.

Иван бывал повсюду, но настроение его было подавленным. «Плохой из меня агитатор,— думал он,— если

под любым предлогом курсанты отказываются ходить на собрания».

— Какие-то они несознательные,— с отчаянием выговаривался он в кругу товарищей.

— А ты не спеши,— успокаивал его Николай Иванович,— прислушивайся к разговорам ребят. Как они относятся к городским событиям?

— Никак. С занятий бегут в столовую, потом за уроки садятся. Чуть стемнеет — спать. «Куда,— говорят,— без денег?» Конечно: стипендия десять рублей, в столовую отдают семь, остальные — на чай да на сахар.

— А у тебя больше?

— Откуда?

— Так-то! Стало быть, дело не в деньгах. Но ты не огорчайся. Уверен, ребята тебя поймут.

— Хочешь посмотреть? — обратился к нему подошедший Арсений и предложил Ивану брошюру.

— «Тактика уличного боя»,— прочел Иван.— Откуда она у тебя?

— С Толей Семченко сами на гектографе отпечатали. Теперь можно изучать.

— А одолеем сами?

— Не одолеем — помогут. Алексей Митрофанов, например.

— Он уже на свободе?!

— Не только,— вставил Николай Иванович.— Обещал и к нам забежать. Да вот и он!

В дверях стоял высокий молодой человек с такой светлой и счастливой улыбкой, что и подумать было невозможно, что он явился сюда почти прямо из тюрьмы. Внешне он выглядел аристократом, и казалось, надень он фрак — и перед ним откроются все двери. Но Алексей был другим. Его отец, Христофор Митрофанов, отслужил в каторжной службе 20 лет и 5 месяцев. Вернулся он досрочно. Недостающий срок ему зачли за участие в героической обороне Севастополя, где он был награжден Георгиевским крестом и двумя медалями. Неграмотный крепостной солдат сохранил чувство человеческого достоинства, терпение и выдержку, спокойный характер и передал это своим детям. Когда Алексею исполнилось пятнадцать лет, он ушел вслед за своими братьями на заработки в Москву. Учился столярному ремеслу, грамоте в вечерней школе Замоскворечья. В этой школе узнал и запрещенные книжки. Прожил он в Москве около семи

лет. А в Пермь его сговорил поехать учитель Малиновский.

Знакомство с Мотовилихой решило его дальнейшую судьбу — он вступил в РСДРП, а вскоре был избран в партийный комитет.

14 мая Митрофанов впервые выступил на митинге и с тех пор стал постоянным оратором. Арестовали его 10 июля, в день трагического события на Вышке.

— Проходи, Алексей! Тебя ждем,— приветствовал его Николай Иванович.

Митрофанов подсел к Николаю Ивановичу, дохнул на замерзшие руки.

— Не томи. Рассказывай, как и что: всех освободили?

— Дай отдышаться... Посадили меня тогда в одиночку. Почему такой почет — не знаю, остальных поместили в общую. Это мне потом сообщили. Я потребовал перевести меня к ним. Отказали. Тогда я объявил голодовку. Подействовало... Так я очутился вместе с Борчаниновым, Туркиным, Быковым, Обросовым, в общем, с нашими... Как жилось? Ничего. Харч, правда, неважный, а в остальном — неплохо. Разговаривали, спорили, даже игры организовали, втихомолку и песни наши пели... В начале октября слух прошел по камерам: готовится погром. Якобы уголовники будут бить политических. Мы на всякий случай приготовились к защите. А 18 октября тюрьму встревожило известие: у тюрьмы бунтует народ. Мы вызвали помощника начальника тюрьмы, потребовали объяснений. Тот уверял, что ничего не знает. И вдруг ворота тюрьмы — настежь... И мы — с товарищами. А как все это произошло — не знаем...

— А я знаю,— издалека вмешался Володя Урасов. Он подошел поближе.— Я знаю... Возвращался я в тот день из училища. Вижу: по Большой улице Мотовилиха идет. Впереди с красным знаменем — Александр Лбов. Я тоже пристроился. Дошли до тюрьмы. Народ потребовал начальство. Тут, помню, дождь пошел, сильный такой. А начальство не появляется. Тогда Лбов крикнул: «Товарищи! Айда к губернатору!» Пошли. Вышел губернатор Наумов, пальто внакидку, без шляпы. Лбов ему что-то объясняет, Наумов на дом показывает, потом, слышу, Лбов говорит: «Домой не отпущу! Не ровен час — сбежите. Не простудитесь. Мы тоже налегке». Так и шел губернатор рядом с красным знаменем без шляпы. Шлепал по лужам до самой тюрьмы... освобождать политиче-

ских. Так, наверное, и было,— дополнил Митрофанов.— Губернатора я уже не видел. Но думаю, тюремное начальство скорехонько отправило его домой: не дай бог, персона простудится...

— Алексей,— обратился к нему Николай Иванович.— Вот ребята интересуются оружием... А ты по этому делу человек знающий.

— Что ж! Помогу. Ребята, вижу, не промах.

Митрофанов выполнил обещание — познакомил с оружием, создал дружины для охраны демонстраций, собраний, вечеров: банды черносотенцев терроризировали рабочих. Иван вошел в дружину самого Митрофанова и про себя гордился этим: «Теперь и мы кое на что годимся».

...С трудом удалось Василию устроить брата на завод, готов был взятку мастеру дать, да обошлось — помогли. А для Дмитрия на заводе все было ново, многое непонятно. Вот и сейчас пришел он вместе с братом в цех на собрание. Выступает председатель Совета рабочих депутатов Михаил Горшков:

— ...По многим городам России рабочие бастуют. Самодержавие осточертело, надо устанавливать демократический строй, и нам, надеждинцам, негоже оставаться в стороне. Мы тоже против произвола мастеров, против штрафов и обсчетов. А протестовать надо организованно. С чего начать, спросите? Скажу: в нашем поселке есть Народный дом, который пустует. Давайте организуем там, к примеру, драматический кружок. Что у нас, талантов нет? Как, товарищи?

— Найдутся,— зашумели оживленно.

— Вот и добро. Решили: организуем. К тому же и мужиков от пьянок отвернем, от драк. Пьянки-то одобряет начальство: пусть, дескать, пьют, бузят, лишь бы политикой не занимались...

— Это им нож острый! — крикнул кто-то.

— Верно,— продолжал докладчик.— А вот мы как раз политикой и займемся,— и, помедлив, добавил: — В антракте...

...Записались в драматический кружок многие. Нашелся и режиссер. Одна за другой стали появляться там и жены рабочих. Выбрали пьесу «Рабочая сходка».

Под видом репетиций приходили теперь в Народный дом члены Совета решать дела. Павлу и Лизе Колмогоровым поручили организовать еще и общедоступную чай-

ную. Помочь вызвался Дмитрий. Выбрали большую комнату, достали посуду, столы, стулья. Через несколько дней устроили торжественное открытие.

А потом открыли и читальную комнату. Снова закипела работа. Собрали книги, шахматы, шашки. Организовали коллективные читки — неграмотных было много.

Рая Рожина достала «Овод». Читая его, девушка засиживалась дотемна. Чаще всех приходилось вслух читать Лизе — уставала она, и поэтому Рая пригласила Дмитрия. А с тех пор как на читки стала приходить новенькая — маленькая голубоглазая Надёнка, Дмитрий готов был читать весь вечер. Иногда девушки, откладывая книгу, пели. Чаще всего народные песни, а иногда чуть слышно:

...Но настанет пора, и проснется народ,
Разогнет он согбенную спину
И стряхнет с плеч долой тяжкий гнет вековой,
На врага он поднимет дубину...

Бывало, и пожилые женщины заглянут, будто «девок попроведать», да так и останутся, пока все не начнут расходиться.

Как-то отличилась Надёнка. На очередном девичьем собрании Лиза сообщила, что рабочие жалуются на главного врача Токарева, грубияна и невежду. Ждали, что скажет Рая Рожина.

— Я предлагаю,— сказала та,— чтобы Совет проверил больницу. Мне известно, что некоторые девушки знают о хамстве врача, но боятся его и молчат.

И тут поднялась Надёнка:

— А чего нам его бояться? Создадим комиссию Совета и спросим с него!

Девушки даже ахнули — вот так Надёнка!

Обрюзгший, с заплывшими глазами, в грязном халате, Токарев меньше всего был похож на врача. Обычно он бегло осматривал пациента и при любой болезни давал изрядную долю касторки, велел тут же ее выпить.

— Прочистит, и все пройдет,— насмешливо говорил он больному.— И чтоб сейчас же на работу. Знаю я вас, бездельников!..

— А вам что? — встретил он вошедших девушек.— Я не повитуха!

— Как вы смеете?! — это выступила вперед Надёнка.— Объясните-ка, как и чем вы лечите?

— Это не вашего ума дело! — закричал он, но Надю загородила Рая.

— Нас прислали рабочие,— в ее глазах вспыхнул гнев,— и вам придется разговаривать с нами, как с их представителями.

Лица девущек были так суровы, что Токарев сник.

На очередном собрании Совета Рая Рожина потребовала увольнения ненавистного врача. Совет прислушался к ее мнению, и Токарев был уволен с завода.

А Надёнку после этого стали уважать за смелость, хотя она и говорила, что трусиха и больше всех боится своего отца.

Октябрьский манифест царя в Надеждинске встречали с восторгом. Поздравляли друг друга с победой. Только большевики понимали истинную причину уступок царя — готовились к митингу. Девушки тоже не дремали — писали лозунги. На красном материале — «Долой монархию!» и «Да здравствует республика!», а на черном — «В память павших борцов за свободу».

Утром 19 октября рабочие собрались у Народного дома. Ждали приехавшего из Екатеринбурга большевика Чуцкаева, шумели. И вот все затихло, на трибуну поднялся гость:

— Царский манифест — это маневр, товарищи! Царь сует нам пряник, а за пазухой спрятал кнут. Поэтому не прекращайте борьбы за наши политические и экономические права!..

Митинг закончился песней «Смело, товарищи, в ногу!». Колонны рабочих пошли по Надеждинскому проспекту. А «отцы города» готовились наказать «бунтовщиков».

...В престольный праздник с высокой паперти проповедовал поп Африкан. Небесной карой грозил он крамольникам, идущим против бога и царя. А после проповеди, сопровождаемый купцом Шведовым и черносотенцами, с иконами двинулся по улицам с пением «Боже, царя храни»...

Избивали ни в чем не повинных людей. Полиция забирала их в участок. Оказавшись среди пострадавших, Рая Рожина пыталась их защищать, за что угодила в тюрьму.

С морозами и обильными снегопадами в Пермь ворвался декабрь. Помещение курсов отапливалось плохо, курсанты мерзли. Отогревались после занятия в столовой. Никто уже не останавливался возле епархиального училища.

— Неужели и сегодня на свидание? — спросил Ивана Аркадий, заметив, что тот собирается уходить.— В такую погоду хороший хозяин собаку не выпустит.

— Влюбишься — поймешь,— пошутил Иван.

Он спешил па одну из конспиративных квартир, в которой товарищ Валерий проводил занятия по политэкономии. У дома он встретился с Анатолием. Ивану нравился этот юноша, казавшийся старше своих восемнадцати лет. В гимназии он был одним из лучших учеников. Его отец, в прошлом учитель, теперь служил старшим инспектором народных училищ. Бывая в разъездах, он брал с собой Анатолия, самого взрослого из восьмерых детей в семье. И любознательный мальчик рано увидел, сколько горя и нужды терпит народ.

— Почему? — стал спрашивать отца повзрослевший сын.

Но тот не мог ответить. И Анатолий стал искать ответа вне дома. Теперь он хорошо знал причину народного горя.

— А наш кружок-то пополняется,— заметил Иван, когда они вошли в дом.

— Ты имеешь в виду девушек, что стоят с Клавой?

— Да. Я вижу их впервые.

— Они из ближайших поселков. Клавино пополнение.

— Клава, как всегда, все успевает,— заметил Иван, взглянув в их сторону.— А та, что с ней беседует, кто она?

— Маша Загуменных. Откуда — не знаю. Навести справки?

— Не глупи. Расскажи лучше, что у вас нового в гимназии.

— В пятницу будет собрание старшеклассников. Приходи. Можешь и курсантов пригласить.

— Насчет курсантов — не обещаю. А сам приду.

...Слушатели кружка посматривали на часы. Задерживался товарищ Валерий. Обычно пунктуальный сам, он требовал этого и от слушателей. Наконец он появился. Лицо его сияло.

— Пролетариат Москвы начал всеобщую политическую забастовку! — сообщил он.

В пятницу на своем собрании старшеклассники мужской гимназии приняли документ, который решили вручить директору.

«Господину директору Пермской мужской гимназии.

Признавая, что наступил решительный момент борьбы народа с самодержавием, мы присоединяемся к всеобщей политической забастовке всего революционного народа, вставшего на защиту своих попранных прав. Мы прекращаем занятия, выставляем требования Всенародного Учредительного собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права; в своих дальнейших действиях будем руководствоваться постановлениями революционных организаций».

Этот документ был размножен на гектографе и направлен в другие учебные заведения.

Учащиеся забастовали.

Иван тоже готовился к собранию курсантов. Поговорив заранее с надежными ребятами, пригласил Володю Урасова и Анатолия. Волновался.

— Прошу всех задержаться! — громко объявил он в назначенный день, когда преподаватель математики Грузинцев вышел из класса. В это время незаметно вошел Володя и сел за последний стол.

— Учащиеся нашего города,— продолжал Иван,— поддержали забастовку учеников мужской гимназии. Я прочту вам документ, в котором выражено их отношение к событиям, происходящим в стране.

Читал он медленно, сделав ударение на словах: «Мы прекращаем занятия...» «Неужели не готовы? — подумал про себя.— Неужели у меня не получилось?..» Затянувшееся молчание нарушил Саня Иванов:

— В этом документе, в общем, написано все правильно. Учащиеся не должны стоять в стороне. Только мы в другом положении: времени на учебу у нас мало. Пропустишь день-два, и то с трудом нагоняешь. А если забастовка на месяц? Нам не одолеть программы года.

— Нас вообще разгонят после этого или стипендии лишат,— вставил хмурый курсант.

— Тут надо подумать,— добавил его сосед.

Снова наступило молчание. Все повернули головы в сторону вошедшего Анатолия, который сел рядом с Володей и что-то шепнул ему.

— Можно мне сказать? — поднял руку Володя.

— Слово Володе Урасову.

— Я учусь по соседству с вами, в первом городском училище. Мы поддержали забастовку единогласно и считаем, что и вы должны.

— Скажи-ка, «должны»! Ваше училище нам не указ,— поднялся долговязый курсант.— В вашем городе бунтуют, а мы при чем? Вы в этом году погуляете и еще один годик проучитесь. А мы как?

— Лишний год могут учиться те, у кого карман широкий! — возмутился Володя.— А у нас не такой. Нам тоже нелегко пропускать занятия, но мы с бастующими.

— Позвольте сказать и мне,— поднялся Анатолий.

— Анатолий Семченко,— представил его Иван.

— Я из мужской гимназии. Это мы начали забастовку, выразив тем свое отношение не только к событиям в нашем городе, но и во всей России. Да, во всей России! Кто, как не мы, учащиеся, поддержит революционное движение народа? Мы — будущее России. А что касается трудностей, то и у нас их будет не меньше. Я учусь в выпускном классе и тоже хочу закончить гимназию в этом году.

Попросил слова Василий Симонов. Иван ждал этого, считая его настоящим парнем.

— Конечно, трудности будут. Но разве это главное? — спросил всех Василий.— Мы ведь готовимся в своих учениках воспитывать честность. Нам придется учить детей бедняков, и они должны знать слово «солидарность». А как мы научим понимать его, если сами рассуждаем о «своей хате с краю»? Я считаю так: те, кто думают иначе, пусть решают за себя, но большинство, я думаю, поддержат гимназию.

— Правильно, Василий,— это встал Аркадий.— Что нам слушать этого,— он указал на долговязого,— он вечно всем недоволен. И злой к тому же. Я так думаю — с голодухи. Такую «сажень» не враз накормишь (курсанты засмеялись). Предлагаю голосовать. Кто за забастовку?

Воздержались двое.

Мотовилиха берется за оружие

В Пермь пришло новое известие: пролетариат Москвы начал вооруженное восстание. Членам социал-демократической организации учащихся дали задание распространить прокламацию Пермского комитета РСДРП:

«Товарищи!

Геройский пролетариат Москвы и Петербурга бьется с правительственными войсками. Бой кипит. Мотовилихинские рабочие не останутся безучастными к великой задаче освобождения России.

Да здравствует вооруженное восстание и демократическая республика!»

В воскресенье утром Иван уехал к Чуприкову.

— На заводе сегодня митинг,— сообщил тот.

Чуприков провел Ивана на завод. В снарядный цех стекались отовсюду. Выступал Борчапинов:

— Рабочие Мотовилихи должны присоединиться к политической забастовке в стране. В Москве эта забастовка уже переросла в вооруженное восстание. Наша партия призывает вас взять оружие. Настало время свергнуть ненавистный государственный строй!..

Борчанинову перехватило горло. Трудно было говорить. Сколько выступлений было у него за последнее время в гулких цехах, в непогоду на улицах и площадях. Он откашлялся, но чувствовал, что говорить не в силах. За него встал Юрш, крикнул:

— Вооружайтесь, товарищи! Отбирайте оружие у полицейских, конфискуйте склады. Наконец, берите охотничьи ружья. Все, что сможете найти. Стройте баррикады!

Послышались возбужденные голоса. Громче прорывалось:

— К оружию!..

К Чуприкову подошел невысокий коренастый парень и что-то сказал на ухо.

— Я с товарищем,— ответил Чуприков, кивнув на Ивана.

— Забирай и его,— сказал тот.

— Куда мы идем? — сразу спросил Иван.

— За оружием.

У завода, ожидая команды, стояла группа ребят. Вскоре к ней подошел высокий худощавый рабочий. Это был Александр Лбов.

— Пошли!

У керосинового склада Лбов приказал:

— Со мной пойдет дружина Зенкова, остальные — в охрану!

Вернулись они скоро — оружия на складе оказалось мало.

Случай еще раз свел Ивана с Александром Лбовым.

На глазах у всех Лбов разоружил полицейского.

— Ну, герой! — восхищался Иван. И очень удивился, когда Николай Иванович оставил его восторг без внимания.

12 декабря исполняющий обязанности пермского губернатора Стрыжевский в шифрограмме, направленной в Петербург, доносил:

«Мотовилихинские рабочие, руководимые революционерами, поддерживая железнодорожную забастовку, прекратили работу. Захватили в свои руки завод. Самовольно распоряжаются, население призывают к вооруженному восстанию. Ходят группы заводских парней с ружьями. Полицейская власть бессильна. Революционеры ждут вывода отсюда сотни казаков, чтобы открыть вооруженное восстание. Положение в высшей степени серьезное. Необходимо усиление военного состава, иначе будут печальные последствия. Докладывая изложенное, прошу содействовать высылке в Мотовилиху пехоты и казаков».

В этот же день готовилась к восстанию Мотовилиха.

Андрей Юрш, Александр Борчанинов, Андрей Митрофанов, Яков Кузнецов — те, кому партийный комитет поручил возглавить восстание, срочно проверяли наличие созданных ранее дружин и оружие, изготовленное в цехах завода или добытое другими путями. Завод стал штабом. На подступах к Мотовилихе строили баррикады. Использовали все: бревна, ящики, тумбы с афишами. Вместе с рабочими трудились ребятишки.

К ночи стало совсем холодно. Разожгли костры.

Иван увидел суровые лица людей. Они ждали завтрашний день и были готовы к нему. Ивану вспомнились слова дяди Миши: «Придет день, и переполнится чаша народного терпения!» Он видел: время это пришло.

— О чем думаешь? — спросил его Анатолий.

— Наверное, о том, о чем все: горячо будет завтра.

Подошел Ваня Чуприков.

— Еле нашел тебя. Поешь, я хлеба принес.

Иван отломил кусок, передал Анатолию, тот — дальше. Издалека послышалось:

— Маловато принесли!..

Наступило утро 13 декабря. Восставшие ждали.

Главный удар должны были принять на себя боевые дружины Борчанинова и Юрша, занявшие основную бар-

рикаду возле Сунцова моста. Дружины, которыми командовал Яков Кузнецов, намеревались задержать войска, прибывающие на станцию Мотовилиха. Залегли в укрытиях и бойцы, ожидавшие сотню казаков. Прибытие казаков считалось маловероятным, однако было решено выставить засаду у старого театра, в полутора верстах от основного сражения. Там командовал Ваня Зенков. Туда с самого утра стали подходить заводские парнишки и учащиеся старших классов, зачастую даже без оружия.

Рассветало... На Мотовилихе еще было спокойно, только со стороны железнодорожной станции слышались отдельные выстрелы.

— Что-то я не вижу Арсения? — спросил Иван Анатолия.

— Он с дружиной Николая Ивановича, у завода.

Клава Кирсанова привела двух девушек с сумками за плечами.

— Бинтов маловато,— горевала она,— да и йоду — тоже.

...Наконец со стороны вокзала послышалась учащенная перестрелка. В это же время разведчики Зенкова тревожно сообщили:

— Идет сотня казаков!

Казаки появились быстро. И тотчас скомандовал Зенков:

— Огонь!..

В треск ружей вмешались разрывы бомбочек-«македонок». Упал всадник. Еще один... Казаки торопливо проскакивали район старого театра. Зенковцы выскочили из укрытий, устремляясь за ними.

— Ого-о-онь! — кричал Зенков, но казаки были уже недосягаемы.

И тут случилось то, чего никто не ожидал. Проскочив заслон, казаки сбавили скорость. Неожиданно для них из домов выскочили мальчишки, те самые маленькие помощники, которые вместе со всеми строили баррикады. Они мечтали сражаться рядом с отцами и старшими братьями.

С соседней улицы тоже бежала большая группа ребят. Их увидел Семченко и бросился наперехват.

— Назад! — кричал он.

На помощь ему бежали Иван, Володя, Миша. Они кричали что-то, пытаясь сдержать мальчишек. Где там!

Этот порыв был настолько стремителен, что сдержать его было уже невозможно. Напротив, он увлекал за собой.

Впереди всех бежал мальчишка, высоко подняв над головой небольшой красный лоскут.

— Вперед! — слышался его звонкий голос.

Наконец ватага ребят врезалась в строй казаков... Нарушила его...

Высоко взвилась шашка всадника. Мальчонка рухнул на землю. Заалел снег. Иван оказался рядом, пытался поднять мальчика, но был сбит. Не в силах подняться, он полз между всадниками, оберегая мальчика. Наконец, Иван, выбравшись из свалки, бережно поднял его, маленький герой был уже мертв. А красный лоскут, обагренный кровью, плыл над головами, подхваченный другими, бесстрашно наступая на врагов. Мальчишек становилось все больше и больше.

Смешалось все... Впереди кричал бородатый казак, требуя наступать. Но, как ни жестоки были эти всадники, они пришли в замешательство перед безоружными детьми. Команды бородача тонули в общем крике.

Весть о героизме мальчишек молниеносно распространялась по поселку. С соседних улиц и из ближних домов к ним спешили женщины.

Большая часть мальчишек бежала еще за удаляющимися всадниками, но силы оставляли их. Иван тоже не отставал от бегущих. Впереди показалась баррикада.

— Стой!

От Сунцова моста навстречу мальчишкам устремилась группа рабочих.

Этот грозный окрик наконец остановил их.

— Бежим к баррикаде! — крикнул Иван Анатолию.

...Около магазина «Зингер» сражались дружины Юрша и Борчанинова. Когда Иван был совсем близко от них, он увидел Клаву Кирсанову, которая спешила к месту сражения.

— Клава! — громко позвал Иван.

— Юрш ранен! — в ответ крикнула она.

Подоспевший Иван пытался поддержать раненого, но Юрш медленно оседал на снег. Подбежали еще два дружинника, помогли вынести раненого с поля боя. Клава бережно перевязывала его голову.

— Мы спрячем его,— сказал один из дружинников, и они скрылись за домом.

Клава с Иваном вернулись к баррикаде, но восставшие уже отступали к заводу. Спускались сумерки. Всюду на снегу лежали люди.

— Может, есть раненые. Надо помочь им,— сказала Клава.

Иван с трудом повернул ближнего, уткнувшегося в снег.

— Бесполезно,— словно выдохнула Клава, устало опустившись на ящик. Иван сел рядом. К заводу снова направлялись казаки.

На территории завода отбивалась от казаков совсем небольшая дружина. Силы были неравные. Под покровом темноты восставшие сумели выйти из окружения и собрались на окраине поселка.

— Выше головы, друзья,— говорил Борчанинов.— Сегодня мы потерпели поражение. Но наша борьба еще не окончена.

С трудом одолевая сугробы, шли по Большой улице уставшие Кирсанова и Малышев. Вышли на нужную улицу. Вокруг было тихо, только где-то вдали слышался хруст снега. Иван осторожно постучал в окно, и из дома вышел Чуприков.

— К тебе можно? Боюсь, не дойдем до города.

— Проходите. В тесноте — не в обиде. Знакомьтесь...— представил Чуприков гостям Туркина, когда они вошли в комнату.

— Миша! — воскликнула Клава, увидев Туркина.— Живой!

— Как видишь. Только домой мне нельзя. Квартиру найдете?

— Думаю, найдем, Иван?

— Должны найти.

Оказалось, что и Николай Иванович дрался на территории завода до последнего патрона, получил небольшое ранение и вместе с Арсением сумел выйти из окружения.

Ночь и последующие дни шли облавы, аресты. В больницах дежурили полицейские. Обратившихся в больницу раненых тотчас отправляли в участок, даже не оказав помощи. Одна за другой шли похоронные процессии. Тюрьмы переполнились.

А в Верхотурье спокойно...

Верхотурье жило обычной жизнью, тихой и серой. Единственное событие: станция Верхотурье принимала

первых пассажиров. А Виктор писал Шурочке: «Не появится ли у Вас желание прокатиться по новой дороге, тем более впереди рождественские каникулы...»

Шурочка колебалась, но потом, не без влияния тетки, согласилась.

Зато Елизавета Федоровна хлопотала так, словно ждала самого губернатора: загоняла прислугу, приказала повесить новые шторы, достать фамильный сервиз. Петр Алексеевич, обычно далекий от домашних дел, не стерпел:

— Что ты, мой друг, так из кожи лезешь?..

Наконец Шурочка приехала. И Елизавета Федоровна тотчас пригласила Дарью Викторовну с племянницей к себе.

— Да у тебя и без нас народу-то! — заметила Дарья Викторовна, появившись у Смирновых.

— Ей-богу, случайно зашли,— отговаривалась Елизавета Федоровна.

Заговорили о новой дороге, о новом соборе, который начнут строить, о ценах, о том, что нынче снегу мало: не к добру... Шурочка потихоньку зевнула, и всевидящая хозяйка сразу к ней:

— А что нового в Екатеринбурге?

— Вас интересуют театральные новости?

— Конечно, и они, но, к сожалению, мы так далеки от этого...

— Много говорят о лейтенанте Шмидте.

— Что же говорят о нем? — спросил Петр Алексеевич.

— Разное. Некоторые называют героем, другие — изменником.

— А вы как?

— Я считаю его героем,— ответила Шурочка, вспомнив о доносе Петра Алексеевича.

— Но он нарушил присягу!

— Я думаю, если он виновен,— вмешалась Дарья Викторовна,— его накажут. Нам-то что от этого? Расскажи-ка лучше, что у вас слышно о нынешней Ирбитской ярмарке...

— Однако вы совсем забыли о столе, дорогие гости! — спохватилась хозяйка.— Прошу отведать индейку... особый рецепт.

Когда гости перешли наконец в гостиную, Виктор ука-

зал Шурочке на столик с двумя креслами. А Елизавета Федоровна предложила гостям сыграть в лото.

— Как мне благодарить вас за эту встречу! — начал Виктор.

Шура молчала. Ее смутили его слова.

— Извините за смелость, но мне хотелось бы пригласить вас на рождественский пикник.

— Кто же в нем примет участие?

— Педагоги и выпускные классы гимназии и нашего училища.

— Право, я не знаю. Удобно ли? Я не знакома с ними.

— Это неважно. Я уверен, что вам понравится.

И Шура согласилась.

...В назначенное время тройки содержателей почтовых станций Прянечникова и Барихина стояли у женской гимназии. В вестибюле командовала начальница Мария Николаевна, давая поручения то одному, то другому, проверяя, взята ли и упакована ли снедь.

Дарья Викторовна не спала, ругая себя за то, что отпустила Шуру.

Смеющиеся Шура и Виктор появились в двенадцатом часу.

— Примите наше очарование в целости и сохранности,— возбужденно сказал Виктор.— Если позволите, завтра вечером я появлюсь.

И он скрылся за дверью.

— Тетя Даша, как я счастлива!

— Уже давно пора спать,— гневалась тетка.— Есть будешь?

— Я совершенно сыта. И совсем не хочу спать.

— Спать! И без разговоров. Все расскажешь завтра.

Шура осталась одна, медленно разделась. Как обычно, раскрыла книгу, прочла страницу, но не поняла прочитанного. Погасила свет, но сон не шел. Шура думала о Викторе...

— Ты самая прекрасная из всех,— говорил он, кружась в вальсе.

Шура заметила, что он перешел на «ты», но не возразила, только шутливо спросила:

— Значит, были другие?

— Зачем говорить о других? Есть только ты и я.

Но когда они уединились, спросила снова:

— Так у тебя была уже девушка?

— Клянусь тебе, нет. У меня был только друг.
— Почему был. Разве его нет в живых?
Виктор не ответил.
— Где же он?
— Сейчас — в Перми.
— Надолго?
— Он учится на годичных курсах учителей.
— Так зто ненадолго.
— Видишь ли, в Перми сейчас очень неспокойно.
И Виктор рассказал то, что слышал у себя в управе.
— И он тебе не пишет?
— Нет. Не будем больше говорить об этом. Пойдем танцевать: моя любимая мазурка.
И он увлек ее в круг танцующих.
Сейчас она вспомнила его рассказ о вооруженном столкновении полиции и солдат с жителями Перми. Думала о друге Виктора, не зная даже его имени. Потом мысли перенесли ее в Екатеринбург, в те события, которые произошли в октябре. «Как я оказалась тогда на Кафедральной площади?» Она стала вспоминать, и перед ней явился образ Маруси Бычковой. Пять лет они учились вместе, но почти не были знакомы. У Бычковой были другие подруги, далекие от Шуриных. Они не делали попыток к сближению. Однако Маруся нравилась Шуре. Она хорошо училась, была какой-то независимой. В прошлом году Маруся серьезно заболела. Потом говорили, что она отреклась от бога. Шура не верила, хотела узнать у нее самой, но разговора не получилось.
Потом Шура вспомнила, как вся гимназия ходила на Кафедральную площадь на «благодарственный молебен» в честь царского манифеста. Гимназистки растворились в толпе, и только Шура крепко держала за руку свою подругу Оленьку. Над толпой поднимались какие-то люди, говорили что-то. Подруги их не могли расслышать. Часть людей еще до окончания молебна двинулась по Главному проспекту. Шура заметила среди них Марусю, которая шла под лозунгом, на котором было написано «Долой самодержавие!».
— Марусю же могут из гимназии исключить,— говорила Оленька.
— А ты что, доносить станешь?
— Я не собираюсь, а другие могут сказать.
— А мы скажем, что не видели,— предупреждала Шура.

— Врать грех.
— А предавать не грех?
— Ладно. Ничего не скажем,— согласилась Оля.
На другой день Шура случайно услышала, как Маруся звала своих подруг на Кафедральную площадь.
— Можно я пойду с вами? — робко спросила Шура.
— Ты? — удивилась Маруся.— Зачем тебе это?
— Просто интересно.
— Там может быть опасно. Не струсишь?
— Ни за что!
— Тогда завтра, после занятий, ждем тебя. Договорились?
Вспомнила Шура, как уговаривала Олю, но та, узнав об опасности, отказалась наотрез. Шура пошла с Марусиными подругами. Ей было страшно, но она не хотела, чтобы Маруся сочла ее трусихой. На площади, в невероятном столпотворении народа, Шура скоро потеряла Марусю и ее подруг. Она смотрела на человека в пенсне, густые черные волосы его развевались на ветру. Его слова заглушались криками.
— Долой жидов и студентов! — ревел рядом с Шурой толстый мужик с сиреневым носом.
Шура бросилась подальше от него. Вдали послышались крики, свист. Бежали какие-то люди с дубинками, а потом раздались выстрелы... Вырвавшись из толпы, Шура побежала.
— Опричники!.. Убийцы!..— слышала она за спиной женские голоса.
Не помня себя, добралась Шура до дома. Слышала, как горничная рассказывала, что на площади убили двух студентов...
Шура постепенно стала забывать эти события. И вот сейчас они вдруг встали в ее памяти.
«В Перми, наверное, было еще страшнее,— думала она.— Однако почему был спокоен Виктор?.. Весел, хотя, может быть, его друга уже нет в живых... А если со мной случится такое? Он тоже будет весел? Найдет нежные слова для других?..» Ей уже не хотелось думать о Викторе. Она старалась представить его друга. «Какой он? Может быть, похож на Артура. И такой же смелый, как Овод?» Ей стало жаль, что она не знала его и, может быть, никогда не узнает. Уснула она только перед утром.
Вечером веселый, счастливый Виктор, заметив в ней перемену, спросил тревожно:

— Что с тобой?

— Прости. Я дурно спала. Прошу: оставь меня одну.

А на другой день она уехала, не объяснив причины.

...Раю Рожину выпустили из Надеждинской тюрьмы в первых числах декабря. Узнав об этом, девушки прибежали к ней, обнимали, плакали от радости.

— Как там было, расскажи!..

— Не интересный это рассказ,— ответила Рая.— Зачем нам говорить о тюрьме. Давайте лучше подумаем, как нам встретить Новый год.

— И правда,— согласилась Лиза,— соберемся вместе с ребятами, посоветуемся.

Через день собрались. Долго совещались. Всем хотелось придумать что-то необычное.

— Надо изобразить в костюмах «царскую свободу»,— предложил Дмитрий.

— Как можно изображать то, чего нет,— усомнился кто-то.

Спорили, возражали, одобряли. Последнее слово оставили за Аркадием Тягуновым. С его мнением считались.

— По-моему, Дмитрий придумал здорово!

На том и порешили. Свою задумку решили сохранить в тайне.

Наконец все было готово.

31 декабря Народный дом был переполнен и гудел, как улей. В полночь торжественно открылся бал-маскарад. Появились маски. Одна изображала Ангела, другие Царевну Несмеяну и Ивана-дурачка, какие-то чудеса... И вдруг во время вальса, когда его мелодию нарушила дробь барабана, медленно выдвинулась фигура, опутанная цепями. На груди надпись: «Свобода собраний». За ней следовала маска: «Свобода печати», изображающая газетные листы с огромными пробелами. «Свобода слова» — рот маски на замке. Два человека внесли лозунг: «В гробу обретешь ты свободу свою!»

— Это хулиганство! — ревел врач Ментов.

Но его никто не слушал. Все смотрели на групповую маску. В оборванной сермяге двигалась сгорбленная фигура — в руках у нее искусно сделанная соха. Надпись над ней гласила: «Один с сошкой — семеро с ложкой». За ней следовали маски с огромными ложками: толстый заводчик, тощий и длинный чиновник с портфелем, жир-

ный помещик, полицейский начальник, купец. Последним шел поп в длинной рясе...

Зал ахнул, а потом взорвался смехом, криками, свистом. И тут же старик — полицейский надзиратель:

— В участок! — налился он гневом.

— А вот и седьмой! — крикнул кто-то.

— Ложку ему, да побольше! Ишь, пузцо-то какое!..

До участка полицейский их, конечно, не довел.

— Все «свободы», надо понять, разбежались,— смеялся потом Дмитрий, рассказывая ребятам.

Полиция долго искала обладателей «крамольных» масок. Но безрезультатно.

Учеба заканчивается

Малышев весь ушел в учебу. Незаметно кончилась зима. В один из весенних дней к нему зашел Иван Чуприков с сестренкой.

— Соскучились по тебе. Совсем забыл про нас.

Увел к себе. Посидели. Вспомнили прошедшие события.

— Судьба ко мне милостива,— говорил Чуприков,— думал, что арестуют... Сколько народу пострадало, которые и не вернулись...

Малышев был рад этой встрече. Обещал бывать. И приходил: учил грамоте сестренку друга. Очень гордился:

— Моя первая ученица.

К Ивану с желанной весточкой забежала Маруся:

— Николай Иванович приглашает.

— Надо продолжить прерванную работу, учебу,— говорил на встрече Николай Иванович,— но еще более осторожно, чем раньше.

Иван задержался: ему хотелось поговорить о своем личном, о Викторе.

— Значит, решил отрезать? — сурово спросил Николай Иванович.

— А что делать?

— Если ценишь дружбу, то не должен помнить обид. Может, он переживает, ждет твоего письма.

— Значит, надо написать?

— Я бы написал.

— А могу я написать о декабрьских событиях?

— Только очень осторожно. Со стороны, как бы без твоего участия. Главное для тебя: узнать, как их воспримет твой товарищ.

— Спасибо. Я так и сделаю,— облегченно ответил Иван.

...Начинался дождь, но Иван шел, не ускоряя шага. Весь он был переполнен радостью.

Было холодно и неуютно, но Иван не замечал этого, все еще находясь под впечатлением только что состоявшегося собрания, на котором стоял вопрос о принятии в члены Российской социал-демократической рабочей партии Арсения Зайкова и его, Ивана Малышева.

Арсения знали все присутствующие. Знали, что он не раз выполнял задания партийного комитета, и потому все единодушно высказались за принятие Арсения Зайкова в члены РСДРП.

Пока обсуждали кандидатуру Арсения Зайкова, Иван невольно сравнивал себя со своим товарищем. И все больше волновался. Ведь Арсений выполнил ряд важных заданий партийного комитета. А он, Малышев?

Правда, он неплохо изучил военное дело, участвовал в июльском митинге на Вышке. Задания партийного комитета тоже выполнял. Но достаточно ли этого, не рано ли подал он заявление о приеме в члены РСДРП?

Но и Алексей Митрофанов и Николай Иванович горячо поддержали товарища. Так в жизни Ивана Малышева произошло самое важное событие — он стал членом РСДРП.

Пришло письмо от Виктора, в котором он уверял Ивана, что относится к нему по-прежнему, ждет встречи. О событиях в Перми знает. Огорчило Ивана то, что Виктор, видимо, не понял его и потому писал: «Как хорошо, что ты остался в стороне от этих событий. Надо быть благоразумным и проходить мимо громких речей бунтовщиков».

Иван отложил письмо. Дальше читать не хотелось.

...О приезде из Екатеринбурга Михайлыча, представителя ЦК партии, знали немногие. Еще меньше знали о том, что под этой кличкой скрывался Яков Михайлович Свердлов. Свердлов сменил свою прежнюю кличку Андрей не случайно.

Одна за другой летели депеши в пермскую охранку:

«Казанью ошиблись. Андрея здесь нет», «Карточку Андрея вышлите в Екатеринбург».

Серьезная задача стояла перед Я. М. Свердловым — восстановление партийной организации Перми после тяжелого декабрьского разгрома.

Теплым апрельским днем, незаметно для окружающих, стекались люди за Каму. Пароль сообщали рыбаку, у которого на баночке для червей была зеленая полосочка. Пароль был смешным: «Много ли сапогов наловил?» Ответ: «Семью одел, и тебе хватит». Рыбак сообщал новый пароль и указывал, куда идти. И так несколько раз. Последний дежурный посылал на небольшую поляну.

Когда Иван пришел на встречу, там уже было несколько человек. Сразу увидел Клаву, Анатолия. Наконец появился Михайлыч, сопровождаемый Мишей Туркиным.

Собравшиеся образовали тесный круг. Передние присели, некоторые легли, давая возможность не только слышать, но и видеть выступавшего. Митинг открыл Туркин, представив оратора. После короткого приветствия в адрес рабочих Мотовилихи Михайлыч заговорил о главном:

— Некоторые товарищи, и в том числе известный теоретик нашей партии Плеханов, подводя итоги Декабрьского вооруженного восстания, считают, что оно было несвоевременно. «Не нужно было браться за оружие»,— говорил Плеханов. Но большинство членов нашей партии, во главе с товарищем Лениным, с ним не соглашаются. Вот что пишет товарищ Ленин: «Напротив, нужно было более решительно, энергично и наступательно браться за оружие». И дальше: «Мы должны, наконец, открыто и во всеуслышание признать недостаточность политических забастовок, должны агитировать в самых широких массах за вооруженное восстание» [1]. Но восстание нужно готовить,— продолжал оратор. — Вспомните Карла Маркса, который говорил: «Восстание — это искусство». И главное правило этого искусства — смелое и решительное наступление. Не ждать, а наступать. И наше вооружение должно быть самым современным. Я снова позволю себе процитировать товарища Ленина: «Мы можем и должны воспользоваться усовершенствованием техники, научить рабочие отряды готовить массами бомбы, помочь им и нашим боевым дружинам запастись взрывчатыми веществами, запалами и автоматическими ружья-

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 371, 372.

ми»[1]. И последнее, товарищи: необходимо работать в солдатской массе. Кропотливо разъяснять им, что у солдат и рабочих — один враг. Тот, который заставляет их стрелять в своих братьев.

Митинг был коротким. Оберегали Михайлыча, о приезде которого стало известно полиции.

В сопровождении Туркина ушел докладчик, разошлись многие рабочие, и только учащиеся не двигались с места, молчали. Каждый словно укладывал в свою память только что услышанное.

Не прошло и двух дней, как в секретном рапорте агента Впадука сообщалось о прибытии в Пермь Якова Михайловича Свердлова и о его участии в сходке на Мотовилихе. Много позднее узнают уральцы имя предателя — Валерия Лежавы — одного из самых опасных агентов, пробравшихся в большевистское подполье.

Организовать поимку Свердлова и участников сходки приказали агенту Квадрату (по документам Яков Вотинов). И полицейская машина заработала: арестованы рабочие Мотовилихи и среди них — Миша Туркин. Арестованы Клава Кирсанова, Анатолий Семченко, Арсений Зайков. Ивана Малышева взяли прямо на улице...

Когда Ивана вызвали на допрос, он увидел Кирсанову. Держалась она спокойно и изучающе смотрела на Ивана. Один за другим следовали вопросы: «Имя?.. Звание?.. Занятие?..» Отвечая на вопросы, Иван успел заметить еле уловимую усмешку Клавы и, догадываясь уже, что улыбка эта не случайна, подумал: «Что она сейчас изобретет?» Следователь, указывая на нее, спросил:

— Кто это?

— С этой девицей я не знаком.

— А вот я тебя видела,— все с той же усмешкой сказала она.

— Где? Когда? — насторожился следователь.

И она подробно, не для следователя, а для Ивана, чтобы подготовить его к начатой игре, рассказала, как она не раз наблюдала за курсантами, которые часами простаивали у епархиального училища.

— Вот этот,— продолжала она,— и есть самый главный соблазнитель. Слышала, как он божился выкрасть какую-то монашку.

И тогда он, входя в ее игру, отвечал:

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 376.

— А тебе завидно?

— Вы слышите, господин следователь, что он говорит,— возмущалась она, окончательно войдя в свою роль.— Нашел кого совращать — монашек!

— Она так говорит, господин следователь, что и впрямь подумаешь, что ей завидно...

Игра Клавы захватила его, он стал чувствовать себя спокойно. Обращаясь к девушке, он добавил:

— Что возмущаешься, красавица, дойдет и до тебя очередь.

— Я вас о деле спрашиваю! — Следователь стукнул кулаком по столу... Потом, успокоившись, снова обратился к Ивану:

— Я хочу знать, когда эта девица приходила к вам на курсы?

— Я ее у нас никогда не видел.

— Смотри внимательно!

Следователь встал, подошел к Ивану, повернул его в сторону девушки и повторил:

— Я тебе сказал — внимательно!

— Господин следователь, за кого вы меня принимаете? Такую я бы обязательно заприметил.

Он говорил так убедительно, что следователь начинал сомневаться в его виновности. Это было заметно: следователь несколько раз прошелся по комнате, проворчал: «Это черт знает что, собрали кого ни попадя».

Иван искоса посмотрел на Клаву: она улыбнулась краешком губ. Он понял это как одобрение.

Вошел человек, что-то прошептал следователю и вышел. Клава беззаботно рассматривала помещение. Иван поймал ее взгляд и тотчас опустил глаза, боясь выдать свое восхищение ею.

А следователь вновь сел на свое место, перебирал бумаги, молчал. Человек, который только что был здесь, вернулся с квартиры Ивана, ничего не обнаружив там. Но и не зная этого, было ясно, что новых сведений у следователя нет.

И тогда Иван, понимая уже, что они победили в этой игре, приблизился к Клаве, внимательно посмотрел на нее, предчувствуя долгую разлуку с ней, коснулся ладонью ее подбородка.

— Зря, красавица, не зашла к нам.

Клава резко одернула руку:

— Пошляк!

Но глаза ее говорили другое.

— Фи, какая грубая,— развязно сказал он, подмигнув следователю. — Монашки лучше.

— Увести! — заорал следователь.

На другой день Ивана освободили. Подумал: «Домой надо идти, когда вернутся ребята». И пошел к Каме.

— «Епархиальное училище»,— прочел вслух Иван. — Обитель «монашек». Если бы знали «монашки», какую роль они сыграли в моей жизни!

— Наконец-то! — встретили его товарищи.

— Начальство меня потеряло? — спросил он.

— Оно ничего не знает,— сказал Саня. — Знаем только мы.

— Что же вы знаете?

— На другой день после твоего исчезновения,— рассказывал Саня,— пришел к нам человечек в потрепанной одежде и сказал, что видел, как тебя арестовали. Пришел, дескать, узнать, не осталось ли у тебя каких бумаг, которые могут тебе повредить. Мы показали твою тумбочку, и он как-то быстро обшарил ее. Тут я удивился его рукам: уж больно нежны. Разве у рабочих такие бывают?.. Мигнул Аркадию. Молча сидим, а он и кровать уже перерыл. Потом про девушку спросил, описал — точь-в-точь, которая к тебе летом приходила...

— Что же ты ответил?

— Сказал, что не видел.

— А я, — дополнил Аркадий,— решил посмеяться. Говорю ему: нашли чего спросить! Да к нему девчонки со всего города бегают. Чем только и привораживает. Он и мою отбил...

Иван рассмеялся.

— А сами-то что про меня думаете теперь?

— Думаешь, не догадываемся? Ты же сам нас на собрание приглашал.

— Ладно. А начальство-то мной интересовалось все-таки?

— Шикалин только спрашивал,— вспомнил Аркадий. — Я сказал, что тебя домой срочно вызвали.

Они занялись своими делами. Потом сели за учебники. Вечером зашла хозяйка, спросила о доме. Иван посмотрел на Аркадия.

— А что он знает! — усмехнулся Аркадий. — Он же к девчонке своей ездил.

— Дома все хорошо,— ответил Иван, погрозив Аркадию.

А Саня спросил, когда хозяйка вышла:

— За что тебя взяли?

— Я и сам не знаю.

— Расскажи, как допрашивали.

— Хорошо. Только чтоб никому.

И он рассказал о допросе с участием Клавы. Ребята хохотали. Аркадий дополнил:

— Монашки, наверное, все еще икают!..

Непонятно, как курсанты узнали об аресте Ивана. Это пугало их и вместе с тем заинтересовывало. Те, кто ранее с трудом поддавались агитации, сейчас сами просили познакомить их с нелегальной литературой, рассказать о юношеских организациях в городе. Даже тот долговязый Прохоров, который пошел против всех на собрании, отвел Ивана в сторону и виновато сказал:

— Ты прости меня, я не прав был тогда. Стыдно мне...

— Да ладно... Кто старое помянет...

И понимая, что нельзя упускать момент, Иван взял на себя роль пропагандиста. Еще не всегда уверенно отвечал он на вопросы соучеников, но рассказывал все то, что узнавал в кружке политэкономии и на встрече с Михайлычем.

Наступила пора сдачи экзаменов. 23 июля курсанты получили удостоверение об окончании педагогических одногодичных курсов при 1-м Пермском городском 4-классном училище. Звание: учитель начального училища с правом преподавания в двухклассных училищах Министерства народного просвещения.

— На пристань пойдешь? — спросил Аркадий Ивана.

— Зачем?

— А то ты не знаешь? Или у тебя объявился богатый дядя?

— Спасибо, Аркадий, что подсказал. Мне сейчас деньги очень нужны.

Когда они, усталые, возвращались домой, с Иваном столкнулся прохожий.

— Извините,— сказал тот знакомым голосом.

Иван обернулся и не поверил своим глазам: «Неужели Николай Иванович?» Обратился к друзьям:

— Ребята, мне надо вернуться. Не спрашивайте, потом расскажу.

Иван пошел следом за прохожим. Тот несколько раз менял направление и наконец остановился. Иван был уже в нескольких шагах от него, когда понял, что это чужой. Решил пройти мимо.

— Не узнал? — неожиданно спросил незнакомец и предложил войти в калитку. И только тогда он снял непривычные для него шляпу, накладные усы и бородку клинышком. Перед Иваном стоял Николай Иванович. Обнялись.

— Рассказывай, Ваня...

Иван сообщил об арестах. Николай Иванович сказал, что живет нелегально, ждет нового паспорта и уедет по очередному заданию партии.

— А я завтра уезжаю в Фоминку.

— В добрый путь. Будь осторожен на новом месте, присматривайся. Настоящие люди есть везде. Я тебе на память кое-что подарю... Вот Программа партии и несколько брошюр.

Они попрощались. На другой день Иван уехал. Он не узнал о том, что в этот же день Николай Иванович встретил Толю Семченко, который, как и Иван, был выпущен из-под следствия «за недостаточностью улик». Николай Иванович дал ему явку для связи с комитетом. Спустя несколько месяцев Анатолий был введен в его состав, но снова арестован как участник Декабрьского восстания. Его приговорили к трем годам каторги с последующей высылкой из Пермской губернии. Но Анатолию повезло: его, как несовершеннолетнего, перед каторгой отпустили домой. И он сумел скрыться, а вскоре уехал в Петербург.

Арсений Зайков и Клава Кирсанова были выпущены под залог в сентябре 1906 года.

ЗРЕЛОСТЬ

Фоминка

До Махнево был долгий путь поездом и на перекладных. Возчика до Фоминки Ивану посоветовали найти возле базара, где он долго бродил, пока ему не указали на пожилого сутулого мужчину.

— Из Фоминки мы, Лаптев Федор Васильевич,— представился тот. — А вы, извините, кто будете?

— Учителем к вам еду,— ответил Иван и назвал себя.

Федору Васильевичу хотелось поговорить с приезжим, но тот был явно не расположен к этому, и возчик умолк, обратив внимание на дорогу.

«Обидел, наверное, человека,— подумал Иван. — Но так хочется остаться наедине с самим собой». Недавнее прошлое не отпускало его в мыслях. Вспомнил собрание на конспиративной квартире после встречи с Михайлычем, где обсуждали его доклад, говорили о предстоящей работе.

— Откуда родом-то, Иван Михайлыч? — прервал его мысли Лаптев.

— Из Верхотурья, Федор Васильевич.

— Знаем такое. Наши-то туда на богомолье почитай каждый год ездят.

— Что, своей-то церкви нет?

— Как не быть. Только святого, как у вас, нигде нет. К нему и ездят, а которые с большой нуждой — так и пешком...

— Что ж, помогает?

— Кто знает... А все равно верят.

Проехали деревни Лаптево и Краюхино. Иван спросил, отчего они названы так.

— Беднота тут испокон веков мается, оттого так и прозвали.

— А почему Фоминка?

— Сказывают, когда Ермак Тимофеич в Сибирь шел, ямщик Фома облюбовал это место: река рядом и дорога тут же. Поставил он заезжий двор, потом, сказывают, еще рядом выстроил. К нему другие стали пристраиваться, чаще беглые. Место дальнее, таежное, и лесу сколь хошь. И пушнины много. Ее купцы вывозят уж не одно людское колено...

— А лес-то обрабатывают?

— Нет. Это, видать, не выгодно. Тут только валят, а сплавляют в Тюмень. Нашим-то платят гроши, а хозяева, говорят, шибко богатеют.

— А те, что на лесе не работают, чем живут?

— А кто чем... Есть плотники, портные, кто рыбачит, а кто, бывает, и золотишко находит.

— Много ль находят?

— Раньше, сказывают, хорошо попадало, а теперь поисточили землю. А коль и добудут, так купцы все одно оберут,— глубоко вздохнул он. — Везде, наверно, этак...

— Так оно.

Они замолчали. Каждый ушел в себя.

— Далеко еще до Фоминки?

— А вот сейчас реку Тагил переедем и откроется она,— пояснил Федор Васильевич.

— Мост-то уж больно плох,— заметил Иван. — Или земское начальство ждет, пока кто-нибудь провалится?

— Обещают все... Бают, на тот год начнут.

Лес расступился, и, приостановив лошадь, Федор Васильевич объявил, указывая на деревню и на столб с квадратной доской:

— Вот она, наша Фоминка!

А Иван уже читал:

«Село Фоминское.
В нем мужского полку — 182 души,
» женского полку — 210 душ,
» девического — 45 душ».

— Выходит, в мужском полку прибыло,— пошутил Иван.

Федор Васильевич улыбнулся и натянул вожжи. Дальше они ехали медленно, отвечая на приветствия прохожих.

— Перво-наперво, явитесь к волостному писарю Павлу Ивановичу Реутову,— наставлял Федор Васильевич. — Он у нас главный. Строг. За непослушание в солдаты отправляет. Вот здесь он и живет,— приостановил он лошадь у добротного дома с мезонином.

Реутов Ивану не понравился: тучный мужик с окладистой бородой и гусиным пером за ухом. «Типичный холуй»,— подумал он. А тот не спеша посмотрел бумаги, для чего-то взял в руки перо, но тут же водворил его на прежнее место и процедил:

— Определяю вас к Новоселовой Таисии Васильевне. Скажете — я послал.

О приезде нового учителя узнали сразу. Особенно взволновались дети. Бойкая Дашутка, которую отец обещал нынче отпустить учиться, загадочно сообщала своим подругам:

— Высмотрела! Видный. И одет по-городскому.

А меньшая, Анютка, дополнила:

— Строгий.

— А ты почем знаешь? — насторожился кто-то из парнишек.

— Дед Федор моему тятьке сказывал.

...Проснулся Иван рано. В открытое окно хлынула бодрящая прохлада. Он вышел на улицу. Пошел наугад: «Как тут поживется вдалеке от всех и всего?»

— Вы наш новый учитель? — вдруг возникла перед ним стая ребятишек.

— Да. Меня зовут Иван Михайлович,— представился он. — Хорошо, что вы меня встретили. Покажите мне вашу школу.

— Это совсем недалеко,— сообщила Дашутка.

— А вон она! — показал один из парнишек.

Иван увидел вдали одноэтажное здание с большой усадьбой, огороженной невысоким забором.

— Только Агния Ивановна уехала,— сообщили ребята.

— Когда же она приедет?

— Теперь уж скоро.

— В школу мы сейчас не пойдем, а вы лучше расскажите мне, что в вашем селе самое интересное.

Дети молчали.

— Что ж, ничего и нет интересного? — снова спросил он.

— Река у нас большая,— решилась Дашутка.

— Рыбы в ней! — осмелел один мальчуган. — Батька во-о-о каких приносит.

И все заговорили наперебой:

— И лес у нас красивый!

— Грибов и ягод много.

— Только уходить далеко боязно...

— Почему это?

— За лесом озеро глубокое. Там на кочке русалка сидит и золотым гребнем волосы чешет.

— Ты, может, видел ее? — спросил учитель.

— Да не... Пироговские мужики сказывали.

— Вот мы и сходим на нее посмотреть.

— Страшно...

— А кто из вас трус? — Они молчали. — А может, и леший у вас живет?

— Про него не сказывали.

— А ну, теперь наперегонки! — вдруг предложил учитель. И сам — к лесу. Потом свалился на скошенный луг. Кололо плечи, спину... Ему не хотелось вставать. Дети присели рядом. Он сел и стал рассказывать им о русалке, которую описал Пушкин...

В дверь постучали. Вошла аккуратно одетая женщина с седеющими волосами, представилась:

— Агния Ивановна Золотавина.

Иван предложил ей стул.

— Расскажите мне о себе,— сказала она просто.

— Иван Михайлович Малышев, восемьдесят девятого года рождения. Окончил Пермские педагогические курсы.

— Хорошо, что приехали. Плохо у нас с учителями — долго не задерживаются. А вы как, Иван Михайлович, надолго?

— Поживем — увидим.

Агния Ивановна рассказала ему о школе, созданной в 1876 году первым ее учителем Александром Ивановичем Мартыновым. О трудностях, которые пришлось ему пережить.

— На селе он был самым уважаемым человеком. Может, поэтому и возненавидел его Реутов. Житья не давал. Пришлось Александру Ивановичу переехать в Махнево. Да и там не зажился, умер через год.

Ивану хотелось спросить, как Реутов относится к ней, но решил не спешить. Она вела рассказ о школе, о пришкольном участке, даже с программой познакомила.

А на другой день получил письмо из Верхотурья. Звала мать. Писала, что «ожидала Машеньку с Андреем, но почему-то едет одна. Заботит это меня...». А в конце письма: «Приезжай, родненький мой!»

«Надо ехать,— думал Иван. — Что там?.. Мать, конечно, извелась. А как Маша?..»

Дела верхотурские

Июльские дожди ушли и в август. Иван с трудом уговорил Лаптева отвезти его к пристани.

— В экую-то непогоду, Иван Михайлович! Сидели бы дома.

— Что ж делать, Федор Васильевич? Нужда зовет.

Дождь лил и в Верхотурье. Явился домой Иван мокрый до костей.

— Ваня приехал! — радовалась мать.

— Ну, здравствуй, сын,— не спеша подошел отец, сказал деловито: — Анна Андреевна припасла тебе сухое.

Когда Иван переоделся и вышел на кухню, увидел Машу. Она сидела за столом, подпирая кулачками подборо-

док, посмотрела в его сторону и, казалось, не увидела. Веселая, никогда не унывающая, Маша молчала. Иван поцеловал ее. И она вдруг заплакала.

— Маша, что с тобой? Кто обидел тебя? Я не прощу...

— Никого не нужно прощать,— сказала она и ушла к себе.

Иван обратился к отцу:

— Что с ней?

— За своеволие расплачивается,— ответил тот и тоже ушел.

— Отец не разрешил Андрею жениться на Маше,— объяснила мать. — Подыскал невесту дворянского звания.

— А Андрей? Разве не он создает семью?

— До гроба любить обещался, а против отца не пошел.

— Хороша любовь!

Иван зашел к Маше, сел рядом. Молчали.

— Ванечка, дорогой, оставь меня.

— Хорошо. Я уйду. Но знай: Андрей не стоит твоей любви.

— Дома он, проходи! — услышал Иван голос матери. Подумал: «Не Виктор ли?» Но пришел Вячеслав.

— Пришел поздравить. Можно?

— Да. Новоиспеченный учитель села Фоминки.

— Как школа? А село?

— Школа приличная. Село древнее, как и наше Верхотурье.

— А народ?

— Еще не знаю. А вот ребятишки добрые. Ну а ты? По-прежнему — на железной дороге?

— Там.

— С нашими встречаешься?

— Редко. Поразъехались все: Дмитрий — в Надеждинский завод, Саша Рублев учится в Казанском учительском институте...

— А Виктор? — не удержался Иван.

— Смирнов? Важным стал. Не всегда и поздоровается. Должность какую-то в управе получил с помощью отца, может, и дальше пойдет, до Екатеринбурга достанет.

— Почему до Екатеринбурга?

— Невеста там у него.

— Все-то у вас про всех известно.

— Тем и живем,— засмеялся Вячеслав. — Я к тебе перед работой. Просто — взглянуть. Завтра расскажешь про пермские дела. Много у нас говорят о них...

В тот же день Иван пошел в город. Вот и кремль, Троицкий собор, которым когда-то восхищался. Воинское присутствие... Все, как прежде: тишина и спокойствие.

— Иван! — услышал вдруг. Из остановившейся пролетки выскочил Виктор. Он кивнул Ивану и подал руку спрыгнувшей девушке.

— Шура,— просто сказала она, подойдя с Виктором к Ивану.

— Иван.

— Вы не спешите?

— Не спешу, а что? — улыбнулся Иван.

— Поедемте с нами.

Иван посмотрел на Виктора, потом на нее и согласился:

— Могу.

— Я вас представляла именно таким,— сразу заявила ему Шура.

— А я вас не знаю,— улыбнулся он.

— Я рассказывал о тебе,— не очень охотно объяснил Виктор.

— Вас можно поздравить с окончанием курсов?

— Спасибо.

— Вы любите этот город? — расспрашивала она.

— Он мне родной. А как вы к нему относитесь?

— С удовольствием отдыхаю здесь от екатеринбургской суеты.

— И только?

— На этот вопрос я отвечу в другой раз.

Виктор молчал, и Ивану показалось, что его присутствие здесь нежелательно.

— Простите, я должен оставить вас. Спешу... — И, обращаясь только к Виктору, сказал: — Заходи завтра. Поговорить хочется.

Виктор пришел только на третий день.

— Все не мог выбраться, извини,— оправдывался он.

— Сегодня духота. Пойдем к Калачику?

Дворами и огородами они спустились к реке. Молча сели. Смотрели на воду.

Прервал молчание Иван:

— Похоже, Витя, кончилась наша дружба.

— Почему ты так думаешь?
— Потому что молчим. Отчего? Не о чем говорить?
Виктор молчал.
— Скажи, чем ты сейчас интересуешься?
— Своей службой. Событиями в городе, — несвязно начал Виктор.
— А что интересного произошло тут за последнее время?
— Ничего особенного. Правда, намечается строительство...
— Надо полагать, ты о соборе?
— Да. Только денег государство дает мало. Надеемся на пожертвования.
— Ты имеешь в виду гроши верующих?
— Не только бедняков, но и их тоже.
— А ты не задумывался над тем, что когда-нибудь они отвернутся от религии, выступят не только против бога — много ли он помог им? — но и против хозяина, которому пока еще верят?
— Такие разговоры, Иван, к добру не приводят.
— Было время, ты слушал их.
— Вспомнил Михаила Александровича? Его арест еще раз говорит о моей правоте.
— Плохо, что мало у нас таких, как он. Большинство в сторону жмутся.
— А ты знаешь, отчего он жил здесь? У него тут пассия, и не из бедных.
— Хватит. Не черни его.
— Изволь, не будем о нем. И о политике тоже.
— Отчего же? Мы здесь одни. Можем даже с нелегальной литературой познакомиться. У меня есть кое-что с собой.
— Оставь. Я не интересуюсь этим.
— Прежде чем сторониться книг, полезно знать, о чем в них пишут.
— Прости, Ваня, я спешу.
— Понимаю. Тебя ждет темноволосая красавица, — усмехнулся Иван,— не смею задерживать. Прощай.
«Безвольный, безразличный,— подумал о нем Иван.— Я был с ним груб, а он даже не ответил на грубость». Иван вспомнил свою службу в воинском присутствии: умиленные лица при виде начальства, заискивания, кляузы. В земской управе, наверное, так же. Иван представил согнувшуюся в поклоне фигуру Виктора. «По-види-

мому, наши пути разошлись навсегда»,— решил он и направился к дому.

Прошло несколько дней.

Маша постепенно приходила в себя. Сегодня она впервые вышла к завтраку, еще бледная, осунувшаяся. Волнистые волосы, слегка заколотые сзади, свисали с плеч. Иван обнял ее:

— Поговорим?

Они ушли к Туре. Не смея волновать ее расспросами, Иван стал рассказывать о Перми, о новых товарищах, о Николае Ивановиче и очень много — о Клаве.

— Она тебе понравилась?

— Очень. Это необыкновенная девушка. — И, рассказав о последней встрече с ней, добавил: — Своим освобождением я обязан ей.

— Ты познакомился с политическими? — неожиданно спросила она.

— Да. Хочешь познакомлю тебя с программой РСДРП, даже подарить могу. Увезешь с собой в Тагил.

— Я туда больше не поеду.

— Останешься здесь?

— Ни в коем случае. Мне предложили работать в селе Филькино.

Они замолчали, потихоньку пошли к дому.

— А Андрея ты не вини,— сказала она.

— Это твое дело, Маша. Только я бы так не поступил.

...Иван решил ехать в Фоминку и готовился к этому. Рядом с ним все время была Маша.

— Ты решил не встречаться с Витей? — спросила она.

— Я думаю... — начал Иван и умолк: на пороге стоял Виктор, улыбающийся, похожий на прежнего. Поздоровался, спросил:

— Уже уезжаешь? А я хотел пригласить тебя покататься по Туре.

Иван молчал, не зная, как поступить.

— Пойдешь? — как-то неуверенно спросил Виктор.

— Боюсь, не успею собраться в дорогу.

— Соглашайся, Ваня,— советовала Маша. — Потом я помогу тебе.

— Ладно, уговорили.

Маша помахала вслед:

— Долго не катайтесь. Сегодня прохладно.

У Туры они встретились с Шурой.

— Я раздумала кататься,— сказала она, поздоровавшись с Иваном. — Побродим вдоль Туры. Не возражаете?

И, не дожидаясь ответа, пошла вперед.

Иван понял, что Виктор пригласил его не по своему желанию. «Но зачем понадобилось мое присутствие Шуре? — думал он. — Может быть, они поссорились? Но чем я могу помочь? Глупое положение...»

Шура, чтобы нарушить неловкое молчание, стала вспоминать о доме. О том, что скучает и с радостью уехала бы, но жалеет тетю Дашу, которая снова останется одна до следующего лета.

Дошли до Кликун-камня. Иван предложил забраться на самый верх.

Шура согласилась и первой стала подниматься. Быстрая и легкая, она скоро оказалась на вершине.

— Вас словно ветер поднял,— смеялся, догнав ее, Иван.

— Как здесь хорошо! — восхищалась она. — А что это за здание с башней?

— Тюрьма. Пересыльная тюрьма для политических.

— Вы знакомы с политическими?

— Вот здесь, у этой сосны, я впервые узнал одного из них. Виктор тоже его знал,— добавил Иван, принуждая Виктора к разговору.

— Это был твой знакомый. Я его почти не знал,— как-то зло сказал Виктор.

— Не ожидал, что ты откажешься от него. Я горжусь этой дружбой.

— Где же он сейчас? — поинтересовалась Шура.

— Арестован.

— А других политических знаете? Расскажите о них,— попросила девушка.

— Лучше я расскажу о моих пермских друзьях.

И он поведал о том декабрьском дне, об отважных мальчишках, о маленьком безымянном герое с красным лоскутом в руке. О девушке, которая спешила к раненым на баррикаду, о том, как ее хотел зарубить казак. И если бы не случай...

— Вы спасли ее? — вдруг спросила Шура.

— Почему вы так думаете? Просто это был счастливый случай.

— А это была красивая девушка?

— Очень,— ответил он и, оглянувшись, спросил: — Однако где же Витя?

Они настолько увлеклись разговором, что не заметили исчезновения Виктора.

— Витя-а! — крикнул Иван. Ему ответило только эхо. С Туры дул холодный ветер. Иван накинул на Шуру пиджак. — Вы поссорились? — спросил он Шуру.

— Нет. Просто он перестал меня интересовать.

— Вы так легко расправляетесь с друзьями?

— Вы несправедливы. Мне он нравился, но чем больше я узнаю его, тем менее он становится интересен.

— Вы не правы. Виктор — умный и интересный человек. Мы дружили и понимали друг друга. Сейчас и я не узнаю его. Может быть, вы знаете причину перемены в нем?

— Я догадываюсь,— ответила она.

— Можете сказать?

— Вы знали Ивана Алексеевича!

— Витиного дядю? Знал немного.

— В декабре прошлого года Иван Алексеевич участвовал в московском восстании. Его арестовали. Тетя Даша говорила, что Петр Алексеевич имел из-за этого большие неприятности по службе, его заставили отказаться от брата. А Витя любил Ивана Алексеевича.

— Я чувствовал, что с ним что-то случилось,— сказал Иван. Он замолчал, что-то решая. — Ему надо помочь.

Он подошел к Шуре совсем близко и, глядя на нее, закончил:

— И только вы сможете это сделать.

— Почему я?

— Вы знаете сами. Не оставляйте его сейчас. А может, ему лучше уехать? Например, в Екатеринбург.

— Зачем?

— Кажется, у него там есть близкие. В новой обстановке ему станет легче. Он станет прежним и... интересным вам.

— Я попытаюсь выполнить вашу просьбу,—сказала она. — Но знайте, что это только ради вас!..

Она сбросила пиджак Ивана и убежала. «Вот уж поистине: не было ни гроша, да вдруг алтын!» — вспомнил он любимую поговорку деда.

На другой день Иван уехал в Фоминку.

Новый учитель

Первого сентября школа зазвенела детскими голосами. Агния Ивановна давала взволнованному Ивану последние напутствия.

— В добрый путь, Иван Михайлович! — пожелала она.

Иван немного постоял возле класса и открыл дверь.

— Здравствуйте, дети,— произнес он и не узнал своего голоса. Они отозвались наперебой. А когда утихли, он уже более спокойно сказал: — Я ваш новый учитель, зовут меня Иван Михайлович.

— Знаем! Знаем! — послышались голоса.

— Тихо, дети,— уже строже остановил он их.— Прежде всего в классе должна быть тишина. А когда я захожу, вы должны встать. Сейчас мы это проверим...

Он вышел. В коридоре стоял бачок с водой. Иван залпом осушил кружку и снова вошел в класс.

— Здравствуйте, дети!

Многие поднялись, но недружно.

— Я вижу, что меня поняли не все. Повторим еще раз.

На этот раз встали все.

— Садитесь, дети, и внимательно послушайте, о чем я буду говорить... В школе вы научитесь читать. Узнаете о том, что кроме вашего села есть много других поселков и городов. Узнаете, как велика наша страна — Россия, что на земле есть другие страны, другие народы и еще много, много интересного. Но это только в том случае, если будете внимательно слушать меня.

— Будем! Будем!

— И отвечать нужно только тогда, когда я спрошу вас. А если кто из вас захочет о чем-то спросить меня, должен поднять руку.

На задней парте поднялась рука.

— Ты хочешь спросить? Хорошо, скажи свое имя.

— Нюрка.

— А фамилия?

— Краюхина.

— Я тебя слушаю, Аня Краюхина.

Девочка широко раскрыла глаза, захлопала рыжими ресницами: ее впервые называли так.

— Я слушаю тебя, Аня.

— А Павел Иванович ругал моего тятьку, пошто меня в школу отпустил. Говорил: учение для девок — одно баловство.

— Садись, Аня. Я поговорю с Павлом Ивановичем, и он больше не будет ругать твоего отца.

Но девочка вдруг подбежала к учителю, глаза ее наполнились слезами.

— Иван Михайлович, миленький, не говорите Павлу Ивановичу. Он рассердится и отправит тятьку в солдаты!

— Успокойся, Аня,— сказал Иван, отправляя ее за парту.— Я сделаю все как нужно.

Класс оживился, некоторые стали переговариваться. Иван вернулся к столу и строго сказал:

— Ученье не баловство. Вы скоро поймете это сами. А сейчас я прочту вам небольшой рассказ писателя Льва Николаевича Толстого.— И начал читать: — «Жил на свете мальчик. Звали его Филипок...»

Прозвенел звонок, но дети не уходили. Им очень хотелось узнать, как маленький Филипок научился грамоте.

...Дни шли за днями. Иногда после уроков Иван бродил с ребятами по лесу, читал, рассказывал им сказки про Царя Салтана, про Красную Шапочку. Называл ребят ласково: Колюша, Дашутка. И дети ждали этих походов. А на уроках держался строго, случалось, и выставлял за дверь расшалившегося ученика, хотя его и упрашивали:

— Простите, Иван Михайлович, он больше не будет...

Однажды Иван спросил Агнию Ивановну:

— Кто придумал ту доску, что прибита на краю села?

— Есть такой управитель нашей Махневской и Топорковской волостями, земский начальник Кислов — неприятный старик.

— Из дворян?

— Дворянин. Только состояние свое давно промотал. Самодур.

— Боятся его?

— А как не бояться. Тройкой своей может всех кур и гусей передавить. Люди, как заслышат его бубенцы, скорее всю живность по дворам...

— Почему же терпят?

— Народ забитый, религиозный. Петухов, например, не едят...

— Это еще почему? — улыбнулся Иван.

— Когда, видите ли, Христос страдал, петух изволил запеть. И других суеверий придерживаются. В крещенье водяного угощают: к неводу привязывают мешок махорки, пирог с рыбой, бутылку самогона — и все это с сетью в про-

рубь, водяного задобрить. Знахарей, колдунов чем только не одаривают!

— И никто не пытался вывести их из заблуждения?

— Отчего же. Были такие, да только в тюрьмах они сейчас.

— Все?!

— Если поискать, может, и еще найдутся.

— И вы их знаете?

— А тебе, Иван Михайлович, не страшно с ними познакомиться?

— Нет, Агния Ивановна. Я хочу их знать.

— Для чего?

— В Перми я вступил в социал-демократическую партию.

Агния Ивановна словно и не удивилась этому. Больше того, Иван узнал, как более трех лет назад она организовала небольшой кружок, где знакомились с нелегальной литературой, которую ей удавалось привозить из Екатеринбурга. Пока кружок был небольшим, встречались у нее. Но слушателей становилось все больше, а дом Золотавиной стоял на виду. Стали подыскивать другую квартиру. И вскоре нашли.

Много лет жил в ветхом домишке на краю села портной, по национальности зырянин, Павел Савванеевич Кочев. Еще молодым перебрался он сюда с братом Евмением из Вологодской губернии, да так и остался. Шитьем уже почти не занимался, больше охотой на уток да рыбалкой, но по старинке сохранилось за ним звание — портной. Заказчиков ходит к нему немало: кто за рыбой, кто за утками, а иной и по портновскому делу уговорит. И кружковцы решили, что лучшего места для встреч им не найти. С тех пор и приходят сюда, читают Маркса, Ленина и другую литературу. Жена Кочева, Феодосия Федоровна, женщина приветливая и грамотная, когда надо, и сама почитать могла. Агния Ивановна иногда просила ее припрятать брошюры. Правда, Феодосия Федоровна, бывало, делала это так старательно, что потом и сама находила их с трудом.

На читки приходили Федор Васильевич Лаптев, акушерка Фотина, брат Кочева Евмений, весельчак, сочинитель прибауток разных, иногда и крамольных, вроде этой:

Как по речке, как по быстрой
Становой-то едет пристав.
А за ним письмоводитель,
Страшный вор он и грабитель...

Все догадывались, что последние слова относились к Реутову. Агния Ивановна рассказывала Ивану просто и доверительно.

— А мне можно приходить в ваш кружок? — спросил он.

— Конечно. Следующая встреча в среду.

Пришла среда. В доме Кочевых стали появляться кружковцы. Феодосия Федоровна хлопотала: кому кваску предложит, кому сок ягодный. Любила она эти встречи и людей, которые здесь бывают. Понимала и опасность: дознается Реутов, быть беде! И все же словно к празднику готовилась она к каждой встрече: стелила чистые половики, мыла лавки, стол.

— Испечь бы пирог с рыбой,— как-то предложила мужу.

— Ты что, старая, в своем уме? Дух от твоего пирога такой по округе пойдет, любой дурак смекнет: гости у Кочевых.

Ивана встретили приветливо, хотя и не все знали его в лицо. Ждали Федора Васильевича, который должен был принести «интересную книжицу», спрятанную им в подвале магазина купца Новоселова. Еще летом, когда Агния Ивановна привезла литературу, она попросила Лаптева часть ее спрятать понадежнее. Вот он и решил, что надежнее купеческого подвала места не найти. Выбрал ночь потемнее, замотал книжки в брезент, бечевой перевязал и в отдушину спустил. А веревочку к колышку прикрепил и землей присыпал. Знал о тайнике только сам — никому не доверял.

Вот и сейчас с темнотой появился он у Кочевых довольный и веселый.

— Целехонек! — сказал вместо приветствия и торжественно вручил сверток Агнии Ивановне.

— Сегодня мы прочитаем обращение Ленина к деревенской бедноте,— сказала она и раскрыла брошюру.

«Что такое классовая борьба? — читала она.— Это — борьба одной части народа против другой, борьба массы бесправных, угнетенных и трудящихся против привилегированных, угнетателей и тунеядцев, борьба наемных рабочих или пролетариев против собственников или буржуазии. И в русской деревне всегда происходила и теперь происходит эта великая борьба, хотя не все видят ее, не все понимают значение ее... Весной... 1902 года поднялись крестьяне Полтавской, Харьковской и других губерний

и пошли на помещиков, отпирали их амбары, делили между собою их добро, давали голодным хлеб, посеянный и собранный мужиком... Крестьяне не вынесли безмерного угнетения и стали искать лучшей доли. Крестьяне решили,— и решили совершенно правильно,— что лучше умирать в борьбе с угнетателями, чем умирать без борьбы голодной смертью. Но крестьяне не добились лучшей доли...» [1]

Феодосия Федоровна осторожно поставила перед Агнией Ивановной стакан чая: уже более часа читает она.

— Почитайте дальше, Иван Михайлович,— обратилась Агния Ивановна.

— Охотно,— ответил он и продолжал:

«Надо сейчас выбрать самых толковых, разумных и надежных крестьян, которые ищут правды и не убоятся первой полицейской собаки, и разъяснить этим крестьянам, отчего происходит их безысходная кабала, рассказать, как помещики надували крестьян и обирали их в дворянских комитетах, рассказать про силу богатых и поддержку их царским правительством, рассказать о требованиях рабочих социал-демократов...» [2]

Расходились за полночь. Для Ивана жизнь снова обретала смысл.

Прошло три месяца, как Иван впервые вошел в класс. Дети привязались к нему. Иногда он приходил в школу вечерами — там оставались ребятишки из дальних селений, а другие просто оттого, что хотели посидеть со сторожихой Анной Михайловной Белкиной. Она, женщина одинокая, жила в помещении школы, знала немного грамоту и не отказывалась читать малышам, а иногда и баловала их своими бесчисленными сказками. Угостит картошкой «в мундире» да кваском — и детишки радехоньки.

Узнал об этом Иван и тоже стал заглядывать в школу вечерами. А это уж великая радость для ребят.

Кончилась осень, ноябрь накрыл Фоминку обильным снегом. Как-то Золотавина предложила:

— А не прокатиться ли нам воскресным днем в Махнево?

Она смотрела так озорно, что показалась Ивану совсем молодой.

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 193—195.
[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 198.

Мария Михайловна, сестра Ивана Михайловича Малышева

И. М. Малышев (1904)

Верхотурье. Троицкий собор

Шурочка

И. М. Малышев (1911)

Иван Зенков

Клавдия Кирсанова

Миша Туркин

Александр Борчанинов

Яков Михайлович Свердлов

И. М. Малышев (1914)

Памятник И. М. Малышеву на улице имени Малышева в Свердловске

— С вами — куда угодно!

— А ты, оказывается, фат,— шутила она.— Я думаю, соберем желающих и устроим небольшой пикничок у моих знакомых. Тебе неплохо с ними познакомиться.

Воскресный день оказался солнечным, с небольшим морозцем. Собрались Кочевы, Лаптевы, Копышевы, Фотина Степановна Новоселова, серьезная девушка, также посещавшая политический кружок.

Спустя час шумная компания подъезжала к дому друзей Золотавиной.

— Плюхин,— отрекомендовался хозяин и провел в дом.

В хозяине угадывалась военная выправка. Одет он был в выгоревшую, но чисто выстиранную солдатскую форму.

— Моя супруга, Екатерина Николаевна,— представил он уже немолодую женщину, похожую на горожанку.

Екатерина Николаевна особенно приветливо встретила Агнию Ивановну. Пока хозяйка приглашала гостей пройти в горницу, Агния Ивановна о чем-то перемолвилась с хозяином, и он исчез. Агния Ивановна вернулась в общую компанию и обратилась к хозяйке:

— Дорогая Екатерина Николаевна, я так давно не слышала фортепьяно. Прошу вас, сыграйте что-нибудь. Я думаю, что и остальным вы доставите удовольствие.

— Я, право, редко сейчас играю...

Но гости настаивали, и она уступила. Вначале сыграла солнечные мелодии Моцарта, «Французскую песенку» Чайковского, потом взяла несколько аккордов и... весело заиграла «Калинку». Тотчас в кругу оказался Яков Лаптев, за ним Евмений. Агния Ивановна подтолкнула туда и Ивана. Резвились все.

Прибывали новые гости, а скоро вернулся и хозяин.

— Ваше поручение исполнено,— сказал он Агнии Ивановне.

Екатерина Николаевна, закрыв рояль, принялась размещать прибывших. Когда все уселись, Агния Ивановна сказала:

— Друзья! Я знаю, что вы часто приходите сюда, к нашим гостеприимным хозяевам. Сегодня к вам в гости приехали фоминцы. Мы, как и вы, знакомимся с литературой, которая запрещена цензурой. Это очень нужное, хотя и опасное дело. А все, что мы узнаем здесь, необходимо рассказывать рабочим, крестьянам, помогая им разобраться в причинах их тяжелой жизни, готовить их к

борьбе. Я хочу представить вам товарища, недавно приехавшего из Перми. Он участвовал в вооруженном восстании. Прошу вас, Иван Михайлович...

— Так вдруг,— немного смутился Иван.— Смогу ли?

— Я уверена, сможешь.

— Это произошло двенадцатого и тринадцатого декабря,— начал он, стараясь восстановить в памяти те тревожные дни...

Агния Ивановна осталась довольна.

— Начало положено,— сказала она.

— Расскажите мне о Плюхиных,— попросил Иван, когда они возвращались в Фоминку.

И Агния Ивановна поведала ему историю о том, как служил при московском генерале денщик, видный и красивый малый. Как полюбила его генеральская дочь Катя. Разгневанный отец решил было отправить солдата на фронт, но дочь заявила, что бросится под тот поезд, который повезет ее избранника. Тогда генерал добился досрочного освобождения от службы своего денщика и вместе с дочерью выгнал из дома.

— Уехали они на Урал,— продолжала Агния Ивановна,— и живут в любви и согласии. Слывут людьми общительными. Бывают иногда в Москве, привозят книги. Однажды я познакомила их с запрещенной литературой. Потом просили приносить еще. Читали своим друзьям.

— А не боятся, что их выдадут? — спросил Иван.

Приближались рождественские каникулы, и Агния Ивановна засобиралась в Екатеринбург.

— У вас там близкие есть? — поинтересовался Иван.

— Сын,— ответила,— и хорошие друзья.

— Которые снабжают литературой?

— Ты угадал.

Она уехала в первый день каникул. Иван заскучал. А через день решил наведаться в Махнево.

— Хорошо, что приехали, Иван Михайлович,— встретила его Екатерина Николаевна.— Сегодня у Калиновых молодежная вечеринка.

— Я не знаком с ними.

— Это не важно. Я представлю вас.

Молодежные вечеринки в доме купца Калинова собирались часто. Там много говорили о Москве, Петербурге, читали стихи, пели. Обстановка была непринужденной,

и Ивану там нравилось. Скоро заметили, что у него хороший голос, просили спеть. Иногда он исполнял их желание, но чаще предлагал петь вместе старинные русские песни.

Дочь хозяина Настенька любила петь озорные частушки и этим сердила отца.

— Бесстыдница. Несешь околесицу. Неужто добрых песен не знаешь?

Он считал, что у дочери есть голос, пытался даже отдать учить пению. Но Настенька наотрез отказалась «тянуть гаммы». С первых дней знакомства она приметила Ивана и очень огорчалась, что он не отличал ее от других.

— У вас, наверное, есть любимая? — как-то спросила она.

На что он ответил:

— А вот об этом не спрашивают.

И тотчас отошел от нее, почувствовав, что краснеет. Он вспомнил Клаву, хотя никогда не задавался вопросом, что за чувство было к ней.

Каникулы уже давно закончились, а Иван продолжал наезжать в Махнево. Фоминцы шутили: «Зазноба завелась?»

— Может быть,— оставлял их в неведении Иван.

Тревожное лето

Весна началась буйно.

— Ни пройти, ни проехать,— говорили фоминцы.

Многие дети оставались в школе на ночь. Прибавилось забот у сторожихи Анны Михайловны: как разместить всех, чем накормить...

— Хорошо, хоть некоторые родители помогают,— говорила она Золотавиной,— кто хлебушка привезет, кто картошки. Так и перебиваемся.

Агния Ивановна с Иваном дежурили вечерами: мало ли что может случиться.

Были и новости: через реку Тагил собираются строить мост. Уже погнали лес. Набирали рабочую силу. В середине апреля, с наступлением тепла, начались работы.

А дети стали пропускать занятия: родители заставляли помогать на посевной.

— Что делать, Агния Ивановна? — возмущался Иван.

— Ничего не поделаешь, Иван Михайлович. Так идет

из года в год. Для родителей главная забота — кормить детей. Ничего, закончится посевная — все наладится.

Апрель побаловал погодой: совсем как лето. Агния Ивановна предложила кружковцам собраться за селом в молодом ельничке. Занятие прошло хорошо.

— Как ты считаешь, Иван Михайлович,— спросила Золотавина, когда они возвращались в село,— надо ли нам провести беседы с рабочими, которые строят мост?

— Я считаю, что надо.

— Может быть, ты и выступишь с докладом?

— О чем?

— Я привезла статью Ленина «Уроки московского восстания». Ознакомишься, дополнишь эпизодами Мотовилихи. Получится хороший разговор.

— Попробую.

Организаторскую работу Золотавина взяла на себя. Связались с товарищами из Махнево. Помогали кружковцы Фоминки, нашли подходящее место. Рабочие на встречу согласились, сами организовали посты. В первое воскресенье мая собрались в лесу за рекой.

Открыла маевку Агния Ивановна, представив докладчика как участника вооруженного восстания. Это было встречено с одобрением.

— Главной формой рабочего движения в Москве, Петербурге и других городах России были забастовки и демонстрации,— начал свой доклад Малышев.— И рабочие активно участвовали в этих формах борьбы, но товарищ Ленин, ссылаясь на Декабрьское восстание, говорит, что оно, это восстание, «показало воочию, что всеобщая стачка, как самостоятельная и главная форма борьбы, изжила себя, что движение с стихийной, неудержимой силой вырывается из этих узких рамок и порождает высшую форму борьбы, восстание»[1].

Потом Иван рассказал о событиях на Мотовилихе, о причинах поражения революции 1905 года. И, заключая выступление, вновь обратился к Ленину: «...близится великая массовая борьба. Это будет вооруженное восстание. Оно должно быть, по возможности, единовременно... Презрение к смерти должно распространиться в массах и обеспечить победу»[2].

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 369.
[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 376.

Закончился первый для Ивана учебный год. Немало труда пришлось положить, чтобы его босоногие мальчишки и девчонки одолели программу. Долго сидели с Агнией Ивановной за самоваром, вспоминая трудности и удачи минувшей зимы. Решили съездить в Махнево.

У Плюхиных гостили несколько дней — не отпускала гостеприимная хозяйка. Ивану случайно встретилась Настенька, обиделась:

— Гостите в Махнево и к нам не заглянули. И слышать ничего не хочу. Сегодня вечером — к нам.

Ивану не хотелось обижать девушку. Объяснил это Агнии Ивановне.

— Настенька Калинова — богатая невеста,— шутила она.

— Может быть, только не моя,— серьезно ответил он.

Через день вернулись в Фоминку.

...В те дни, когда в Фоминке вовсю шла революционная учеба, в недалеком Надеждинске происходили мрачные события: наступала черная реакция. Все, чего с огромным трудом удалось добиться рабочему Совету в 1905 году, было отменено. Начались слежка, преследования, аресты. Владелец завода запутался в долгах и вместо денег иногда выдавал рабочим купоны, по которым отпускали товары только в заводской лавке. Многие продали свои дома и переселились в бараки, где жили в клетушках, разделенных простынями или одеялами. По воскресным и праздничным дням затевались пьянки и драки, часто доходившие до поножовщины.

Немногие оставшиеся на свободе большевики ушли в глубокое подполье, собирали свои силы.

И вот в это время в Надеждинске появился Александр Лбов. Тот самый Лбов, который деятельно участвовал в восстании на Мотовилихе, он не хотел смириться с поражением и продолжал «действовать», экспроприируя средства на нужды революционного дела. Вначале он был связан с Пермским партийным комитетом и выполнял отдельные боевые задания. Из-за преследования полиции лбовцы, или, как их тогда стали называть, «лесные братья», вынуждены были менять места своего пребывания. Операции были сложными, гибли лучшие товарищи Лбова, верные и преданные делу революции. А на смену им стали приходить «бунтари», часто люди случайные, ищущие нажи-

вы. Узнав об этом, Пермский комитет осудил действия «лесных братьев». Была выпущена специальная листовка комитета. Лбов, находясь в отдалении, не знал о таком повороте дела, хотя и сам начинал понимать, что в этих условиях дружину необходимо распустить.

Однако слава «лесных братьев» росла. О них рассказывали легенды. В Петербурге у социалистов-революционеров также существовала группа боевиков. Она совершала немало крупных экспроприаций и, естественно, несла огромные потери. Чтобы сохранить силы, питерцы устремились в Пермь. В пристанище «лесных братьев» появились боевики Ястреб, Сибиряк, Морж, Саша, Демон, Фомка, Сорока... «Лесные братья» почувствовали прилив новых сил, возобновились их дерзкие операции. Лбов оказался опять «на коне»...

Губернское начальство требовало немедленной поимки Лбова. Начались массовые облавы. Были арестованы отец Лбова, жена, другие родственники.

В поисках убежища Лбов и оказался в Надеждинске.

Большевики Надеждинска, солидарные с решением Пермского комитета, догадываясь, что Лбов мог не знать принятого решения, хотели поставить его в известность. Это задание было дано Якову Черникову, недавно прибывшему сюда из Екатеринбурга. Тогда надеждинцы еще не знали, что под этим именем скрывается бежавший из ссылки Антон Валек. Заседание, состоявшееся у Василия Чащина, было коротким: дом хозяина был на подозрении.

Уходя, Черников обратился к Рае Рожиной:

— Не окажете ли любезность «проводить» меня?.. Извините за смелость.

— Хорошо,— быстро ответила Рая, и легкий румянец окрасил ее лицо, хотя «проводить» означало всего лишь оградить товарища от «хвоста». Оправившись от стеснения, Рая неожиданно сказала: — Вы должны взять меня с собой, когда пойдете ко Лбову.

— Это не совсем безопасно,— предупредил он.

— Я знаю. Но я очень вас прошу, пожалуйста!

Она так настойчиво просила, что Яков не смог отказать.

Они пришли в штаб Лбова, когда стало совсем темно. Их пропустили в дом. Картина перед ними открылась неприятная: на грязном полу, забросанном окурками, лежали лбовцы, многие из них были опоясаны пулеметными лентами.

— Вам кого? — остановил их приближенный Лбова — Злей.

— У нас важное сообщение для Александра Лбова,— ответил Черников.

— Лбова в Надеждинске нет. Он в отлучке. Что прикажете передать? — не без иронии спросил тот.

— Мы представители партии большевиков. Моя фамилия Черников. Завтра я буду ждать его в Народном доме в 8 вечера.

Рае понравился его твердый ответ.

— Разве это революционный отряд? — возмущался Яков, когда они вышли из дома.— Кучка отшельников, не понимающих, зачем и для чего они валяются на полу в этой грязной комнате!

Лбов на встречу не явился. Его посыльный передал, что с большевиками Лбову говорить не о чем, что у них разные дороги...

— Нужно немедленно написать листовку, разоблачающую лбовщину,— убеждал товарищей Черников. И обратился к Рае: — Вы можете собрать девушек, умеющих разборчиво писать? Я подготовлю текст. Листовку нужно размножить и распространить по поселку.

Наутро о «лесных братьях» знали все надеждинцы.

Лбов решил предпринять ответный шаг.

— Я должен завоевать сердца рабочих, и я это сделаю,— заявил он.

...22 августа в 3 часа дня трое неизвестных проникли на территорию завода. Среди них были Лбов и Злей. В это время директор завода Прахов и член правления Сцепио вышли из мартеновского цеха. Злей выстрелил в Прахова, крикнув:

— Получай за все издевательства над рабочими!

Высокий и сильный Сцеппо мгновенно схватил за руку стрелявшего. Злей, не в силах вырваться от Сцепио, позвал Лбова. Прозвучали выстрелы. Сцепио и Прахов упали замертво. Лбовцы словно растворились. Все произошло в одно мгновение, даже не нарушило ритма работы. Подоспевшая полиция ничего не могла выяснить.

Очевидцы оказались бесполезными, говорили так:

— Я стоял спиной.

— Слышал только выстрелы.

— Стреляли двое, кто — не знаю.

Дерзкий поступок Лбова не поднял его репутации. Он закончился для рабочих трагедией. Вечером того же дня

около проходной конторы появилось объявление: «Убийство директора завода Прахова и постоянные насилия над служащими и получаемые ими угрозы окончательно расстроили организацию управления и сделали работу завода совершенно невозможной, а потому по постановлению администрации по делам Богословского Горнозаводского общества, полученному сегодня из С.-Петербурга, Надеждинский завод закрывается на неопределенное время.

Завод с 24 августа передается в ведение полиции и войск».

В поселке начались аресты. Прибыли солдаты, которых разместили в Народном доме. Жизнь в Надеждинске замерла.

Уже более месяца не получал Иван писем из дома. «Наверное, ждут меня»,— подумал он и, наскоро собравшись, уехал в Верхотурье.

— А Машенька не приедет,— здороваясь с сыном, сообщила Анна Андреевна.

— Что так?

— И сама толком не пойму. Пишет о каком-то лесничем Кожурине, у которого умерла жена и что у него осталось двое малолетних детей.

— А при чем тут Маша?

— Она на квартире у этого Кожурина стоит.

— Можно подумать, что у лесничего нет няньки.

— Жалеет сироток. Пишет, что привязалась к ним...

— Жаль. Мне так хотелось побыть с ней.

Без дела провел весь день.

— Сходил бы к Вите,— предложила мать.

— Не хочется что-то...

На другой день после завтрака ушел к Туре. От Троицкого камня зашагал вдоль течения, любуясь обрывистыми берегами. Перед ним во всей красе предстал Кликун-камень. Невольно стал подниматься наверх к сосне, к той самой, которая была свидетелем его встреч с Михаилом Александровичем. «Неужели никогда больше не сойдутся наши пути?..» — с грустью думал он, медленно поднимаясь на вершину.

— Вы?! — удивился вдруг.

У сосны стояла Шура.

— Я ждала вас.

Взгляд его выразил еще большее удивление.

— Я знала, я верила. Вы должны были прийти сюда.
— Что же вы хотели сказать мне?
— Просто я хотела видеть вас. Здесь так скучно.
— Зачем же вы приехали? Есть другие города, где можно жить весело. Думаю, у вас есть такая возможность.
— Скажете еще: уехать за границу? Нет. Я люблю Россию, люблю Урал, и нет для меня дороже и красивее родных мест.
— Для меня — тоже. Правда, я нигде и не был, кроме Урала.
— Придет время, побываете.
— Расскажите о Викторе. Вы говорили ему о Екатеринбурге?
— Да. Но он считает, что здесь лучше продвинется по службе.
— Я все понял. Считайте, что я вас ни о чем не просил.
Он хотел проститься, но Шура задержала его.
— Прошу вас, не уходите. Мне нужен ваш совет.
— Боюсь, что я плохой советчик.
— Но вы друг Виктора... Скажите, он хороший человек?
— Мне трудно ответить на этот вопрос.
— Почему?
— Это слово можно понимать по-разному. Вы можете считать хорошим нежного, приветливого, услужливого, в будущем верного спутника жизни...
— А вы?
— Прежде всего — честного и решительного.
— А любовь? — неожиданно спросила она.
— Я не понимаю вас, Шура. Какой совет вам нужен?
— Виктор вызывает не любовь, а жалость,— говорила она, думая о своем.
— Вот и выходите за него замуж. А потом всю жизнь жалейте...
— А вы жестокий!
— Я считаю, что жалость унижает человека.
— Что же вы все-таки посоветуете?
— Ничего. Поступайте, как велит сердце... Пойдемте, похоже, дождь будет.
Иван проводил Шуру до дома, прощаясь, спросил, не найдется ли у нее что-нибудь почитать. Она пригласила его к себе и сказала, что тетя Даша всю жизнь собирает книги. Есть и иностранная литература.

— С книгами будьте аккуратны,— предупредила хозяйка.

— Тетя Даша! Иван Михайлович — учитель.

— Ну, прости, батюшка, если обидела.

— Я не обидчивый! Позвольте брать у вас книги. Я не задержу.

— Сделай милость,— ответила Дарья Викторовна.

Иван был доволен: есть чем заполнить время. К тому же лето оказалось дождливым, и он не замечал за книгами ненастья. Только в погожие дни отрывался от них, помогая отцу.

Иногда его задерживала у себя Шура. Они вместе читали, но всякий раз Иван находил предлог, чтобы уйти. И Шура не возражала, догадываясь, что он избегает встречи с Виктором.

Однажды, вернувшись от Шуры, Иван застал дома Вячеслава.

— Богатым, что ли, стал? — смеялся тот, обнимая Ивана.

— Почему богатым?

— Сторонишься рабочего класса.

— Прости, дружище. С хорошими книгами встретился, про все забыл. Ну рассказывай, как живет рабочий класс?

— Паршиво. Заработка нет. Еле концы с концами свожу. Думал родителям в деревню кое-что послать, да где там!..

— Да, дела твои неважные. А что пишет Дмитрий?

— Что-то замолчал давно. Не женился ли, думаю.

— Так уж и женился!

— Писал мне, что познакомился с девушкой, которая ему понравилась.

— Разве мало на свете хороших девушек? Женитьба — шаг непростой. А нам, думаю, рано еще об этом думать.

Слежка

В августе Иван уехал в Фоминку, так и не встретив Виктора.

— Как дома? — спросила Агния Ивановна.

— Дома хорошо, а здесь лучше.

— Правда? — обрадовалась она.

— Серьезно. Отвык я от Верхотурья. Неинтересная там жизнь.

— Съездил бы ты в Махнево. Скучают там по тебе.

— Завтра же съезжу.

Плюхины обрадовались гостю.

— Совсем вы нас забыли, Иван Михайлович!

Домой не отпустили, пришлось заночевать. У Калиновых намечалось молодежное веселье. Решили навестить и их.

— Где это вы все пропадаете, Иван Михайлович? Думала, не дождусь,— говорила Настенька.

— А вы похорошели. Наверное, от поклонников отбою нет?

Она смутилась и промолчала. Иван поспешил преодолеть неловкость.

— Спели бы, Настенька. Я так соскучился по вашему голосу.

Его поддержали остальные гости. И Настенька запела:

Помню, я тогда молодушкой была,
Наша армия в поход куда-то шла,
Вечерело, я стояла у ворот...

Закончив, она подошла к Ивану:

— А теперь я прошу вас, я тоже соскучилась.

— Хорошо. Только пусть мне подпевают все.

Славное море — священный Байкал.
Славный корабль — омулевая бочка...

Он взмахнул рукой, предлагая продолжать вместе.

...Возвращаясь из Махнево, Иван обычно заезжал к школьному кучеру Павлу Савванеевичу, который, заслышав его, непременно выходил на крыльцо. На этот раз его на обычном месте не оказалось.

Иван зашел в дом и увидел заплаканную Феодосию Федоровну.

— Не успела с дороги кур убрать,— говорила она сквозь слезы,— всех начисто подавил окаянный Кислов. Да с меня же штраф велел взять...

Иван развернул лошадь. Что произошло между Малышевым и земским начальником, никто не узнал. Одно только сказал Иван по возвращении:

— Не возьмет он с вас штраф, Феодосия Федоровна.

А про себя подумал: «Наверное, не следовало бы так резко. Даром мне это не пройдет». И скоро эту догадку подтвердили подозрительные взгляды Реутова.

Лето кончилось. Повзрослевшие дети дружно появились в школе. Иван расспрашивал их об отдыхе. Однако ребята рассказывали не о забавах, а о работе, о том, что урожай нынче ждут плохой, и быть к весне голодухе. Тяжело было слушать эти рассказы. Иван любил своих учеников, и каждого из них по-своему. Особенно внимателен был к тем, у кого в семье случались пьянки и драки. Хотелось, чтобы они узнали другую жизнь, готовились к ней.

Прошло и бабье лето. Начались дожди, размыло дороги. Ученики опять пропускали занятия. Это беспокоило учителя, и он шел к ним домой. Как-то заболела маленькая Дашутка. Мать провела к ней. Девочка была бледна, жаловалась на боль в груди. А Иван слышал за перегородкой шум, пьяные голоса, и среди них — голос Реутова:

— Я тебе за что плачу?! Сказано тебе: дознайся, какие речи ведет Малышев?

«Кто же из этой компании предатель?» — думал Иван.

Он гладил по головке девочку — бедный ребенок...

На следующий день привез из Махнево врача, который, осмотрев Дашутку, сказал:

— Больна серьезно. Надо немедленно отправлять в больницу.

...В одну из поздних осенних ночей раздался громкий стук в дверь и окна школы. Сторожиха Анна Михайловна перепугалась. Вглядываясь в темноту, узнала Филата Реутова, сына местного писаря.

— Отворяй! — кричали за дверью.

— Да вы кто? — испуганно спрашивала она.

— Отворяй скорее, а то плохо будет!

Пришлось впустить непрошеных гостей. Вошли двое урядников с шашками, Филат держал топор. Анна Михайловна стояла ни жива ни мертва, ожидая самого худшего. Оттолкнув ее, вошедшие ворвались в классы, стали выворачивать половицы, выкидывали из шкафа книги и тетради.

— Зажги лампу! — потребовал Филат.

С лампой полезли в подполье, рыли землю. Сторожиха в ужасе смотрела на все это, не смея произнести ни слова. Ничего подозрительного не обнаружив, они наконец ушли.

— Как Мамай воевал! — воскликнула измученная

женщина. Всю ночь приводила она в порядок школу: мыла, скребла. — Что-то скажет Агния Ивановна?

Наклонясь над столом, Иван внимательно проверяет домашние задания учеников. Дождь назойливо стучит в окно. Отложив тетради, задумался: «Непогода-то какая. Завтра снова кого-нибудь недосчитаюсь. Запретил Кислов оставлять детей в школе, зачем — и сам не знает. Теперь дети пропускают учебу не только по болезни, но и из-за обуви. Дашутка все еще лежит дома: денег у родителей на лечение нет. А на самогон находят... Как ей помочь? Попробовать собрать?..»

Поздно, но Ивану не хочется спать. Раскрыл книгу, недавно привезенную от Плюхиных: Чернышевский...

Углубившись в чтение, он не слышит подъехавшей к окну телеги.

— Какой политический? — слышится голос квартирной хозяйки.

Дверь распахнулась, и в комнату шагнули старший Реутов с двумя жандармами.

— Вы арестованы,— произнес усатый, обращаясь к Ивану.

— Арестован! — ахнула хозяйка. — Помилуйте, за что?

— А это мы сейчас узнаем. Начинайте обыск! — скомандовал он и, закрыв книгу, которую читал Иван, процедил сквозь усы: — Недозволенные произведения господина Чернышевского изволите читать?

Обыск был долгим и нудным. Одна за другой складывались книги на стол, за которым сидел усатый.

— Здесь мои вещи,— сказала хозяйка, когда другой жандарм подошел к комоду.

— Извольте дать ключи,— потребовал он.

— Еще чего!

— В острог захотели вместе с постояльцем? — заорал усатый.

— Меня в острог? Новоселову! Да ты в своем уме?! — Она повернулась к Реутову: — Что же вы, Павел Иванович, разрешаете так со мной разговаривать? Я могу и пожаловаться кому следует.

Реутов что-то пошептал усатому, тот скомандовал:

— Отставить!

— А от вас, Иван Михайлович, я такого не ожидала, думала, вы порядочный человек.— И, повернувшись к иконе, перекрестилась: — Господи, прости меня грешную.

Видано ли это: у Новоселовой — политический! Что люди скажут...

Она причитала и после того, как стражники ушли, уводя с собой постояльца.

Предательство. Тюрьма

Ивана везли долго. Дождь то прекращался, то расходился с прежней силой. Когда останавливались, его вталкивали в какие-то сараи, потом снова везли. Телега поминутно застревала в грязи. Рогожа, которой он был прикрыт, от дождя не спасала. Наконец усталость взяла свое и он уснул. Проснулся от крика:

— Вылезай!

Было темно, но он разглядел знакомые очертания Троицкого собора. «Похоже, я дома. Только дома мне своего, кажется, не увидеть»,— подумал про себя.

Его втолкнули в маленькую клетушку, в которой при тусклом свете огарка он разглядел железную кровать.

С шумом захлопнулась дверь.

...Шел третий день ареста. Ивана никто не вызывал, словно о нем забыли. Но это было не так. В тот день, когда его привезли в Верхотурье, дом отца подвергли обыску. Допрашивали мать. Анна Андреевна плакала, твердила:

— Никого не знаю. Бывали мальчишки. Какие — не знаю. Много их приходило, разве упомнишь. Политических не видела...

Отец рассказывал все, что знал:

— Друг у него самостоятельный, в земской управе служит. Виктор Смирнов. Были еще Дмитрий и Вячеслав, фамилий не помню. Дмитрий, слыхал, теперь в Надеждинском заводе работает, а Вячеслав — на железной дороге. Откуда сыну в политиках быть, ума не приложу. Воспитывал его в строгости, к хозяйству приобщал. Одну ошибку допустил: отпустил учиться в Пермь. Может, там и нахватался чего не надо. Молод он еще, господа. Глаз да глаз за ним...

Вызывали на допрос Вячеслава. Тот всему удивлялся:

— Неужели? Быть не может! В первый раз слышу... Дмитрий? Может, и в Надеждинском заводе, точно сказать не могу. Ну дружили, а кто куда уехал, не знаю. Мало ли ребят в училище было!.. Со Смирновым они друзья

были — это уж точно, особенно когда Малышев в воинском присутствии работал. Говорят, уж больно на хорошем счету был...

Виктора допрашивали последним.

— Мне известно: Малышев ваш друг,— начал следователь.

— Был когда-то.

— Почему — был? В прошлом году вы встречались. О чем говорили?

— О разном.

— Пожалуйста, поточнее.

— Не помню.

— Вам придется вспомнить. Не забывайте, от этого зависит не только судьба вашего друга, но и ваша. Может быть, вы говорили о вашем московском родственнике? — Он сделал ударение на слове «московском».

— Малышев видел моего дядю лет пять назад. Что касается нашей семьи, то вам, наверное, известно, что мы отказались от нашего московского родственника.

— Вернемся к вашему другу...

— Бывшему другу,— поправил Виктор.

— «Бывшему»... Значит, вы разошлись с ним в убеждениях. Каких?

— Ему не нравилась служба в воинском присутствии, осуждал и мою службу в земской управе.

— Мы располагаем другими данными. Малышев был примерным на службе. Нам дан лестный отзыв о нем. Вы говорите неправду!

Виктор замолчал. Он боялся за себя: «Мне не верят!» И это не ушло от внимания следователя.

— Я не верю вам. И не забывайте, что вы поклялись говорить правду и только правду.

«Неужели и меня арестуют? Как же им доказать, что я не виновен?!» Страх сковал Виктора, и он несвязно залепетал:

— Господин следователь, я осуждал... Говорил, что не хочу знать никакой запрещенной литературы...

— Он предлагал вам такую литературу?

— Да. Но я отказался.

— Что это были за книги?

— Я их не видел и сказал, что не хочу видеть.

— В Перми он был участником беспорядков?

— Говорил, что был на баррикаде.

— Он состоит в РСДРП?

— Не знаю. Этого он не говорил.

— С кем он встречался здесь?

— Этого тоже не знаю. В последний приезд из Фоминки он избегал меня.

— А раньше? Он называл какие-нибудь имена в Перми и здесь, в Верхотурье?

— Нет. Я думаю, что он уже не доверял мне...

— Вы же были друзьями! Вы должны знать о его прежних встречах!

Виктор молчал. Но следователь видел, что он сказал еще не все. И он настаивал:

— Я требую! За укрывательство вы будете нести ответственность. Говорите! Я требую!..

И Виктор сказал:

— Его звали Михаил Александрович Окаемов.

В Пермское жандармское управление

Помощник начальника Пермского
жандармского управления
по Верхотурскому уезду.
№ 2110 от 22 ноября 1907 года.

Рапорт

Сообщаю, что 17 ноября мною приступлено к производству дознания о верхотурском мещанине Иване Михайловиче Малышеве по обвинению его в преступлении, предусмотренному 132 ст. Уголовного уложения.

Основанием к сему послужил полицейский протокол обыска, из которого видно, что у означенного Малышева обнаружено:

1. 25 брошюр частью преступного, частью тенденциозного содержания. Причем некоторые из них запрещены Циркулярами по делам печати.

2. Много рукописных заметок, сделанных лично Малышевым. Тоже преступного содержания, как-то: переписывалась программа РСДРП в двух экземплярах, несколько к ней комментариев и т. п.

Кроме того, в доме отца Малышева обнаружено при обыске две программы РСДРП, написанные сыном, Иваном (2 экз.).

Только на пятые сутки вызвали Ивана к следователю. После серии вопросов, касающихся его личности, следователь спросил:

— Состоите ли в социал-демократической партии?

— Не состою.

— При обыске у вас обнаружена программа этой партии.

— Я учитель и должен знакомиться с различной литературой.

— Как она попала к вам?

— Не помню.

— Были участником декабрьских беспорядков в Перми?

— Не участвовал.

— А ваш друг Виктор Смирнов утверждает, что вы были там.

Иван рассмеялся:

— Смирнов всегда был фантазером. Он и не то может придумать.

— За что вы были арестованы в Перми?

— Очевидно, по ошибке, так как через день был освобожден.

— Знакомы с Клавдией Кирсановой?

— В первый раз слышу.

— Странно, а она вас знает.

— Вы что-то путаете.

— Советую вам быть благоразумным, Малышев. Мы много знаем о вас, и не скрою, в том помогли ваши друзья.

«Не много же он узнал,— размышлял Иван. — Да и неоткуда. Вячеслав ничего не скажет. А Виктор?.. Пожалуй, может. Вспомнил же про баррикаду... Друзей же моих он не знает...»

— Приходила ваша мать,— слышал он голос следователя. — Мы разрешили ей встречу с вами. Теперь вы понимаете, что мы хотим вам добра?

«Неужели увижу маму? Что я скажу ей?» — заволновался Иван.

На этот раз его отвели в сырую и грязную камеру. Иван присел на узкую кровать, покрытую мятым сукном. Вошел надзиратель, поставил на стол миску с едва теплой мутью.

— Петь нельзя. Говорить нельзя. Высовываться нельзя,— пробубнил он и вышел.

Иван встал, прошелся по камере: шесть шагов в длину, три — в ширину.

— Просторное жилище!

Мать он увидел на другой день. В комнату для свиданий, со столом посередине, она вошла сгорбившаяся, в темном платке, похожая на старушку.

— Похудел ты, Ваня,— начала она, утирая кончиком платка сухие глаза. Она дала себе слово не плакать, чтобы не тревожить сына.

— Я еще поправлюсь, мама,— улыбнулся он. — Как вы живете? Как отец?

— Отец здоров. Сердится на тебя. Прославил, говорит, на всю округу...— Она умолкла, что-то вспоминая. Потом заговорила вновь, как бы выдавливая из себя слова: — Ты бы покаялся, Ваня, сказал, что им от тебя надо...

Ее душили эти чужие слова. Слова, которые дали ей право на эту встречу. Она боялась, что сын не поймет, осудит ее, но он понял.

— Не надо об этом, родная. Расскажи лучше о Маше.

— Ее тоже арестовали.

— Из-за меня?

— Не знаю. Только хлопочет за нее Кожурин, помнишь, она про него писала?

— Будем надеяться на лучшее. А за меня не беспокойся. Тюрьма здесь сносная, кормят хорошо.

Она знала, что сын говорит неправду, но не переспрашивала, а только молча глядела на него. Анна Андреевна не понимала еще, на какой путь стал ее сын, но она верила: он прав. Сердцем чувствовала — стремится к чему-то доброму, настоящему.

...На второй допрос его вызвали ночью.

— Мы дали вам достаточно времени, чтобы подумать. Повторяю свой вопрос: от кого вы получали брошюры преступного содержания?

— Я уже отвечал. Этого человека я не знаю.

— Сожалею... — протянул следователь. — Может, мне назвать его?

Иван молчал.

— Его фамилия Окаемов.

Иван сжал зубы. Только Виктор мог назвать это имя. «Предатель!»

А следователь продолжал:

— Видите, мы знаем о вас немало... Так вы подтверждаете, что брошюры получали от Окаемова?

— Я впервые слышу эту фамилию.

— Тогда назовите другую. Молчите? У нас есть воз-

можности заставить вас говорить, но я не хотел бы прибегать к крайним мерам... Вы еще так молоды. Подумайте.

И снова камера. Поздно ночью услышал тихий стук — тюремная азбука, о которой он знал только понаслышке.

На десятые сутки его вывели на прогулку. По маленькому дворику на одинаковом расстоянии друг от друга цепочкой ходили четверо. Ивана пристроили к ним. Прошли круг, другой, и вдруг идущий впереди споткнулся. Иван поспешил поддержать его и в то же мгновение ощутил в ладони клочок бумажки.

— Азбука,— шепнул тот.

В камере Иван бережно расправил листок и стал внимательно изучать его. Скоро он ответил на очередной стук: получалось. Какая радость, он больше не одинок!

Теперь на допросы вызывали дважды в сутки, часто ночью. Кричали, требовали, грозили. Иван упорно молчал. С наступлением зимы в камере похолодало. Сократили прогулки, а в соседнюю камеру поместили уголовника. И снова допросы, допросы...

— Не таких укрощают в Николаевке [1],— заявили ему на очередном допросе. И больше не вызывали. Прогулки тоже прекратились.

— Выходи! — скомандовал однажды зло надзиратель.

Во дворе арестованных построили по три в ряд и повели в сторону вокзала. Холодно, темно, хруст снега да окрики стражников. Огромные казенные сапоги скользят по склону. Миновали мост через Калачик. Вот и до боли знакомая Ямская слобода. Все здесь дорого и близко. Родной дом. Сейчас ему казалось, что ничего на свете не было дороже этого небольшого дома на четыре уличных окошечка, со скромными наличниками, этих ворот с резными цветочками посредине. Как часто приходилось ему открывать их, провожая в дорогу отца или деда. Небольшой заборчик перед окнами. Прикоснуться бы еще хоть раз ко всему этому...

На кухне уже горит свет. «Не спит мама, тревожится. Чем мне утешить ее? А ведь это — только начало...»

— Откуда ты? — слышит Иван голос соседа.

— Здешний я, верхотурский.

— А я из Нижнего Тагила. Знаешь, куда нас ведут?

— Наверное, в Николаевку. Давно ею грозят.

---

[1] Николаевка — Нижнетуринская тюрьма.

— Ты так говоришь, словно в кабак идем. Эту тюрьму «уральским шлиссельбургом» зовут.

— В жизни все надо узнать,— спокойно сказал Иван.

— Ну и дурак же ты! — громко подытожил тот.

— Разговоры прекратить! — заорал стражник.

...В промерзшем арестантском вагоне этапники сели поплотнее, чтобы согреться. Сосед Ивана оказался с Мотовилихи. Разговорились.

— После декабрьских событий,— рассказывал тот,— я в Кушву подался, к родственникам. Думал, пережду. Так нет, нашелся сукин сын — продал.

— А меня еще в Перми брали, да обошлось, выпустили. Улик не собрали.

— Да, в Николаевских ротах за все враз рассчитаются и вперед выдадут. Уж больно этой тюрьмой пугают.

— А может, для страха?

— Если бы... Говорят, там и до смерти забивают.

...Тяжелое время пережили надеждинцы. Дорогой ценой заплатили за убийство директора. В переполненной тюрьме заключенных зверски избивали. Отца и сына Тихомировых пытали так, что они обезножели. Некоторых выселили. Пришла беда и в семью Василия Чащина: снова заболел Афанасий Егорович и уже не мог подняться. Болели дети. Валентина извелась от горя, продала все, что смогла, но голод не отпускал. Братья подрабатывали где придется.

Наконец пустили завод. Об условиях никто не спрашивал: изголодались.

И как бы наперекор черной нужде Дмитрий полюбил маленькую Надёнку. Они берегли любовь от чужих глаз, встречались редко и не загадывали на будущее. Но беда подкралась через Надёнкину мачеху.

— Что это Надежда глаза прячет? — выговаривала она отцу. — Уж не приглянулся ли кто?

— Да ты что? Ей еще и шестнадцати нет. Какие ей кавалеры!

— Много ты понимаешь, старый! Вот принесет в подоле, узнаешь. Ну да от меня не скроется, все едино дознаюсь.

И следила. И дождалась: Надя и Дмитрий стояли возле их дома.

— Вон, полюбуйся,— сразу всполошила отца,— как твоя бесстыдница с оборванцем тебя позорит!

Отец выскочил на улицу, грубо схватил Надю за руку. А Дмитрию пригрозил:

— Чтоб ноги твоей возле нашего дома не было!

А дома выговаривал ошеломленной дочери:

— С оборванцем снюхалась? Замуж захотела? Так ты скажи, я тебе жениха найду! Такого, какой мне нужен.

Надя молчала. Словно грязным сапогом наступили на ее душу.

— Что молчишь? — допрашивал он дочь.

— Не говорите так о Мите.

— Видали?! Она еще защищает Васькиного выкормыша. Да кто они? Бунтари, «советчики». Вон что придумали! Директора-кормильца убили, рабочих дела лишили...

— Не виноваты они в этом!

— Не виноваты? Это тебе Митька сказал? Дура! Он тебе еще не то нагородит. Думаешь, ты ему нужна? Приданое твое по миру пустить хочет, шаромыжник!

— Не смейте! — закричала Надёнка.

— Ты на отца?! Ну так слушай: еще увижу с Митькой — забью до смерти. — И ушел, хлопнув дверью.

Всю ночь проплакала Надёнка. На другой день решила увидеться с Митей, чтобы решить, как быть дальше. Но не дошла... Мачеха выследила ее и притащила домой. Отец избил, со злостью выговорил:

— В воскресенье будут сваты, и чтобы не перечить!

Но сваты не понадобились. Девушка повесилась у себя в комнате...

Дмитрий онемел от горя. А потом пришел к брату.

— Уеду. Не могу я здесь,— сказал.

— Куда? Нешто где лучше рабочему человеку живется? Дай срок, Митя, рассчитаемся с ними и за обиды наши, и за слезы родных своих. А сейчас силы собирать надо да в наступление...

...Фоминка узнала об аресте учителя Ивана Михайловича в тот же день. Чуть позже арестовали Агнию Ивановну. Школу закрыли.

Феодосия Федоровна собрала у себя кружковцев.

— Я думаю, надо в Верхотурье идти,— предлагал Федор Васильевич.

— Надо бы,— поддержал Павел Савванеевич.

— Соберем миром деньжонок и пошлем кого-нибудь,— предложила Феодосия Федоровна.

— Я предлагаю Паше идти,— сказал Евмений Савванеевич.

— Я что, я завсегда готов.

Через несколько дней Феодосия Федоровна собрала 75 рублей, испекла хлеба и отправила мужа пешком в Верхотурье.

Вернулся Павел Савванеевич через две недели с растертыми в кровь ногами. Дрожащим голосом попросил:

— Заказывай, Федоровна, молебен по нашему Ивану Михайловичу. Повесили его изверги...

Страшное известие облетело все село.

— Туда ему и дорога,— сказал Реутов, узнав новость.

А вся Фоминка горевала. Не знали фоминцы, как жестоко над ними «подшутило» верхотурское тюремное начальство.

...Поезд с арестантами остановили на разъезде посреди леса.

— Вылезай! — раздалась команда.

Стражники торопили. Тех, кто медлил, толкали прикладами. К Нижнетуринской тюрьме повезли дальше по узкоколейной дороге. Дорога шла густой тайгой — вагоны касались ветвей деревьев.

— Как вы-то сюда попали? — услышал Иван слова конвойного, обращенные к сидящим рядом парням. — И покрепче ваших там кости ломают.

— За нас, батя, не боись,— отозвался один.— Мы себя в обиду не дадим.

— Смело! Только тут за каждое поперечное слово избивают до полусмерти.

Арестованные прислушивались к конвойному.

— Есть тут старший надзиратель Евсюнин,— продолжал он,— который и в праздники кулаки чесать любит... С утра в церкви молебен отстоит, а потом идет в карцер веру защищать. Задаст вопрос: «В бога веришь?» А какой же политический верит... Вот Евсюнин и начинает: «За мать пресвятую богородицу — раз!» А кулак у него с два моих. Потом назовет Казанскую мать, Тверскую... Так и бьет, пока всех не пересчитает. А он их, почитай, не менее тридцати знает. Потом того беднягу часами водой отливают. Да и другим приходится не легче.

— Какое же они имеют право? — спросил тот же паренек.

— Начальник тюрьмы поощряет.

— Что, и сам тоже бьет?

— Нет, он не бьет. У него силы нет: старик он. Только не лучше их. Осужденному слова ласковые скажет, а ночью сам приходит проверять, усердно ли бьют. И после каждого удара повизгивает от удовольствия.

— А может, все это для слабонервных? — спросил кто-то.

— Хошь верь, хошь нет, а на ус мотай...

Поезд остановился.

— Ну, ребятушки горемычные, выходите,— сказал конвойный.

...Тюремный поселок словно раздвинул тайгу, образовав котловину. Высокий забор с башнями по углам ограждал двухэтажное здание. Перед воротами стояли два каменных дома администрации, чуть дальше дома надзирателей и охраны. Главный корпус тюрьмы был выстроен еще в 1852 году под оружейный завод. Однако через 10 лет его закрыли и вспомнили только через 30 лет. Слегка переоборудовав, превратили в тюрьму, назвав ее Нижнетуринским Николаевским исправительным арестантским отделением.

Направо от главного корпуса, в бывших кладовых завода, находились одиночные камеры. Налево — церковь, чуть дальше — больница.

Прибывших вводили в вестибюль главного корпуса, слабо освещенное помещение в два этажа с галереей и решетками по второму этажу. У двери висело расписание прогулок. Тут же — расписание занятий, под которыми подразумевались пилка дров по 3 копейки за кубометр и работы на огородах начальства, которые, как правило, не оплачивались. Расписание занятий предназначалось для уголовников, которые занимали первый этаж. В верхнем этаже находились подследственные политические, их же направляли и в карцеры в подвальном помещении с наружным выходом.

После обыска в приемной арестантов выстроили. В стороне стояли надзиратели, у каждого на ремне висела плеть.

Вперед выступил начальник тюрьмы Жирнов, с одутловатым лицом и редкими рыжими волосами.

— Вас прислали ко мне для исправления,— зашепелявил он. — Если будете вести себя как полагается, то вам будет хорошо. — Он умиленно улыбнулся, но тотчас его лицо приняло хищное выражение. — В противном

случае у меня достаточно средств привести вас в повиновение.

Он нахмурил лоб, испещренный морщинами, и добавил:

— Пермскую дурь я из вас выбью!

Вперед выступил высокий человек с бледным худым лицом.

— В вашем исправлении мы не нуждаемся! — сказал он.

— Кто еще так думает? — с усмешкой спросил Жирнов.

Все молчали.

— Этого в карцер,— ласково произнес он, указывая на провинившегося коротким пальцем. — Остальных по общим камерам.

Свидание не состоялось

Неожиданно на рождественские каникулы в Верхотурье приехала Шура.

— Что случилось, дорогая? — спрашивал Виктор.— Почему ты не сообщила, я встретил бы тебя.

Он попытался обнять ее, но она отстранилась.

— Что с Ваней? — она в упор смотрела на него.

— Очевидно, ты уже знаешь, что он арестован. Это заметно по твоему волнению.

Шура будто и не заметила его колких слов.

— Ты знаешь, за что он арестован?

— Понятия не имею.

— Лжешь. Тебя вызывал следователь. О чем он тебя спрашивал?

— Поверь, я ничего не сказал об Иване дурного,— говорил он, избегая ее внимательного взгляда.

— Если ты сейчас же подробно не передашь мне весь разговор со следователем, ты меня больше никогда не увидишь.

— Я не понимаю, почему это так интересует тебя? Это касается только наших с ним взаимоотношений.

Она не ответила, продолжая смотреть на него.

— Я требую, Виктор! — впервые она назвала его полным именем.

Он молчал.

— Прощай! — сказала она, указывая ему на дверь.

Виктор молча вышел.

Тетя Даша застала племянницу в слезах.

— Что с тобой, дитя мое? — испугалась она.

— Тетя Даша, родная моя, помоги мне встретиться с начальником тюрьмы. Я хочу, я должна знать все об Иване. Уверена, это какое-то недоразумение. Мы должны помочь ему.

— Право, я не знаю, Шурочка, что мы можем сделать для него. Но я попробую...

Начальник Верхотурской тюрьмы уступил просьбе одной из почитаемых особ города встретиться с ее племянницей, надеясь направить девушку на путь истинный. Он убеждал Шуру, что она глубоко заблуждается, интересуясь таким человеком, как Малышев.

— Вы еще так молоды, так прекрасны,— уверял он,— и я не сомневаюсь в том, что у вас есть хорошие друзья. Если вы хотели помочь Малышеву, то это следовало сделать несколько раньше. Сейчас на него не смогла повлиять даже его собственная мать. И тем не менее я бы не отказал вам во встрече с ним...

Шура с мольбой подняла на него глаза.

— Но, к сожалению, я лишен такой возможности,— с наигранным сочувствием говорил он.— Малышев переведен в другую тюрьму.

— Ради бога, куда?

— Сожалею, но этого я сказать не имею права. И позволю себе посоветовать, милая барышня, будьте подальше от подобных молодых людей.

— Эти советы приберегайте для других,— резко сказала она и выбежала прочь.

...Робко переступила Шура порог дома Малышевых.

— Вы кто будете? — спросила ее Анна Андреевна.

— Это неважно. Меня зовут Шура. Я знаю, что Ваня в тюрьме и что вы встречались с ним. Расскажите, как он себя чувствует. Пожалуйста!

— Свидание было коротким, мы ничего не успели сказать друг другу. Но он молодец, держится хорошо...— Анна Андреевна была не в силах продолжать. Успокоившись, она сказала: — Он очень хороший, мой Ваня. Верьте ему, Шура.

Шура вдруг обняла Анну Андреевну и тихо сказала:

— Я знаю...

Неожиданная встреча

Ивана отвели в камеру № 8, указали на койку. Он сел, опустив голову, сердился на себя: «Струсил! Не поддержал. Нужно было заступиться за того товарища...» Кто-то подсел рядом.

— Здравствуй, Иван!

— Миша! — обрадовался он, узнав Туркина.

В глазах зажгло, но он превозмог себя и рассказал, что произошло несколько минут назад в приемной тюрьмы.

— И я тоже струсил,— закончил Иван.

— Ты несправедлив к себе,— сказал Туркин.— В незнакомой обстановке надо быть осмотрительным. Можно было выступить, если уверен, что тебя поддержат.

— А как же тот товарищ?

— Думаю, что он не прав. Сила — в коллективе. Разве ты не убедился в этом на Мотовилихе? Мы сейчас готовимся к голодовке. Когда убедимся во всеобщей поддержке, выставим свои требования.

— Я согласен голодать,— ответил Иван.

— Отдыхай пока. Завтра поговорим...

На другой день Иван снова вспомнил о бесстрашном товарище, сравнивая его со Лбовым.

— Лбов... Мне помнится, ты восхищался им?

— А разве он не герой?

— Может, и герой. Но он, Ваня, оторвался от нашей партии, а значит, и от всего рабочего класса.— И Миша рассказал все, что знал о «лесных братьях» и о том, что партийный комитет Перми не одобряет действий Лбова, сообщил о его деятельности в Надеждинске.— Это же политическая диверсия! Авантюризм!

Они надолго замолчали. Потом Иван осторожно спросил:

— Ты знаешь, где сейчас Клава?

— Клава?..— Миша задумался.— Когда я доживу до дедушки, если, конечно, доживу... А я хочу дожить. Жизнь будет красивой, и наши внуки, наверное, даже не поверят, что мы все это пережили... Вот тогда я буду рассказывать им об удивительной девушке, не унывающей, верной делу, которому она себя посвятила...

Тогда, в 1906 году ее арестовали по обвинению «в содействии работе подпольной типографии». Через три месяца выпустили за недостатком улик. Но те три месяца не пропали даром. Клава успела переговорить со всеми постовыми, со всеми солдатами конвойной команды и выя-

вить среди них сочувствующих большевикам. Оказавшись на свободе, она организовала солдатские политические кружки, к концу года привлекла в них около 200 человек. Она снабжала их петербургской газетой «Казарма», листовками Пермского комитета. Часто листовки и газеты читала сама, так как многие солдаты были неграмотны.

Клава знала немало участников декабрьского восстания на Мотовилихе и поддерживала с ними связь. Учитывая это, партийный комитет дал ей новое ответственное задание: организовать побег из тюрьмы трех большевиков, приговоренных к смертной казни. Требовалось найти отважных боевиков (дружины 1905 года были распущены). Кирсанова установила связь с Александром Лбовым и с его помощью готовила побег.

После очередной операции она вынуждена была уйти к «лесным братьям». И там она не осталась без дела: стала сестрой милосердия и бережно выхаживала каждого раненого. Ей приходилось много ездить: раненых прятали в разных местах. И снова небезызвестный Яков Вотинов нападает на ее след. Ее судят по «делу анархистов» и отправляют на поселение в Иркутскую губернию.

Через полтора месяца от иркутского губернатора поступает депеша: «...из места ссылки, села Яндинского, Балаганского уезда, Иркутской губернии, скрылась...». Неугомонная Клава продолжает работать...

Александр Лбов, узнав о судьбе рабочих Надеждинского завода, признал свою вину. Он оставил «лесных братьев» и уехал в Вятку. Лбов замечал постоянную слежку за собой, но ему удавалось уходить от преследователей. Почувствовав новую опасность, он уехал из Вятки в деревню. Но и здесь его настигли ищейки. К Лбову подошел полицейский надзиратель и потребовал следовать за ним. Сопровождающий надзирателя стражник пристроился вслед за Лбовым. Одно мгновение, и Лбов убивает стражника, отстреливаясь, убегает. Выстрелы привлекают других стражников, завязывается перестрелка. Лбов не успевает перезарядить обойму маузера, его хватают, вяжут и жестоко избивают.

Сообщение газеты «Уральская жизнь» от 26. 4. 1908 года:

«22 апреля в г. Вятке суд рассмотрел дело А. М. Лбова, именуемого себя Семеном Лещем. Приговорил его к смертной казни через повешение».

...Виктор чувствовал себя обиженным, но не проститься с Шурой не мог.

— Уезжаешь? — спросил он, явившись к ней.

— Зачем ты пришел?

— Проститься.

— Прощай.

— Ты больше ничего не скажешь мне?

— Я тебе, кажется, объясняла, что до тех пор, пока ты подробно не расскажешь о том, что говорил следователю, другого разговора между нами не будет.

— Неужели тебе так важно это знать?

Шура молчала. И тогда он рассказал все.

— Ты же предал Ваню, предал его друга. Какой же ты подлец!

— Пойми, Шура! — оправдывался он.— Я не мог поступить иначе. Мне грозили! Требовали!.. Наконец, я думал не столько о себе, сколько о нас с тобой...

Шура смотрела на него с презрением.

— Скажи мне что-нибудь! — взмолился он.

— Прощай.

В «каменном мешке»

Политические Николаевского арестантского отделения начали голодовку. Жирнов вызвал к себе Евсюнина, требуя во что бы то ни стало найти зачинщиков.

— Чтоб всех в карцер, до единого! Сам проверю. Я не потерплю бунтовщиков!..

И провокатор, подсаженный в одну из общих камер, одного за другим выдавал организаторов.

Из восьмой камеры первым увели Мишу Туркина, потом еще двух. Их подвергали унизительному переодеванию в холщовое белье и лапти. Арестованные, остающиеся в камере, провожали своих товарищей стоя.

Наконец и Ивану бросили на постель холщовое белье.

— Раздевайся!..

Иван еще не знал, что дорога в каменный мешок, как называли карцер, шла через длинную лестницу, на которой, по «сценарию» самого Жирнова, выстраивался коридор из надзирателей, прошедших специальную тренировку и наносивших удары кулаками так, что избиваемый неминуемо попадал на следующий кулак. И так до конца лестницы.

Ивана вывели из главного корпуса. Весенний рассвет с говором птиц. Проталинки с тонкой корочкой льда. Иван вдыхал пьянящий аромат, под ногами потрескивал ледок, лапти наполнялись водой, обжигая холодом босые ноги. Распахнулась дверь, и он попал в кулачный строй надзирателей...

Потом обессиленного, окровавленного, его втолкнули в каменный мешок. Гудела голова, распухло лицо. Он с трудом поднялся, сделал два шага и рухнул на кровать, покрытую грязной рогожей.

Принесли еду. От нее исходил раздражающий запах. Он отвернулся. И его снова били кулаками, плетьми, связками ключей. И так каждый день. Сколько их было — он потерял счет. Тело горело. Он стал часто терять сознание. Потом наступило забытье...

Виктор

Прошло несколько месяцев как уехала Шура, а Виктор все еще не верил, не хотел верить, что они могут расстаться навсегда. Он решил, что последнее прощание было ее капризом, ждал письма, но она молчала. Он начинал писать сам, но каждый раз рвал написанное. Наконец решил ждать лета: приедет сама и все образуется. Так, успокаивая себя в очередной раз, он гулял в парке.

— Виктор, дружище! Сколько лет, сколько зим! — Перед ним стоял Евгений Шагин, весельчак, балагур, с которым раньше он не раз бывал в компаниях.— Ты что такой кислый? Неприятности по службе?

— Нет. Все в порядке.

— Тебе изменила твоя «королева»? Бог с ней, приятель. Не одна она на свете... Кстати, тобой интересовалась Путимцева.

— Ты же знаешь, что я не бываю у них.

— И зря. А какие там веселые девицы! Да и сама хозяйка без внимания не оставит. А уж пироги у нее...

— Слащава и толста,— сухо произнес Виктор.

— Ну, тебе виднее... Но уж, надеюсь, от дома Ивана Ермолаевича ты не откажешься?

— Не знаю, право. У них я тоже давно не был.

Виктор перестал бывать на приемных днях у самого богатого купца в городе Злыгостева из-за Шуры, которой не понравилось общество «скучных девиц».

— Вот и чудесно. Всех обрадуешь
— Знаешь, Евгений...
— И знать не хочу! Через час, хочешь не хочешь, увезу к Ивану Ермолаевичу.
Евгений ушел, а Виктор подумал: «А почему бы в самом деле не развлечься?»

Массивные канделябры освещали гостиную дома Злыгостевых. Хозяйка, Мария Александровна, приветливо встречала гостей.
— Боже мой, кого я вижу, Виктор! — она всплеснула руками.— Серж! — позвала она сына.— Посмотри, кто к нам пришел!
Виктор поцеловал руку хозяйки. Внимание ему льстило. Подошел Сергей в окружении девиц.
— Говорят, вас впутали в пренеприятную историю? — сразу спросила одна из них.
— Он героически выпутался из нее,— ответил за Виктора Евгений и потянул его в сторону.— Уволь от этих девиц, пусть Сергей мучается — он хозяин, а мы заглянем в другое место. Не возражаешь опрокинуть бокал?
— Пожалуй.
— Тогда вперед!
В следующей гостиной возле небольшого столика стояла компания молодых людей с бокалами. Они заразительно смеялись. «Мусолят очередную сплетню»,— подумал Виктор.
— Здорово, блудный сын! — тотчас крикнул Виктору сын настоятеля Троицкого монастыря, семинарист.— Да ты, я вижу, трезвехонек. Полный бокал ему, господа!
Бокал, еще бокал. Скоро Виктор повеселел.
— Чертовски здесь хорошо,— говорил он, обнимая семинариста.— Надеюсь, ты отпустишь мне грехи, когда станешь духовным отцом?
— Бог простит.
Они чокнулись и выпили еще по бокалу.

— Ты где был? — встретила Виктора мать.— Я волнуюсь... Ты пьян?
— Жизнь прекрасна, мамочка!
— Я думаю, Шура не одобрит твое поведение.
— Ну и пусть.
— Где ты был?
— У Злыгостевых.

— Боже мой! Ложись скорее спать. И ни слова отцу.

Виктор лежал в постели, кружило голову. Он вспомнил партнершу по мазурке: милая девица. Но перед его глазами снова стояла Шура. Вначале та необычная «Раймонда», потом на пикнике: нежная, желанная и, наконец, злая, возмущенная. Все-таки она была нужна ему. «Однако следует ее проучить,— злорадно подумал он,— а мне слегка поразвлечься. Она от меня все равно не уйдет...»

Так решил он, сладко проваливаясь в сон.

И ни одной мысли о том, кто был когда-то его лучшим другом.

Тюремный университет

Очнувшись, Иван увидел большую комнату. Веки были тяжелыми, и он снова закрыл глаза.

— Видать, ожил,— услышал чей-то далекий голос.

— Где я? — спросил.

— В больнице, дружок,— чуть слышно ответил сосед.

Иван с трудом открыл глаза. Человек, лежащий рядом, был страшен: огромные ввалившиеся глаза в фиолетово-коричневых обводах, обросший, со спутанными, слипшимися волосами и ссадинами по всему лицу. Иван не мог в эту минуту видеть себя: он ужаснулся бы еще больше.

Принесли еду. Иван вспомнил: «Голодовка!» — и отвернулся от миски.

— Поешь, милок, голодовка закончилась,— сообщил сосед.

Иван попытался повернуться, но движение вызвало нестерпимую боль. Он медленно взял кусок хлеба, съел немного и отложил.

— Пить,— едва выговорил слово.

— Товарищи,— обратился сосед.— Кто в силах подняться, принесите воды.

Иван с жадностью пил, вглядываясь в того, кто поил его. И узнал. Это был тот самый товарищ, который спорил с начальником тюрьмы.

— Простите,— чуть слышно сказал Иван и вновь потерял сознание.

...Очнулся он через день и снова попросил воды. Сосед уже не казался таким страшным.

— Познакомимся,— сказал он.— Меня зовут Александром Михайловичем.

— Иван Малышев. Из Верхотурья.

— Почти земляки...

Отчество соседа вызвало у Ивана дорогое воспоминание. Он не удержался и спросил:

— Вы не знали такого — Окаемова Михаила Александровича?

— Помню одного... в Петербурге. Правда, тогда его звали просто Миша. И фамилия у него была другой. Позднее встречались в Екатеринбурге, потом в Верхотурской тюрьме и... недавно здесь. И больше уж не доведется.

— Почему? — насторожился Иван.

— Неделю назад вот на этой самой койке скончался он.

Известие потрясло Ивана. Превозмогая боль, он пытался подняться.

— Лежи, лежи, Ваня. Слаб ты еще.

— Нет, я должен...

Но силы оставили его.

Через несколько дней Ивана перевели в одиночку. На прогулках он двигался медленно, ныла спина. Выступавшая на ссадинах кровь прилипала к белью, вызывая боль, но он старался привыкать к ней. Во время одной из прогулок к нему приблизился сутулый человек:

— Я староста, моя фамилия Гольдман. За всем, что вам необходимо, обращайтесь ко мне. Рекомендую пользоваться библиотекой, она находится в девятой камере. Есть литература, даже Маркс, правда, на немецком языке. Языком владеете?

Иван отрицательно покачал головой.

— Не беда, юноша. Дам словарь. Надеюсь, справитесь. Вы откуда?

— Верхотурский.

— Есть интересный словарь Верхотурского края. Познакомьтесь.

Вместе с обедом надзиратель принес толстую потрепанную книгу. Это и был обещанный словарь. В нем подробно описывались волости и города, входящие в Верхотурский уезд, рассказывалось о воеводах. Иван невольно вспомнил деда, его легенды и рассказы и стал читать: «Никита Петрович Берестинский с товарищем Максимом Семеновичем Языковым в 1623 году просили царя об уничтожении кабака в Верхотурье, приводя в мотивы для сво-

его ходатайства то, что спившиеся стрельцы, казаки, ямские люди и пашенные крестьяне дошли до полного обнищания».

Ответ из Москвы поступил в виде выговора: «От кабацкого пития верхотурских служилых людей, ямских охотников и пашенных крестьян унимать не смейте...», а в конце еще и царское назидание: «И вам единолично порадети, чтоб кабацкий сбор был больше прежних годов, чтоб нашей казне была прибыль».

— Ай да царь,— заметил Иван.— Пей, гуляй, жизнь трави, лишь бы казне прибыль.

Времени было много. Иван прочитал Каутского, Богданова. Много для него было неясного, и он, к тому времени в совершенстве овладевший тюремной азбукой, «спрашивал» у соседа. Соседом был Александр Михайлович. Прогулки теперь превращались в диспуты, никто этому не препятствовал. Обстановка в Николаевской тюрьме изменилась. Причиной тому оказалась комиссия в связи с тем, что в тюрьме от избиений умерли Окаемов и тагильский рабочий Шамин. Наиболее «усердных» надзирателей сместили.

...Наступило лето. Виктор уже давно оправился от тяжелых дум, забыл неприятный разговор с Шурой. Он часто посещал званые вечера, не отказывался бывать у Путимцевых. Теперь он находил, что хозяйка дома очень мила и гостеприимна.

На всех вечерах он пользовался неизменным успехом у девушек, но ни одна из них пока не заинтересовала его.

— Сегодня я виделась с Дарьей Викторовной,— однажды завела разговор с сыном Елизавета Федоровна.

— И что же? — равнодушно спросил он.

— Шура написала, что не собирается нынче в Верхотурье. Дарья Викторовна ужасно огорчена. Ты не знаешь, почему Шура так решила?

Виктор молчал.

— Вы что, поссорились? — допытывалась Елизавета Федоровна.

— Видимо, я больше не интересен ей.

— Ах, Витя, не смог удержать такую девушку! Объясни наконец, что произошло между вами?

— Очень просто, мама. Александре Владимировне нужен герой, а я, как ты знаешь, рядовой обыватель.

Анна Андреевна получила уже второе письмо от Шуры, в котором та еще раз напоминала о себе и просила написать, есть ли что-нибудь новое об Иване.

— Славная она, видать, девушка,— говорила Анна Андреевна приехавшей Маше.

Маша освободилась из тюрьмы с помощью Андрея Алексеевича Кожурина, уважаемого в Туринской волости, человека с большими связями.

— Он очень хороший человек,— делилась с матерью Маша.— А детишки просто чудо: Костик такой сообразительный, хоть ему всего пятый годик, Тонечке — два.

— Ты хочешь выйти за него замуж? — неожиданно спросила Анна Андреевна.

— Если он сделает предложение...— она задумалась, потом решительно закончила: — Я стану его женой.

...Жизнь в Николаевке преображалась. Опустели карцеры. Арестованных разместили в одиночках и общих камерах. Улучшилось питание. Политические не теряли времени: читали, спорили. Наконец Иван дождался: ему принесли «Капитал» Маркса и немецкий словарь. Читал медленно, но упорно и настойчиво одолевал страницу за страницей с помощью Александра Михайловича. И вдруг тот неожиданно сообщил:

— Мы скоро расстанемся, друг мой. Не отступайте от пути, на который вы стали. Испытаний будет еще много, но я уверен, что мы придем к нашей цели.

Этот их разговор оказался последним. Иван глубоко переживал новую разлуку. Не стало больше прекрасного собеседника. И, чтобы заполнить время, он целиком погрузился в книги.

...Шура так и не приехала в Верхотурье. Жалел ли об этом Виктор? Его волновало другое: предстояла разлука с Евгением Шагиным, с которым он последнее время не расставался. С ним не заскучаешь: находчивый, остроумный, всегда неунывающий. Но никто, в том числе и Виктор, не мог предположить, что жизнь Евгения на самом деле не была такой беспечной, какою она казалась. Его отец, имевший когда-то немалое состояние, пополненное удачной женитьбой, потихоньку проматывал его и лет пять назад уже не досчитывался доброй его половины. В тот же год умерла мать Евгения. Вскоре отец женился на молодой красавице, которая знала цену не только себе, но

еще больше — роскоши. Деньги отца таяли. Дома начались неурядицы и скандалы. Евгений сознавал, что становится лишним, и ему ничего не оставалось делать, как воспользоваться приглашением престарелого родственника и переехать к нему на жилье в Саратовскую губернию. Со стороны матери Евгений оставался единственным наследником.

— Я завтра вынужден уехать,— сообщил он Виктору.

— Надолго?

— Это зависит не от меня.

— А как же я?

— Будешь мне писать.

Евгений уехал. Скоро от него пришло письмо с подробным описанием поместья, где ему уготовано коротать свой досуг в обществе престарелого деда и множества приживалок. В письме стояли строки Пушкина:

Какое низкое коварство
Полуживого забавлять,
Ему подушки поправлять,
Печально подносить лекарство,
Вздыхать и думать про себя:
Когда же черт возьмет тебя!

Виктор ответил незамедлительно, посвятил несколько строк сочувствия другу. Далее он сообщал, что в ближайшее время ждет повышения по службе, но большую часть письма занял описанием появившейся в Верхотурье красавицы, о которой говорит весь город.

На это Евгений ответил:

«Я готов порадоваться за тебя, благословляя твою веселую, счастливую и вместе с тем деловую жизнь. О своей распространяться не буду, так как она, по всей видимости, обратно пропорциональна твоей. И тем не менее общего у нас с тобой много.

Если отбросить все твои восторги по поводу «красавицы», повышения по службе, которая, надо думать, в твоей жизни тоже не подарок, то что же остается?

Мы с тобой просто идем. Куда, зачем, мы не только не знаем, но и вряд ли задаемся таким вопросом. Мы тоже куем. Нет, виноват, это я просто сбрехнул по привычке. Ничего мы не куем. Мы существуем. Мы обыватели. У нас есть вопросы, но нет ответов. Их и не будет. Потому что ответы ищут, а мы предпочитаем беречь силы и нервы.

Породы мы людской и потому иногда скучаем, но бо-

лее пьем, едим, развлекаемся. Словом, все людское аккуратно справляем.

А наши интересы? Интересы и мещанство живут в нас дружно. Нам доступна поэзия, а потому, выбрав место посмешней, а еще лучше — попикантней, мы смеемся здоровым русским смехом, хватаясь за коленки. А потом рассказываем анекдоты. И довольны собой.

Обычаев града не смеем переступить! К чему нам это? Пусть это делают другие. Мы соберем ягодки...»

Виктор отложил письмо, задумался: «Что-то случилось с Евгением. Отчего он стал таким жестоким? Наверное, все это копилось в нем, а теперь выплеснулось. Но в чем-то он, пожалуй, прав».

На книге лежала визитная карточка. Виктор взял ее.

— Боже мой, это же приглашение от НЕЕ! — обрадовался он.

Взглянув еще раз на письмо Евгения, с усмешкой произнес:

— Не будем же менять обычаев града!

И поспешил на приглашение «красавицы».

Заканчивался 1908 год. Были осуждены начальник тюрьмы Жирнов, его помощник Конюхов, надзиратели Евсюнин и Кожин. Другие надзиратели смещены. Правда, со временем все они были оправданы и переведены в другие губернии. Ходили слухи, что провокатора Помазкина уголовники зарезали на этапе.

Опустели некоторые камеры. Часть политических освободили, часть отправили в другие тюрьмы. Иван попрежнему много читал. Вот и сейчас, возвратив надзирателю миску, он получил взамен книжку.

— Ты что, Северьян Прокопьевич? — спросил он надзирателя, увидев, что тот не собирается уходить.

— Вот смотрю я на вас, политических, и не могу уразуметь, что вы за люди. Холодно здесь и голодно, бьют вас, а вам все нипочем. Привезут в тюрьму, всего из себя плюгавого, а он посидит здесь и не токмо грамоте обучится, а еще и балякать не по-нашему зачнет. А ведь как знать, какая вам судьба уготована. Вот и здесь, сказывают, двоих до смерти забили. А они тоже, поди, книжки читали. Зачем? Это вы мне можете объяснить?

— Оттого, Северьян Прокопьевич, что мы, политические, живем для завтрашнего дня, для будущего. Конечно, мы любим жизнь, но нам не все равно, какая она есть.

Лишь бы жить — это не для нас! Мы хотим лучшей жизни и за это будем биться. А ради этого и свою собственную жизнь можем отдать, если потребуется.

— Мудрено вы говорите, Иван Михайлович. Однако понял я, что вы желаете для народа жизни хорошей. А как? Царь — далеко, господь высоко...

— А разве без них не обойтись?

— Как можно?

— А если попробовать? Может, они и в самом деле лишние?

Надзиратель помолчал, а потом медленно пошел к двери.

15 декабря 1908 года дело Ивана Михайловича Малышева было прекращено.

За воротами тюрьмы Иван зажмурился от яркого солнца. Искрящийся снег хрустел под ногами.

— Ванечка, родненький!

К нему, утопая в снегу, спешила Маша.

— Радость-то какая! — сквозь слезы говорила она.

— Ты хорошо выглядишь, Машенька,— заговорил Иван, чтобы избежать излишних волнений.— Так же, как три года назад, когда я уезжал в Пермь.

Маша продолжала молча разглядывать его.

— Не узнаешь, что ли? — улыбнулся он.

— Ты очень возмужал, Ваня. Можно подумать, что мы не виделись много лет.

— Ты не ошиблась. Того брата, которого ты знала раньше, нет больше. Он остался в тюрьме. Юность кончилась. Другая жизнь начинается: трудная и... опасная.

Она протянула ему руку и серьезно, очень серьезно сказала:

— Здравствуй, мой взрослый брат.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Иван Михайлович Малышев — один из немногих деятелей революционного движения и борьбы за установление Советской власти, который провел на Урале всю свою короткую жизнь. На Урале он родился, учился, работал, здесь он боролся с царизмом в условиях подполья, сидел в тюрьмах, участвовал в подготовке и проведении социалистической революции, устанавливал и утверждал власть Советов. На Урале И. М. Малышев вырос в крупного партийного, советского и профессионального работника. Здесь он воевал и погиб, защищая Урал от контрреволюции.

3 июля 1918 года в Екатеринбурге состоялось собрание членов городской партийной организации большевиков, посвященное памяти И. М. Малышева. Работавший в то время по заданию Центрального Комитета партии на Урале, а позднее советский партийный и государственный деятель А. А. Андреев, выступая на этом собрании, говорил: «Нам, близко знавшим Ивана Михайловича, видевшим его каждый день, видевшим, как он растет на живой работе, как он отдает по капле свою жизнь, свою энергию рабочему классу,— нам особенно тяжело переживать его утрату. Пролетариат не богат крупными силами, и таких бойцов революции, каким был Иван Михайлович,— трудно найти... Со смертью Ивана Михайловича уральский пролетариат стал ниже на одну голову, так как он потерял того, кто был лучшим из нас, кто был лучше всех связан с массами, кто лучше всех понимал задачи, стоящие перед революцией».

С юношеских лет, с 1906 года И. М. Малышев связал свою судьбу с Коммунистической партией, смело и решительно боролся в ее рядах за победу социалистической революции. Пять раз царские жандармы выслеживали и арестовывали его, избивали, пытали, ссылали, но не смогли сломить дух стойкого революционера. За арестами в 1906 году в Перми и в 1907 году в селе Фоминском последовал арест в Надеждинске (ныне г. Серов), куда И. М. Малышев переехал в 1909 году. Здесь он устроился на работу в мартеновский цех металлургического завода.

В годы реакции, последовавшей за революцией 1905 года, в городе была почти полностью разгромлена партий-

ная организация. С большим трудом приходилось вновь налаживать работу. Индивидуальная агитация, использование легальных возможностей кружков самообразования и потребительского кооператива, организация за городом массовок рабочих, выпуск прокламаций позволили И. М. Малышеву и его товарищам по борьбе в сравнительно короткий срок восстановить в Надеждинске организацию РСДРП, которую Иван Михайлович возглавил.

Но 18 сентября 1911 года снова последовал арест. И. М. Малышева с пятью другими товарищами отправили в Верхотурскую тюрьму, а затем перевели в Нижний Тагил, где находилась канцелярия жандармерии. Однако доказать причастность подпольщиков к организации РСДРП царской охранке не удалось: при обысках не было найдено никаких улик. Обвинение сняли, а арестованных подвергли административной ссылке в село Покровское Тобольской губернии. С большим трудом они добились разрешения остаться в Тюмени. И. М. Малышеву удалось устроиться на службу конторщиком в один из магазинов известной в то время торговой фирмы братьев Агафуровых. Но напрасно думала царская охранка, что И. М. Малышев отойдет теперь от революционной борьбы. Он и здесь установил связь с местной социал-демократической организацией и начал работать в ней пропагандистом, распространять листовки и прокламации, нелегальную литературу.

В августе 1912 года последовал четвертый арест подпольщика. Тринадцать месяцев просидел И. М. Малышев в Тюменской тюрьме в ожидании суда, из них полгода — в одиночной камере. Лишь в октябре 1913 года его выпустили на свободу. Может быть, иного и сломили бы аресты, ссылка, но не таков был большевик И. М. Малышев. Репрессии только закаляли его характер и волю в борьбе с самодержавием.

Осенью 1913 года Иван Михайлович перебирается в Екатеринбург и устраивается на службу в главную контору братьев Агафуровых (сейчас в этом доме в Свердловске, по ул. Вайнера, 16, помещается магазин «Детский мир»). Он быстро наладил связь с партийной группой Верх-Исетского завода, а осенью 1914 года перешел туда на работу секретарем больничной кассы, председателем которой был также большевик, Николай Михайлович Давыдов.

23 июня 1912 года под напором рабочего класса цар-

ское правительство издало закон о страховании. Был он очень куцый, средства больничных касс создавались за счет отчислений от заработка рабочих и процентных начислений на зарплату предприятий. Этот закон не обеспечивал полностью нужд рабочих, но все же больничные кассы оказывали помощь в случае увечья и болезни. Правления касс создавались на паритетных началах: одинаковое количество членов от рабочих и администрации.

В 1913 году в стране развернулась страховая кампания, высокую активность в которой проявили большевики. Они призывали рабочих к активному участию в выборах страховых органов. Нужно было овладеть больничными кассами и сделать их легальными организациями пролетарских масс.

Работая секретарем больничной кассы, И. М. Малышев вскоре стал руководителем большевиков завода. Способный партийный организатор, опытный пропагандист, Иван Михайлович быстро завоевал доверие верх-исетских рабочих. Он не был профессиональным оратором, не обладал красноречием, но его очень любили слушать рабочие. Говорил он спокойно и убедительно, умело подбирая аргументы для своих выступлений.

Под руководством И. М. Малышева партийная группа ВИЗа выросла численно и окрепла, сделалась центром, вокруг которого группировались массы сочувствующих партии рабочих. Вместе с ним на заводе активно работали большевики Н. М. Давыдов, С. Ф. Барапов, А. Я. Фехтер, А. К. Лепа, К. Г. Завьялова и другие. Они установили связь с большевиками заводов и фабрик Екатеринбурга для проведения согласованных действий. Писали и размножали на гектографе листовки и прокламации, где разоблачали империалистический характер войны, призывали рабочих и солдат к борьбе за превращение войны империалистической в войну гражданскую против царизма и капитализма. Многие прокламации писал сам Малышев.

В конце 1915 года И. М. Малышева призывают в армию. Он служит в Саратове, в запасном полку, занимается агитационной работой среди солдат. Но по болезни через несколько месяцев его демобилизуют, и он возвращается в Екатеринбург.

Партийная группа Верх-Исетского завода была одной из наиболее сильных в городе. После объединения с партийными группами других предприятий, летом 1916 года, была создана Екатеринбургская партийная организация,

избран городской комитет РСДРП. Возглавил его И. М. Малышев.

При активной помощи большевиков Екатеринбурга партийные организации были созданы и в других городах Урала: Невьянске, Лысьве, Ревде, Златоусте, Кыштыме, Нижнем Тагиле, Чусовом, Верхней Туре.

Встал вопрос о создании областного партийного руководства. В период подготовки к созыву уральской партийной конференции, в ноябре 1916 года, состоялось совещание представителей парторганизаций нескольких городов Урала, на котором был избран Временный комитет по созыву областной конференции РСДРП во главе с И. М. Малышевым.

Созыв конференции намечался на 15 января 1917 года. Однако царские ищейки, давно следившие за деятельностью екатеринбургских большевиков, в ночь с 14 на 15 января произвели аресты. Были арестованы руководители городской парторганизации и Временного комитета. В пятый раз И. М. Малышев попал в тюрьму, из которой освободила его только Февральская революция.

Участница революционного движения и гражданской войны, член партии с 1917 года Екатерина Игнатьевна Кочкина, арестованная вместе с Иваном Михайловичем, позднее вспоминала: «3 марта 1917 года, освобожденные из тюрьмы революционными рабочими Екатеринбурга, мы сразу же отправились на митинг в Верх-Исетский завод. На трибуне ораторствовал главарь екатеринбургских эсеров Хотимский, доказывая рабочим, что они преждевременно требуют введения восьмичасового рабочего дня и повышения заработной платы. Надо потерпеть, говорил он, до созыва Учредительного собрания. Участники митинга выражали свое недовольство соглашательской речью оратора, то и дело прерывая его репликами и возгласами возмущения.

После Хотимского на трибуну поднялся И. М. Малышев. Он не торопясь, без громких фраз, опроверг все аргументы эсера, показал, на чью мельницу льют воду эсеры и меньшевики, и призвал рабочих теснее сплотиться вокруг большевистской партии, вести беспощадную борьбу с соглашателями и капиталистами за свои политические и экономические права.

По предложению тов. Малышева митинг принял большевистскую резолюцию».

С особой силой развернулся организаторский талант

И. М. Малышева после Февральской революции. Он бывал на заводах и фабриках, в железнодорожных мастерских и воинских частях Екатеринбурга, выступал на частых в то время рабочих и солдатских митингах и собраниях. Он умел быстро установить контакт с людьми.

На первом партийном собрании большевики Екатеринбурга избрали городской комитет РСДРП(б) во главе с И. М. Малышевым. На посту председателя Екатеринбургского комитета РСДРП(б) он оставался до конца своей жизни. Когда был организован Екатеринбургский Совет рабочих и солдатских депутатов, И. М. Малышева избрали заместителем председателя Совета.

Среди других делегатов-уральцев Малышев был участником VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б), состоявшейся 24—29 апреля 1917 года в Петрограде, на которой выступал Владимир Ильич Ленин. Иван Михайлович был также делегатом VI съезда партии. По всем вопросам на съезде уральская делегация, в которую входили И. М. Малышев, А. Л. Борчанинов, С. М. Цвиллинг, А. А. Кузьмин, Ф. И. Голощекин, К. Г. Завьялова и другие, занимала принципиальную ленинскую позицию.

Вернувшись из Петрограда, делегаты съезда выступали в различных городах на партийных собраниях с докладами о решениях съезда. Екатеринбургских и нижнетагильских коммунистов информировал И. М. Малышев. Он говорил о политической обстановке в стране, призывал партийные организации сосредоточить все внимание на подготовке вооруженного восстания.

После Октябрьской революции И. М. Малышев активно участвовал в организации советского аппарата. Его избирают членом Уральского областного Совета профсоюзов, членом областного бюро Всероссийского союза металлистов. С января 1918 года И. М. Малышев — председатель Уральского областного комитета РСДРП(б). Третий областной съезд Советов Урала избрал его областным комиссаром труда. Выступая на этом съезде с докладом об организации и задачах областного советского аппарата, он говорил: «Мы зажгли факел международной пролетарской революции, поэтому мы должны думать о том, чтобы создать орган, который бы охватил сверху донизу весь строй хозяйственной жизни, чтобы взамен разрушаемой капиталистической организации производства создалась новая — социалистическая».

На посту областного комиссара труда И. М. Малышев находился до марта 1918 года. По его инициативе был принят ряд важных постановлений Комиссариата труда Уральского областного Совета рабочих и солдатских депутатов, направленных на улучшение организации и условий труда рабочих.

В конце 1917 — начале 1918 года наибольшую опасность для молодой Советской Республики представляли контрреволюционные казачьи банды атамана Дутова, поднявшие восстание на Южном Урале. К Дутову стекались белогвардейские офицеры, кулацкая часть казачества. Дутовцы захватили Оренбург, Верхнеуральск, Троицк, продвигались к Челябинску.

В конце декабря 1917 года из Екатеринбурга на борьбу с Дутовым выехали отряды верх-исетских рабочих, железнодорожного узла и мастерских под командованием Петра Захаровича Ермакова. Вместе с другими красногвардейскими отрядами они разгромили контрреволюционеров и заняли Оренбург. Дутов бежал. Однако вскоре он снова поднял мятеж. Когда областной комитет партии принял решение об отправке для борьбы с белоказаками 2-й Уральской дружины, комиссаром ее назначили И. М. Малышева. В начале марта 1918 года он отбыл на фронт.

Второй поход против белоказачьих банд закончился их полным разгромом. Дутов с кучкой приверженцев бежал в Тургайские степи. В первых числах мая И. М. Малышев вернулся в Екатеринбург и приступил к работе, но снова ненадолго. Начался спровоцированный империалистами мятеж корпуса белочехов. И. М. Малышева назначают комиссаром Златоусто-Челябинского фронта, и в конце мая он уезжает к месту боев.

Много энергии вложил Иван Михайлович в дело объединения разрозненных красногвардейских отрядов и отдельных частей Красной Армии в силу, способную противостоять кадровым, хорошо вооруженным войскам белочехов. Находившийся на Златоусто-Челябинском фронте Ф. Е. Акулов рассказывал об И. М. Малышеве: «Он работал буквально по 24 часа в сутки, его выносливость, его работоспособность поражали всех, кто его окружал. И, несмотря на эту нечеловеческую работу, он всегда был бодр духом и телом. Он отдыхал между делом, так как и ночью для него не было отдыха — он ездил на передовые позиции, лично проверял патрули, заставы, караулы».

В очень трудном положении находились на фронте советские войска. Приходилось бороться не только с белочехами, но постоянно отвлекать силы для борьбы с другими контрреволюционными элементами. Так, в тылу наших войск, в Кусинском заводе, правые эсеры подняли кулацкое восстание. Они арестовали кусинских коммунистов и советских работников. Когда сведения об этом дошли до И. М. Малышева, он направил туда красногвардейцев и сам с ротой эстонского коммунистического батальона выехал на место, чтобы лично руководить боем. Утром 22 июня Кусу освободили, бандиты разбежались. И. М. Малышев решил, не дожидаясь возвращения роты эстонцев, ехать в штаб фронта, который находился на станции Уржумка между Златоустом и Миассом. К штабному вагону комиссара был прицеплен вагон с ранеными красноармейцами.

Ночью, когда состав подошел к станции Тундуш, эсеро-кулацкая банда из села Куваши, заранее кем-то предупрежденная, совершила налет на поезд комиссара фронта. В жестокой схватке погибли И. М. Малышев, его ординарец Савва Белых и другие товарищи. Зверскую расправу учинили бандиты над ранеными бойцами и медицинским персоналом...

Существует несколько версий гибели Ивана Михайловича Малышева, так как очевидцев его смерти не осталось. С уверенностью можно сказать лишь одно: отважно, до последнего удара сердца, сражался с врагами комиссар.

* * *

Только в апреле 1920 года тело Ивана Михайловича было случайно обнаружено в болотистом месте, в полутора верстах от станции Тундуш, и перевезено в Златоуст. 18 апреля 1920 года в торжественной обстановке, с соответствующими почестями, состоялись похороны И. М. Малышева. Прах его покоится в братской могиле, вместе с другими коммунарами, погибшими в борьбе с врагами революции. К обелиску прикреплена мемориальная доска с надписью:

«Здесь похоронен уральской большевик, активный деятель Октябрьской социалистической революции Иван Михайлович Малышев. Убит белогвардейцами на станции Тундуш в 1918 году. Родился в 1889 году».

В сентябре 1920 года в Златоусте заседала выездная сессия Уфимского губернского революционного трибунала. Она рассмотрела дело группы эсеров и предателей по обвинению их в организации вооруженного восстания в селе Куваши, убийства комиссара фронта И. М. Малышева, 34 раненых красногвардейцев на станции Тундуш и других злодеяниях. Убийцы получили по заслугам.

* * *

Короткую, но яркую жизнь прожил Иван Михайлович Малышев. Можно только удивляться тому, как много успел сделать, как многого успел достичь. Он погиб, прожив только 28 лет.

Иван Михайлович был партийным работником крупного масштаба, возглавлявшим одну из самых больших в стране по количеству членов партии — Уральскую партийную организацию, талантливым военачальником, он умело проводил через профсоюзы политику партии. Это был прекрасно образованный марксист, умело сочетавший революционную теорию с практикой борьбы, любимый рабочими и солдатами агитатор и организатор масс.

В памяти уральцев никогда не померкнет образ Ивана Михайловича Малышева — стойкого коммуниста-ленинца, человека с мужественным сердцем и красивой душой, посвятившего свою жизнь, всего себя борьбе за счастье народа.

Б. Козулин,
член Союза журналистов СССР

СОДЕРЖАНИЕ

Малышева Н. И.

М20 И. М. Малышев.— Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1982.— 144 с., 8 с. ил.

25 к. 30 000 экз.

Рассказывается о детстве и юности видного революционера и общественного деятеля Урала Ивана Михайловича Малышева.

Адресуется широкому кругу читателей.

$М\frac{10202-012}{М158(03)-82}$ 0902030000

ББК 66.61(2)8
3КП1(092)

ИБ № 930

Нина Ивановна Малышева

И. М. МАЛЫШЕВ

Редактор В. Г. Лошак
Художник А. В. Вохмин
Художественный редактор В. С. Солдатов
Технический редактор Т. Н. Черепанова
Корректоры И. Ш. Трушникова, Е. И. Ерина

Сдано в набор 23.11.81. Подписано в печать 06.04.82. НС 12 073. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типогр. № 2. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. печ. л. 7,98. Уч.-изд. л. 8,0. Усл. кр.-отт. 8,8. Тираж 30 000. Заказ 567. Цена 25 коп.

Средне-Уральское книжное издательство, 620219, Свердловск, ГСП-351, Малышева, 24. Типография изд-ва «Уральский рабочий», 620151, Свердловск, пр. Ленина, 49. Обложка отпечатана в производственном объединении «Полиграфист», 620151, Свердловск, Тургенева, 20.

25 коп.

Свердловск
Средне-Уральское
книжное издательство
1982

